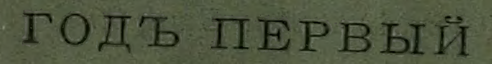
РУССКАЯ БЕСѢДА

ДЕКАБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

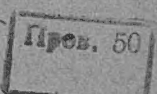
СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ БЕСѢДА

ДЕКАБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 декабря 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ.** Декабрь 1895 г.

Содержаніе: Окружное патріаршее и сѵнодальное посланіе Константинопольской церкви по поводу папской энциклики о соединеніи церквей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1896 годъ**

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ БЕСѢДА

(Второй годъ изданія).

Въ 1896 году «РУССКАЯ БЕСѢДА» будетъ издаваться въ томъ же духѣ и служить тѣмъ же цѣлямъ, какъ и въ 1895 году. Она останется органомъ т. наз. *славянофильскаго*, или точнѣе—**русскаго народнаго направленія.** Признавая святость церковныхъ преданій и свѣтлыхъ историческихъ завѣтовъ и желая Русскому Народу и Государству жить и развиваться въ полномъ согласіи съ ними, **русское народное направленіе,** которому служитъ «РУССКАЯ БЕСѢДА», ставитъ выше всего требованія *правды Божіей, христіанскую свободу духа и жизни.* По законамъ этой *правды* и *свободы* оцѣниваются и опредѣляются нами всѣ внутреннія отношенія и порядки Общества и Государства и ихъ внѣшнія отношенія и дѣла.

«РУССКАЯ БЕСѢДА» съ безплатнымъ приложеніемъ «БЛАГОВѢСТЪ» въ 1896 г. будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ 12 до 14 листовъ по слѣдующей **программѣ:**

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описаніе нравовъ,

обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 9) Библіографія и критика, 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ приложеніи «БЛАГОВѢСТЪ» помѣщаются статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Подписная цѣна на «РУССКУЮ БЕСѢДУ» съ «БЛАГОВѢСТОМЪ» съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣстности России и заграницу: *на годъ* **шесть** руб., *на полгода* **три** руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА по одному рублю въ мѣсяцъ, безъ надбавки. ВЫСЫЛАЕТСЯ и съ **наложеннымъ платежемъ**. Цѣна отдѣльной книжки въ розницу **1 руб.**

Подписка принимается: въ конторѣ **Редакціи** «РУССКОЙ БЕСѢДЫ»: **С.-Петербургъ,** Троицая ул., д. 18, а также, въ С.-Петербургскомъ Слав. Обществѣ, Площадь Алексанринскаго театра, д. 9 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ: НОВАГО ВРЕМЕНИ, Карбасникова и др.

Издатели: *А. В. Васильева.*
Е. А. Евдокимовъ.

Редакторы: «Русской Бесѣды» *В. Драгомірецкій.*
«Благовѣста» *Ѳ. Четыркинъ.*

Естественный законъ въ Духовномъ мірѣ.

Профессора Генриха Друммонда.

(Продолженіе).

ГЛАВА VIII.

Согласованіе съ образцомъ (типомъ).

«Доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ».
Гал. IV, 19.

«Первый великій законъ воспроизведенія состоитъ въ томъ, что потомки стремятся походить на родителя или родителей больше, чѣмъ на что-либо иное».
Гексли.

Если спросить у ботаника, какая разница между дубомъ, пальмой и лишаемъ, онъ скажетъ, что ихъ отдѣляетъ самая широкая линія классификаціи. Не останавливаясь на внѣшней разницѣ въ величинѣ и формѣ, на особенностяхъ цвѣтка, плода, листьевъ и вѣтвей, онъ видитъ въ ихъ общемъ строеніи такія же различныя типичныя черты, какія отличаютъ стили нормандскій, готическій и египетскій. Но, если ему представятъ первоначальные молодые ростки этихъ трехъ растеній и попросятъ опредѣлить разницу, онъ не будетъ въ состояніи этого сдѣлать. Онъ даже не отличитъ ихъ другъ отъ друга. Разница не обнаружится даже подъ самымъ сильнымъ микроскопомъ. Самый тщательный анализъ въ химической лабораторіи не открываетъ тайны.

Тѣ же опыты можно произвести и съ зародышами животныхъ. Возьмемъ зародышевую клѣтку червя, орла, слона, и самого человѣка. Пусть искусный изслѣдователь произведетъ самые строгіе анализы, чтобы отличить ихъ другъ отъ друга, онъ не достигнетъ успѣха. Но есть нѣчто еще болѣе поразительное. Пусть сравнятъ потомъ растительный и животный зародыши, и между ними не найдется и тѣни разницы. Дубъ

и пальма, червякъ и человѣкъ, всѣ начинаютъ жизнь одинаково. Нужды нѣтъ, въ какія различныя существа они могутъ развиться впослѣдствіи, нужды нѣтъ, что имъ придется жить на морѣ или на землѣ, ползать или летать, плавать или ходить, думать или прозябать: они не различимы въ состояніи первоначальнаго зародыша. Яблоко, упавшее въ саду Ньютона, собака Ньютона и самъ Ньютонъ начали жизнь одинаково.

Анализируя вещественную клѣтку, съ которой начинается всякая жизнь, мы найдемъ, что она состоитъ изъ свѣтлаго безструктурнаго студенистаго вещества, похожаго на албуминъ или на яичный бѣлокъ. Составныя части его—углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ. Называется оно протоплазмой. Съ нея начинается не только всякая жизнь, но и все, образующее ее потомъ.

„Протоплазма, говоритъ Гексли, простая или съ ядромъ, есть истинное основаніе жизни. Это глина горшечника. „Животныя и птицы, гады и рыбы, молюски, черви и полипы, всѣ состоятъ изъ организованныхъ единицъ того же рода, т. е. изъ массы протоплазмы съ ядромъ. Что же устанавливаетъ разницу между различными животными? Отъ чего же зависитъ, что изъ одной частицы протоплазмы выростаетъ собака, а изъ другой, совершенно подобной, выростаетъ самъ Ньютонъ? Въ эту протоплазму вошло нѣчто таинственное. Ни одинъ глазъ не можетъ его видѣть, ни одна наука не можетъ его опредѣлить. Существуетъ „нѣчто“ особенное для собаки Ньютона и „нѣчто“ особенное для Ньютона, такъ-что, хотя оба и пользуются однимъ и тѣмъ же веществомъ, но вырабатываютъ изъ него предметы совершенно различные. Если протоплазма — глина, то это „нѣчто“ — горшечникъ. И такъ какъ изъ одной и тойже глины развиваются всѣ эти удивительные виды, то отсюда слѣдуетъ, что различіе зависитъ отъ горшечниковъ. Словомъ, горшечниковъ должно быть столько же, сколько и видовъ. Одинъ изъ нихъ лѣпитъ червя, другой сооружаетъ видъ собаки, третій выдѣлываетъ человѣка. Чтобы понять безошибочно то, что дѣйствительно горшечнику принадлежитъ эта работа, прослѣдимъ описаніе процесса, сдѣланное опытнымъ очевидцемъ. Наблюдатель этотъ Гексли.

Наблюдая въ трубку микроскопа развитіе частички протоплазмы одного изъ простѣйшихъ животныхъ, онъ говоритъ: „Странныя возможности находятся въ спящемъ состояніи въ этомъ полужидкомъ пузырькѣ. Стоитъ только умѣренной теплотѣ проникнуть въ его влажную колыбель и живое вещество подвергается такимъ быстрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ правильнымъ перемѣнамъ, будто преднамѣреннымъ въ своей послѣдовательности, что ихъ можно сравнить только съ перемѣнами, которыя производитъ искусный ваятель изъ массы безформенной глины.

Какъ бы невидимой лопаткой вещество раздѣляется и подраздѣляется на все меньшія и меньшія частицы, пока не произойдетъ соединеніе зернышекъ для произведенія тончайшихъ тканей зарождающагося организма. А затѣмъ, кажется, будто нѣжный палецъ чертитъ линію на мѣстѣ, которое долженъ занимать позвоночный столбъ, выливаетъ въ форму контуры тѣла, выдѣлываетъ на одномъ концѣ голову, а на другомъ хвостъ, отдѣлываетъ бока и члены такъ художественно, что, наблюдая процессъ часъ за часомъ, невольно рождается мысль, что еслибы у насъ былъ болѣе совершенный инструментъ, замѣняющій зрѣніе, то виденъ былъ бы скрытый художникъ съ планомъ передъ собой, старающійся искусной обработкой усовершенствовать свою работу".

Помимо факта такъ ярко изложеннаго здѣсь, въ силу котораго художникъ отличенъ отъ полужидкой протоплазмы, которую онъ обрабатываетъ, нужно еще отмѣтить то обстоятельство, что во всей своей „искусной обработкѣ" художникъ дѣйствуетъ не наобумъ, а—слѣдуя извѣстному закону. Передъ нимъ есть „планъ". Зоологическая лабораторія природы не мастерская, гдѣ искусный мастеровой можетъ приложить руку ко всему, гдѣ одинъ и тотъ же ваятель дѣлаетъ сегодня собаку, завтра птицу, а послѣ завтра человѣка. Въ природѣ для каждой вещи назначенъ отдѣльный ваятель. Тутъ наиболѣе полная система раздѣленія труда. Одинъ дѣлаетъ всѣхъ собакъ, другой всѣхъ птицъ, третій всѣхъ людей. Кромѣ того, каждый художникъ ограничивается исключительно работой по своему плану. Кажется, будто планъ начертанъ на немъ самомъ, и работа его заключается въ точномъ воспроизведеніи самого себя.

Научный законъ, въ силу котораго происходитъ это явленіе, есть *законъ согласованія съ образцамъ* (*типомъ*). Онъ проявляется въ значительной степени въ обыкновенномъ законѣ наслѣдственности, гдѣ его можно разсматривать просто какъ особенное выраженіе того, что Дарвинъ называетъ закономъ единства типа. Дарвинъ опредѣляетъ его такъ: „Подъ единствомъ типа разумѣется такая основная тожественность въ строеніи, которая замѣчается у органическихъ существъ одного и того же класса, и которая не зависима отъ ихъ жизненныхъ привычекъ".

Слѣдуя этому закону, каждое живое существо, являясь на свѣтъ, обязано запечатлѣть на своемъ потомкѣ свой собственный образъ: Собака сообразно своему типу производитъ собаку, птица производитъ птицу.

Художникъ, такъ искусно обрабатывающій вещество выполняя этотъ законъ, есть жизнь. Существуетъ множество различныхъ жизней.

Въ этомъ же смыслѣ говоритъ и апостолъ: „Не всякая плоть такая же плоть, но иная плоть у человѣковъ, иная плоть у скотовъ, иная

у рыбъ, иная у птицъ". Есть жизнь, или художникъ или ваятель, который дѣлаетъ собаку, и ваятель, который дѣлаетъ человѣка.

Итакъ, вотъ что дѣлается въ животномъ царствѣ: жизнь птицы овладѣваетъ птичьимъ зародышемъ и создаетъ изъ него птицу по собственному образу. Жизнь гада овладѣваетъ другой зародышевой клѣточкой, усваиваетъ ей окружающее вещество и вырабатываетъ изъ него гада. Жизнь гада просто воплощаетъ только самое себя. Видимая птица есть просто воплощеніе жизни птицы невидимой.

Мы приближаемся теперь къ той чертѣ, гдѣ выступаетъ духовная аналогія. Аналогія эта дивна, до того дивна, что затрудняешься даже передать ее словами. Но природа поучительна, и мы прислушаемся къ ея голосу. Эти низшія явленія жизни, говоритъ она, не болѣе, какъ аллегорія. Есть другой родъ жизни, съ которымъ наука еще недостаточно познакомилась. Онъ повинуется тѣмъ же законамъ. Онъ строитъ организмъ по своему образу. Это жизнь Христа. Какъ жизнь птицы воспроизводитъ птицу—свой собственный образъ, точно также и жизнь Христа порождаетъ Христа—свой собственный образъ—во внутренней природѣ человѣка. Когда человѣкъ становится христіаниномъ, естественное дѣйствіе этого таково: живой Христосъ проникаетъ въ его душу. Начинается развитіе. Животворящій духъ овладѣваетъ душой и начинаетъ образовывать ее, усвоивая себѣ окружающіе предметы.

Слѣдуя великому закону согласованія съ образцомъ, это образованіе принимаетъ своеобразный видъ художника, его творящаго. И это вполнѣ опредѣленное, чудесное, таинственное (мистическое), дивное творчество продолжается до тѣхъ поръ, пока въ человѣкѣ не изобразится Христосъ. Христіанская жизнь не есть смутное стремленіе къ правдѣ, справедливости, неопредѣленная, безцѣльная борьба, ради неопредѣленнаго, безцѣльнаго конца. Вѣра (религія) не безпорядочная куча стремленій, молитвъ и вѣрованій. Въ религіозномъ процессѣ не больше таинственнаго, чѣмъ въ біологіи. И въ біологіи много таинственнаго. Мы еще почти ничего не знаемъ ни о жизни, ни о развитіи. Такая же тайна и въ жизни духовной. Но главныя черты однѣ и тѣ же, одинаково точныя и ясныя, и законы вещественнаго и духовнаго міра одни и тѣже, одинаково истинны и просты. Неужели же порядокъ въ естественномъ мірѣ будетъ развиваться и передавать наукѣ явленія все большей и большой стройности (гармоніи), между тѣмъ какъ вѣра (религія), которая должна все дополнить и усовершенствовать, останется въ хаотическомъ состояніи? Съ точки зрѣнія Откровенія, нѣтъ истины болѣе темной, чѣмъ согласованіе съ образцомъ (типомъ). Если наука можетъ представить подобное явленіе, взятое изъ ежедневнаго дѣланія (процесса)

естественной жизни, то она въ силахъ изложить сама это мистическое ученіе христіанства въ понятной формѣ. Заблуждаются ли, говоря объ эмбріологіи новой жизни? Развѣ не вѣрна аналогія? Развѣ въ духовной жизни не тѣ же процессы, какіе и въ жизни естественной? Если птица есть воплощеніе жизни птицы, то почему же христіанинъ не можетъ быть духовнымъ воплощеніемъ жизни Христа? И развѣ въ процессахъ новаго рожденія нѣтъ реальнаго подтвержденія подобнаго сравненія? Обратимся къ книгамъ, въ которыхъ говорится объ этихъ процессахъ! Въ какихъ выраженіяхъ описываетъ ихъ Новый Завѣтъ? Отвѣтъ поразителенъ. Онъ всюду говоритъ языкомъ біологіи. Невозможно, чтобы евангелисты были знакомы съ біологическими явленіями. Невѣроятно, чтобы взгляды ихъ на эту великую истину были такъ же ясны, какъ теперь при свѣтѣ науки. Но у нихъ не было выбора, не было иного средства для выраженія этой истины. Это былъ вопросъ біологическій. Они безъ колебанія приняли новыя выраженія и возвѣстили свою истину съ тою оригинальностью, которая вызываетъ въ одно и тоже время и уваженіе и удивленіе; возвѣстили ее съ тою долею свѣта, какая была доступна. Они заботились не о научности, а только о точности, но эта смѣлая точность сдѣлала ее научной. Что можетъ быть оригинальнѣе, напримѣръ, неоднократнаго заявленія апостоловъ, что тотъ „кто во Христѣ, тотъ новая тварь", или „мы знаемъ, что мы отъ Бога и что мы возродившіеся". И какимъ болѣе точнымъ выраженіемъ можно опредѣлить законъ согласованія съ образцомъ (типомъ): „Совлекши ветхаго человѣка съ дѣлами его и облекшись въ новаго, который обновляется въ познаніи по образу Создавшаго его". Или еще: „Мы преображаемся въ этотъ же образъ отъ славы въ славу". И тотъ же апостолъ въ другомъ мѣстѣ, говоритъ точно, что это согласованіе есть конецъ и цѣль христіанской жизни. Выработать въ насъ этотъ образъ—цѣль Бога по отношенію къ человѣку: „Ибо кого Онъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего".

Надо сознаться, что оригинальность этой мысли Новаго Завѣта—поразительна. Она поразительна даже и для девятнадцатаго столѣтія. Но если принять во вниманіе, что мысль эта выражена въ первомъ вѣкѣ, нельзя не проникнуться глубочайшимъ удивленіемъ къ ученію, создавшему и поддержавшему ее. Люди ищутъ начало христіанства въ философіяхъ того времени. Нѣкоторые ученые ставятъ его въ уровень съ этими философіями и стараются примѣнить къ современнымъ. Неужели имъ никогда не приходило на мысль, что это ученіе выше философіи, что оно заключаетъ въ себѣ науку—біологію, чистую и простую. Стараться объяснить духовную жизнь терминами, заимствованными изъ чистой филосо-

фіи—тоже, что для естествоиспытателя ставить зоологію въ параллель съ химіей, или стараться соединить геологію съ ботаникой, живыхъ съ мертвыми. Когда же, наконецъ, ясно будетъ, что отличительную черту христіанскаго ученія составляетъ жизнь Христа и что истинное богословіе (теологія) должна начаться біологіей? Богословія (теологія) есть наука о Богѣ. Почему же люди хотятъ относиться къ Богу, какъ къ существу неорганическому?

Если можно извлечь какую-нибудь пользу изъ этой аналогіи, то она должна дать отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, на слѣдующіе три вопроса:

1) Что въ мірѣ духовномъ соотвѣтствуетъ протоплазмѣ?

2) Что такое жизнь, этотъ скрытый художникъ, образующій ее?

3) Что намъ извѣстно о ея процессѣ и планѣ?

Итакъ, прежде всего—о протоплазмѣ.

Сойдемъ съ естественнаго пути природы, или хотя на минуту вообразимъ, что новое существо должно создаться изъ ничего. Ex nihilo nihil, изъ ничего нельзя создать ничего. Вещество не создаваемо и не уничтожаемо, природа и человѣкъ могутъ только придавать ему различные виды (формы), передѣлывать и измѣнять. Вотъ почему всякое новое животное производится не изъ новой глины. Жизнь только входитъ въ существующее уже вещество, уподобляетъ ему другое того же рода и передѣлываетъ его. Художникъ духовный творитъ такимъ же образомъ. Ему нужна особаго рода протоплазма, основаніе жизни, и оно должно уже существовать.

Эту протоплазму онъ находитъ въ матеріалѣ характера естественнаго человѣка. Умъ и нравъ, воля и склонности—нравственная природа: вотъ что служитъ основаніемъ для духовной жизни. По аналогіи нужно въ этомъ направленіи искать протоплазму духовной жизни.

Самый низшій міръ ископаемыхъ снабжаетъ главнымъ образомъ матеріаломъ царство растительное. Растеніе даетъ матеріалъ животному. Животное, въ свою очередь, поставляетъ матеріалъ умственному міру и, наконецъ, умственный міръ духовному. Каждая часть этихъ разрядовъ только тогда бываетъ полна, когда совершенны низшія ступени; самый же высшій разрядъ требуетъ всего. Для разсматриваемаго нами предмета нѣтъ необходимости обращаться къ физіологіи новаго или прежняго существа для болѣе яснаго опредѣленія этихъ нравственныхъ основъ. Достаточно раскрыть, что новое существо должно родиться и образоваться изъ нравственныхъ и умственныхъ частей, веществъ или сущностей естественнаго человѣка. Единственно, на чемъ необходимо настаивать, это на томъ, что въ естественномъ человѣкѣ эта сущность или умственное и нравственное основаніе, духовно безжизненно. Какъ бы дѣятельна ни

была умственная и нравственная жизнь, съ точки зрѣнія этой другой жизни она мертва. Плоть есть плоть. Это значитъ, что она нуждается въ такомъ родѣ жизни, который составляетъ разницу между христіаниномъ и нехристіаниномъ. Она не родилась еще отъ Духа.

Чтобы показать теперь, что эта протоплазма обладаетъ всѣми надлежащими свойствами естественной протоплазмы, мы должны разсмотрѣть мимоходомъ эти свойства.

Ихъ два: жизнеспособность и пластичность. Разсмотримъ сначала жизнеспособность. Недостаточно найти необходимое количество матеріала. Этотъ матеріалъ долженъ быть надлежащаго качества, потому что не всякій матеріалъ способенъ служить проводникомъ жизни, такъ какъ не всѣ матеріалы могутъ служить даже проводниками электричества. Неизвѣстно, какая особенность заключается въ углеродѣ, водородѣ, кислородѣ и азотѣ, когда они находятся въ извѣстномъ соединеніи для воспріятія жизни. Мы только знаемъ, что жизнь въ природѣ всегда связана съ этой особенной физической основой, а не какой-либо иной. Но мы не находимся въ такихъ же потемкахъ, когда дѣло касается нравственной протоплазмы. Разсматривая то сложное сочетаніе, которое мы опредѣлили, какъ основу духовной жизни, мы находимъ въ немъ нѣчто, дающее ему особенное качество, чтобы быть протоплазмой жизни Христа. Мы открываемъ, по крайней мѣрѣ, основательную причину того, почему она не должна быть въ связи съ другими родами, какъ будто и сходными съ ней,—почему, напримѣръ, эта духовная жизнь не можетъ быть привита разуму собаки или инстинктамъ муравья.

Въ протоплазмѣ человѣка есть нѣчто сверхъ его инстинктовъ и привычекъ. Она можетъ вмѣстить Бога. Въ этой-то способности заключается ея возможность воспринять Бога; такова необходимая протоплазма. Комната не только готова принять новую жизнь, но хозяина ждутъ, а пока онъ еще не явился замѣчаютъ его отсутствіе. До тѣхъ поръ душа томится отъ нетерпѣнія, чахнетъ, гаснетъ безпомощно въ пустомъ пространствѣ, двигая щупальцами и ища Бога, если только для нея есть возможность найти Его. Это не особенное свойство протоплазмы души только христіанина. Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена были алтари, воздвигаемые невѣдомому или вѣдомому Богу. Всѣ антропологи въ настоящее время согласны, что человѣческая душа всемірно томилась духовной жаждой. Это-то и дѣлало ее пригодной для воспріятія Христа. Этотъ вопль отчаянія, вырывавшійся изъ глубины души, придаетъ величіе и самому ея несчастію.

Другое качество, которое мы должны искать въ душѣ, это ея пластичность.

Пластичность составляетъ не только отличительную черту всякой жизни, но, принимаемая въ спеціальномъ смыслѣ, присуща только высшимъ ея видамъ. Она увеличивается по мѣрѣ восхожденія по ступенямъ творенія.

Міръ неорганическій неподвиженъ, не гибокъ. Кристалъ кремнезема, растворенный и перерастворенный тысячу разъ, всегда принимаетъ только шестиугольную форму. Растеніе, наконецъ, хотя и пластично, но въ своихъ элементахъ сравнительно не способно къ перемѣнамъ. Самая ограниченность его сферы, прикрѣпленность къ частицѣ земли, какъ къ тюрьмѣ, есть символъ извѣстной низменности. Животное во всѣхъ своихъ частяхъ подвижно, чувствительно, свободно; самое высшее животное, человѣкъ, наиболѣе подвиженъ, независимъ отъ рутины, наиболѣе впечатлителенъ и податливъ на перемѣны. А доходя до разума и души, мы находимъ эту подвижность въ ея наиболѣе развитомъ видѣ. Обратимъ ли вниманіе на ея воспріимчивость къ впечатлѣніямъ, на ея отзывчивость на самыя неуловимыя, тонкія воздѣйстія, на ея способность къ мгновенному приспособленію, обратимъ ли вниманіе на утонченность и разнообразіе ея свойствъ, на ея громадную способность къ росту, мы будемъ во всякомъ случаѣ принуждены признать въ ней самую совершенную способность къ перемѣнамъ. Эта чудесная пластичность уже заключаетъ въ себѣ въ то же время и возможность и указаніе ея превращенія. Однимъ словомъ: душа создана для перерожденія.

Во-вторыхъ: жизнь. Отдѣльное изслѣдованіе жизни, дѣйствующей силы этой перемѣны, главнымъ образомъ, нужно для того, чтобы лучше оттѣнить различіе между нею и естественнымъ человѣкомъ съ одной стороны и духовнымъ человѣкомъ съ другой. Естественный человѣкъ—ея основа; духовный человѣкъ—ея произведеніе; сама же жизнь есть нѣчто особенное. Какъ въ организмѣ мы имѣемъ три элемента: вещество способное къ образованію, вещество образованное, и созидательную силу или душу, точно также и въ душѣ мы имѣемъ старую природу, новую природу и преобразующую жизнь.

Если это ясно, то прибавить остается еще немного. Никто никогда не видалъ этой жизни. Ее нельзя ни изслѣдовать, ни взвѣсить, ни описать ея главную сущность. Но этого именно мы и ожидаемъ. Эта невидимость и неуловимость и есть то свойство, которое мы нашли присущимъ естественной жизни. Мы не видали жизни въ первоначальныхъ зародышахъ дуба, пальмы, птицы. Она скрыта отъ насъ и у взрослыхъ. Неудивительно, если мы не видимъ ее и въ христіанинѣ. Мы заранѣе и не надѣялись ее увидѣть, потому что, вращаясь теперь въ сферѣ небеснаго и духовнаго, мы еще болѣе удалены отъ болѣе грубаго вещества,

и потому, что она такъ хорошо соотвѣтствуетъ закону этой аналогіи, люди, не видя ее, и отрицаютъ ея существованіе. Неужели нѣтъ надежды убѣдить въ томъ, что наиболѣе отличительная черта жизни есть именно ея непознаваемость, и что самый признакъ ея духовной природы заключается въ томъ, что она ускользаетъ отъ нашего грубаго зрѣнія?

Мы не утверждаемъ, что наука можетъ опредѣлить, что эта жизнь есть Христосъ. Она не имѣетъ опредѣленій и для естественной жизни, а тѣмъ болѣе для этой. Но есть черты, сходящіяся въ одну точку, которыя идутъ, по крайней мѣрѣ въ направленіи, указывающемъ намъ, что она—Христосъ. Былъ только одинъ Онъ, Котораго исторія признаетъ „Истиной" и Онъ вѣщалъ: „Я есмь жизнь". Согласно ученію о біогенезисѣ жизнь можетъ исходить только отъ жизни. Кромѣ того Христосъ утверждалъ, что Его назначеніе въ мірѣ давать жизнь людямъ. Христосъ пришелъ для того, чтобы имѣли жизнь и имѣли съ избыткомъ". Это не могло относиться къ естественной жизни, такъ какъ люди уже имѣли ее. „Имѣющій Сына Божія имѣетъ жизнь". Или „не знаете, что Іисусъ Христосъ въ васъ".

Есть также люди, нравственное существо которыхъ до странности похоже на нравъ Того, кто былъ „жизнью". Когда мы видимъ, что въ организмѣ появляется оригинальная черта птицы, то предполагаемъ, что жизнь птицы дѣйствуетъ въ немъ. Когда же видимъ согласованіе съ образцомъ въ христіанинѣ и знаемъ въ то же время, что типичная организація можетъ произойти только отъ типичной жизни, не даетъ ли это опору предположенію (гипотезѣ), что въ немъ тоже дѣйствовала типическая жизнь? Если для каждаго дѣйствія должна быть причина, то какая же другая причина можетъ быть для христіанина? Когда имѣется ясная причина и точное заявленіе о томъ, что причина эта есть истинная, что же можетъ быть правдоподобнѣе и достовѣрнѣе? Пусть наука, не знающая ничего о естественной жизни, ограничивается заявленіемъ, что она ничего не знаетъ объ этой жизни; мы ничего не будемъ имѣть противъ ея молчанія. Но пока она намъ не выскажетъ никакихъ положительныхъ опроверженій, мы вправѣ считать, что наше опредѣленіе—вѣрно.

Въ-третьихъ: творчество (процессъ). Невозможно охватить всѣ подробности великаго чуда превращенія этой протоплазмы въ образъ Христа. И такъ мы коснемся этой области настолько, насколько это необходимо для насъ въ силу закона согласованія. Кромѣ того мы должны разсматривать не столько природу дѣйствія, сколько его общее направленіе и плоды (результаты). Передъ нами скорѣе вопросъ морфологическій, чѣмъ физіологическій,

Дойдя до этого предмета, нужно принять во вниманіе, что теперь входитъ новый элементъ, заставляющій насъ на время оставить зоологію въ сторонѣ. Этотъ элементъ есть сознательная возможность выбора. Животное слѣпо слѣдуетъ образцу (типу). Оно дѣлаетъ это нетолько невольно и принужденно, но оно и не знаетъ, что дѣлаетъ это. Конечно и мы могли бы быть созданы такъ, чтобъ согласоваться съ типомъ высшей сферы съ такимъ же невѣдѣніемъ и невозможностью выбора, какъ животныя или автоматы. Но тогда мы не были бы людьми. Случай этотъ возможенъ вообще, но невозможенъ при той протоплазмѣ, какою снабжены люди. Вслѣдствіе относительныхъ особенностей этой протоплазмы необходимъ прибавочный и исключительный питательный матеріалъ. Первое условіе, чтобы умъ при сознательной способности выбора, вполнѣ зналъ изъ чего выбирать. Необходимо значитъ извѣстное обнаруженіе образца. А такъ какъ это обнаруженіе можетъ исходить только отъ Самого Образца, то въ Немъ и нужно искать его.

Тутъ мы тотчасъ сталкиваемся съ воплощеніемъ, и узнаемъ, какимъ образомъ жизнь Христа сдѣлалась буквально плотью и жила среди насъ. Воплощеніе есть жизнь, обнаружившая образецъ (типъ). Люди уже давно согласны, что обнаруженіе Бога есть цѣль воплощенія. Но почему нужно явленіе Бога? И почему только для человѣка? Несомнѣнно—потому, что „мы же всѣ открытымъ лицемъ, какъ въ зеркалѣ, взирая на славу Господню, преображаемся въ тотъ же образъ“.

Между тѣмъ, чтобы проявилась наша способность выбора, нужно было нѣчто большее, чѣмъ простое обнаруженіе образца,—нужно было, чтобы образецъ былъ наивозможно высшій. Другими словами, нужно, чтобы образецъ былъ идеаломъ. Признано, что для всякаго истиннаго развитія человѣчества, для всякаго стремленія и исполненія, необходимъ идеалъ. Поэтому всѣ люди, жизнь которыхъ основана на принципѣ, имѣютъ свой идеалъ болѣе или менѣе совершенный. Онъ отклоняетъ волю отъ всего дурного и направляетъ своенравную жизнь къ тому, что свято.

Все это вѣрно съ точки зрѣнія чистой философіи. Но философіи не удалось дать людямъ ихъ идеала, тогда какъ никто не могъ сказать этого о христіанствѣ. Вѣрующіе и невѣрующіе принуждены были признать, что христіанство даетъ міру недостающій образецъ совершеннаго человѣка.

Признаніе идеала есть первый шагъ по направленію къ согласованію. Но необходимо замѣтить, что это только первый шагъ. Нѣтъ никакой жизненной связи между простымъ созерцаніемъ идеала и согласованіемъ съ нимъ. Тысячи людей, никогда не становясь христіанами, восхищаются Христомъ. Но великій вопросъ все еще не разрѣшенъ. Ка-

кимъ образомъ христіанинъ долженъ согласоваться съ образцомъ, или, какъ выразились бы теперь, говоря о совѣсти, съ идеаломъ? Простое знакомство съ идеаломъ есть только побудительная причина. Какъ же совершится это дѣйствіе на дѣлѣ? Кто, гдѣ, когда и какъ будетъ совершать его? Въ этомъ заключается пробный камень христіанства. Тутъ-то всѣ теоріи христіанства, всѣ попытки объяснить его естественными принципами, всѣ ссылки на философію, неминуемо рушатся. Тутъ-то погибаютъ всѣ подражанія христіанству. Тутъ же и личная религія встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе. Всѣ люди знаютъ прекрасно, что такое идеалъ. Мы всѣ убѣждены въ обязанностяхъ человѣчества относительно его. Но какъ взяться за дѣло, чтобы люди съ доброй волею достигали его, — въ этомъ задача вѣры (религіи). Вслѣдствіе непониманія динамическихъ силъ христіанства и произошла важная и печальная остановка въ личномъ (индивидуальномъ) и общемъ ростѣ человѣчества.

Съ точки зрѣнія біологіи это практическое затрудненіе исчезаетъ въ одну минуту. Вѣроятно, что сама простота этого закона заставила людей спотыкаться. Потому что для большинства людей ничто такъ невидимо, какъ прозрачность. Тутъ тотъ же біологическій законъ, который существуетъ и для естественнаго міра. Люди впродолженіе вѣковъ пробовали найти средства для согласованія съ этимъ образцомъ. Начерпывались побудительныя причины, устраивались подходящія условія, опредѣлялось направленіе стремленій, и люди работали, боролись и мучились ради того, чтобы согласовать себя съ образомъ Христа. Можетъ ли протоплазма согласоваться съ Его образомъ? Можетъ ли образоваться зародышъ? Производится ли согласованіе съ образцомъ самимъ веществомъ или жизнью, протоплазмой или образцомъ? Организація—причина ли жизни или слѣдствіе ея?—Она есть слѣдствіе ея. Значитъ согласованіе съ образцомъ обезпечено образцомъ. Христосъ дѣлаетъ христіанина. Людямъ стоитъ только подумать объ автоматическомъ развитіи ихъ естественнаго тѣла, чтобы открыть, что это всемірный законъ жизни. Что производитъ человѣкъ умышленно при дыханіи? Какую роль играетъ онъ въ кровеобращеніи и въ поддержаніи правильности ударовъ своего сердца. Какимъ образомъ контролируетъ онъ свой ростъ. Кто можетъ прибавить себѣ роста на вершокъ? Чѣмъ человѣкъ произвольно способствуетъ выдыханію, пищеваренію, рефлективнымъ движеніямъ?

Въ дѣйствительности не автоматъ ли онъ? Ему даны всѣ органы тѣла, обустроены всѣ отправленія, мозгъ и нервы, мысль и ощущеніе, воля и совѣсть, все это онъ получилъ готовымъ. А между тѣмъ онъ обращается къ своей душѣ и хочетъ самъ организовать ее. О, пустой, неразумный человѣкъ, ты, который не можешь помочь росту ногтя на

твоемъ пальцѣ, думаешь преобразовать по невыразимому образцу, свою чудную, таинственную, тонкую душу! Хочешь ли ты когда-нибудь согласовать себя съ образомъ Сына Божія? Ты, не имѣющій возможности прибавить себѣ росту на вершокъ, подчиняешь ли ты себя, чтобы типичной жизнью внутри себя возвыситься тебѣ до совершеннаго роста Христа?

Отсюда слѣдуетъ обидное заключеніе и люди оскорбятся имъ. Они попробуютъ еще дѣлами справедливости достигнуть идеальной жизни. Ученіе неспособности или немощи человѣческой, какъ называетъ ее Церковь, всегда вызывала возраженіе со стороны людей, не знающихъ самихъ себя.

Но для біолога это ученіе не можетъ погибнуть. Для него оно стоитъ на твердой, естественной почвѣ. Въ законахъ жизни оно имѣетъ основаніе, которое должно воскресить его и продолжить его существованіе. Жизнь птицы производитъ птицу. Жизнь Христа дѣлаетъ христіанина. Ни одинъ человѣкъ не можетъ прибавить вершка къ своему росту. Такова научная очевидность, а вотъ соотвѣтствующее утвержденіе этой истины со стороны Библіи.

Замѣтьте страдательный (пассивный) смыслъ въ этихъ выраженіяхъ: „*Рожденный* отъ Бога“, или „*Преображается* въ тотъ же образъ“, или „ И облекшись въ новаго, который *обновляется* въ познаніи по образу Создавшаго его“, или еще: „Если кто не *родится* свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія“. „Если кто не *родится* отъ воды и духа не можетъ войти въ царствіе Божіе“? Есть важный стихъ, который на первый взглядъ какъ-будто говоритъ противное. Вотъ онъ: „Со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе“. Но читая далѣе видишь, что написавшій его какъ-будто боялся невѣрнаго его толкованія и потому пояснилъ: „Потому что Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе по Своему благоволенію“. Замѣтимъ здѣсь, что перерожденіе относятъ безразлично къ Каждому изъ трехъ Лицъ Св. Троицы. Мы не станемъ подробно разсматривать этого вопроса, скажемъ только, что богословы признаютъ, что Христосъ Духомъ Отчимъ Святымъ обновляетъ души людей.

Вполнѣ ли лишенъ человѣкъ самостоятельности? Не глина ли онъ только въ рукахъ горшечника или машина, орудіе, автоматъ? И да, и нѣтъ. Будь онъ орудіе, онъ бы не былъ человѣкомъ. Какъ человѣкъ, онъ долженъ нѣчто дѣлать. Нѣтъ необходимости сравнивать, что здѣсь дѣлаетъ Богъ и что человѣкъ. Но мы достаточно приблизимся къ истинѣ въ этой тонкой задачѣ, если обратимся къ естественной жизни. Мы найдемъ, что поддерживая эту естественную жизнь, природа имѣетъ свою

долю, а человѣкъ свою. Бо́льшее и притомъ значительно бо́льшее даровано намъ. Мы получили дыханіе, выдѣленіе, кровеобращеніе, строеніе всего организма. Но, хотя роль человѣка второстепенна, тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно, она не менѣе важна для благосостоянія и даже для существованія цѣлаго.

Человѣкъ долженъ, напримѣръ, принимать пищу. Разъ она принята, ему ничего не остается дѣлать, потому что съ той минуты, какъ она попала въ ротъ, ею овладѣваютъ цѣлесообразныя движенія и передаютъ ее изъ органа въ органъ, такъ что при естественномъ ходѣ вещей, контроль человѣка надъ нею окончательно упраздняется. Но начальное дѣйствіе исходитъ отъ него. И безъ этого ничего не могло бы сдѣлаться. Не разсматривая теперь существуетъ ли точная аналогія между произвольными и непроизвольными дѣйствіями тѣла и соотвѣтствующими дѣйствіями души, мы видимъ, что вышесказанное доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что у человѣка есть своя собственная роль. Пусть онъ выбираетъ жизнь, пусть ежедневно питаетъ свою душу, пусть моритъ голодомъ старую жизнь, и жизнь истинная будетъ вливаться въ его душу, обновляясь, приспособляясь, согласуясь съ образцомъ, пока имъ же вызванный Христосъ не образуется въ немъ.

Мы разсматривали самую таинственную (мистическую) сторону христіанства. Замѣтимъ здѣсь еще разъ его безусловную естественность. Вся природа занята выработкой образца (типа). Растеніе и насѣкомое, рыба и пресмыкающееся, птица и млекопитающіяся, всѣ, каждый въ своей области, добиваются вырабатывать свой образецъ. Помѣшать его истребленію, облагородить его и населить имъ землю, море и небо — вотъ цѣль всей жизненной борьбы, и мы своею жизнью должны выработать образецъ и населить имъ міръ.

Наша вѣра (религія) не есть масса заблужденій, и мы не мечтатели. Чтобы тамъ ни говорили, мы практики, когда прославляемъ нашу вѣру. Стараться подражать Христу не значитъ быть „слишкомъ праведнымъ“. Истинные люди не поютъ рапсодій и, проповѣдуя и отдаваясь водворенію царствія Божія на землѣ, не расточаютъ даромъ своей жизни. Для этого и дана намъ жизнь. Христіанинъ, преслѣдующій эту цѣль своей жизни, не выходитъ за предѣлы природы. То, что люди называютъ сверхъестественнымъ, вполнѣ естественно.

Замѣтьте также блескъ этой мысли (идеи) о спасеніи! Это не только вѣра въ искупленіе отъ грѣха, въ избавленіе отъ проклятія и въ восшествіе на небо; это — согласованіе съ образомъ Сына Божія, это достиженіе ничтожными стихіями высшей красоты.

Такъ какъ животворящая жизнь вѣчна, то нужно, чтобы и красота была безсмертна. Достиженіе ею безпорочности уже обезпечено. Но сверхъ всего тутъ исполняется высочайшее пророчество: образецъ обезпечиваетъ не только красоту, но и единеніе—единеніе человѣка съ человѣкомъ, Бога съ человѣкомъ, Христа съ человѣкомъ, пока „всѣ станутъ едино".

Могла ли когда-нибудь наука, при самыхъ блестящихъ надеждахъ, предвидѣть подобное развитіе въ будущемъ самаго высшаго изъ своихъ организмовъ! Теперь же, когда оно обнаружилось, она признаетъ его какъ недостающее звено въ цѣпи развитія, какъ высшую цѣль, къ которой стремится все твореніе. До сихъ поръ развитіе не имѣло будущаго. Это былъ поразительно изваянный столпъ, постепенно увеличивающійся въ красотѣ и богатствѣ, но не имѣющій главы; пирамида съ гигантскимъ основаніемъ, зарытымъ въ землю, воздвигавшаяся все выше и выше; ярусъ надъ ярусомъ, жизнь надъ жизнью, умъ надъ умомъ, и пирамида становилась все болѣе и болѣе совершенной по отдѣлкѣ и благородной по симметріи, но тѣмъ болѣе таинственной въ своихъ стремленіяхъ. Самый любопытный глазъ, слѣдя за ея возвышеніемъ, ничего не видѣлъ. Спустившееся облако заволокло ее. Какъ разъ то, что людямъ хотѣлось видѣть, было скрыто. Работа вѣковъ не имѣла вершины. Но трудъ, начатый естествомъ (природой), законченъ сверхъестественнымъ, какъ принято называть духовную природу. Когда же христіанство поднимаетъ завѣсу, человѣкъ нѣмѣетъ отъ удивленія, потому, что цѣль развитія—Христосъ.

Христіанская жизнь—единственная жизнь, которая будетъ когданибудь полной.

Безъ Христа жизнь человѣческая—изуродованный столпъ, а племя людей—неоконченная пирамида. Всѣ идеалы исчезаютъ одинъ за другимъ передъ вѣчностью, всѣ надежды человѣческія разсѣеваются передъ зіяющей могилой. Поэтъ видитъ минутный лучъ надежды въ ревности природы къ образцу (типу), но и онъ исчезаетъ. Вотъ его слова:

„Природа вѣдь такъ заботлива объ образцѣ? О, нѣтъ, съ разбитыхъ скалъ, изъ грудъ вывѣтрившихся камней она гласитъ: погибли тысячи образцовъ, погибнутъ всѣ, я не забочусь ни о чемъ".

Всѣ погибнутъ? Нѣтъ! Одинъ типъ останется: „Кого Онъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образцу Сына Своего". И „когда явится Христосъ, жизнь ваша, тогда и вы явитесь съ Нимъ во славѣ".

(Продолженіе будетъ).

МАРТА.

Повѣсть Елизы Ожешковой.

Переводъ съ польскаго, съ разрѣшенія автора, А. Г. Сахаровой.

(Продолженіе).

Марія Рудзинская между тѣмъ быстро пробѣжала по лѣстницѣ, устланной пушистымъ ковромъ, по двумъ большимъ заламъ, уставленнымъ стеклянными шкафами, и вошла въ очень красиво меблированный будуаръ, въ которомъ черезъ нѣсколько секундъ послышался шорохъ шелковаго платья, быстро шуршащаго по полу.

— Ахъ, c'est vous, Marie! воскликнулъ звучный, выхоленный, ласкающій ухо женскій голосъ и двѣ стройныя бѣлыя ручки сжали обѣ руки Маріи.

— Садись же, моя дорогая, садись пожалуйста! Это для меня чистая неожиданность! Я всегда такъ счастлива, когда вижу тебя! Какая же ты сегодня хорошенькая? А здоровъ ли твой почтенный супругъ и все также ли много онъ работаетъ? Я читала послѣднюю статью о... о... право уже не помню о чемъ... но—прелестная. А хорошо ли учится маленькая Ядзя? Боже мой, куда это дѣвались тѣ времена, когда мы съ тобой, Марыня, тоже учились вмѣстѣ у пани Девріенъ! Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ дорого воспоминаніе объ этихъ минутахъ, проведенныхъ съ тобой въ пансіонѣ!

Ловкая, нарядная женщина, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ очень искусно-причесаннымъ кокомъ на затылкѣ, очень правильными, хотя уже нѣсколько увядшими чертами лица и съ подвижными черными глазами, оттѣненными черными широкими бровями, проговорила этотъ потокъ словъ быстро, почти не передохнувъ, не выпуская изъ своихъ ладоней рукъ Маріи, которая усѣлась подлѣ нея на кушеткѣ

палисандроваго дерева, обитой дорогимъ штофомъ. Она, навѣрно, говорила бы еще долго, но Марія прервала ея рѣчь.

— Дорогая Евелина! сказала она,—прости, что я на этотъ разъ сокращу наши взаимныя привѣтствія и, не пускаясь ни въ какія предисловія, начну разговоръ о дѣлѣ, которое я принимаю очень близко къ сердцу!

— Ты, Марыня, пришла ко мнѣ по дѣлу? Боже, мой! какъ же я счастлива! говори, говори какъ можно скорѣе въ чемъ я могу быть тебѣ полезна? Я готова для тебя отправиться пѣшкомъ на край свѣта...

— О, я не потребую отъ тебя такой великой жертвы, милая Евелина! засмѣялась Марія, потомъ прибавила серьезно:—я познакомилась недавно съ одной бѣдной женщиной, которая возбудила во мнѣ самое живое участіе...

— Бѣдной женщиной! съ живостью прервала содержательница магазина,—значитъ, ты, навѣрно, хочешь, чтобы я помогла ей въ чемъ-нибудь? О, ты не ошиблась во мнѣ, Марыня! рука моя всегда открыта для тѣхъ, которые страдаютъ!

Произнося послѣднія слова, она полѣзла въ карманъ и, вынувъ оттуда довольно большое портмоне изъ слоновой кости, готовилась уже открыть его, но Марія удержала ея руку.

— Тутъ рѣчь идетъ не о милостынѣ, сказала она,—личность, о которой я хочу говорить съ тобой, не желаетъ и не приняла бы можетъ быть милостыни... она жаждетъ и ищетъ работы...

— Работы! слегка приподнявъ черныя брови, повторила красивая пани Евелина,—такъ что же мѣшаетъ ей работать?

— Многія вещи, о которыхъ было бы слишкомъ долго говорить, серьезно отвѣтила Марія и, взявъ за руку прежнюю подругу по ученію, съ просьбой и чувствомъ въ голосѣ прибавила:—я пришла именно къ тебѣ, Евелина, съ просьбой, чтобы ты дала ей возможность работать.

— Я... ей... возможность работать? какимъ же это образомъ, моя дорогая?

— Чтобы ты взяла ее приказчицей.

Брови содержательницы магазина поднялись еще выше. На лицѣ ея выражались удивленіе и замѣшательство.

— Дорогая Марія, начала она минуту спустя, заикаясь и съ очевиднымъ замѣшательствомъ,—это не отъ меня зависитъ... вообще дѣлами, касающимися магазина, занимается мой мужъ...

— Евелина! воскликнула Марія,—зачѣмъ ты говоришь мнѣ неправду? Твой мужъ владѣлецъ магазина въ глазахъ закона, но ты управляешь дѣлами вмѣстѣ съ нимъ, даже больше чѣмъ онъ, и всѣ знаютъ

очень хорошо, а тѣмъ болѣе я знаю, что ты прекрасно понимаешь толкъ въ дѣлахъ и что у тебя много настойчивости въ осуществленіи своихъ плановъ... почему же ты...

Евелина не дала ей окончить.

— А! если такъ... да, да, проговорила она съ живостью.

— Мнѣ было непріятно отказать въ твоей просьбѣ, Марыня, и я хотѣла отдѣлаться наскоро подвернувшимся предлогомъ, взвалить все на моего мужа... я поступила дурно, не была сразу откровенна, сознаюсь; но, вѣдь, дорогая Марія, желаніе твое совершенно невыполнимо, совершенно... совершенно...

— Почему? Почему? спрашивала Марія съ такой же точно живостью, съ какой обращалась къ ней Евелина.

Видно обѣ женщины отличались характерами живыми и впечатлительными.

— Но потому, воскликнула Евелина, что въ нашихъ магазинахъ женщины никогда не занимаются продажей товаровъ, а приказчиками бываютъ только мужчины.

— Но почему же, почему же женщины не занимаются этимъ, а только мужчины? Развѣ надо знать по-гречески, или быть въ состояніи сгибать въ пальцахъ желѣзо, чтобы...

— Нѣтъ же, нѣтъ! прервала опять хозяйка дома, — Боже мой, дорогая Марія, ты меня приводишь въ неподдѣльное замѣшательство, какъ же я тебѣ отвѣчу на твои—почему?

— Развѣ ты принадлежишь къ числу тѣхъ личностей, которыя не даютъ себѣ отчета въ причинахъ своихъ дѣйствій?

— Но, конечно, я не принадлежу къ числу такихъ личностей... если бы я принадлежала къ ихъ числу, я бы не могла быть, чѣмъ я являюсь теперь, дѣятельнымъ товарищемъ моего мужа въ промышленномъ предпріятіи... вотъ видишь ли: потому что... что таковъ уже обычай.

— Ты опять хочешь отдѣлаться отъ меня словами, Евелина, но это тебѣ не удастся. Прежнее товарищество наше даетъ мнѣ право быть до извѣстной степени надоѣдливой по отношенію къ тебѣ. Ты говоришь, таковъ обычай... но вѣдь каждый обычай долженъ имѣть свои причины, кроющіяся въ выгодахъ, или обстановкѣ лицъ, придерживающихся его.

Хозяйка дома соскочила съ кушетки и быстро пробѣжала два раза по комнатѣ. Длинный шлейфъ ея платья шуршалъ по полу, на лицѣ ея, на которомъ тамъ и сямъ виднѣлись слѣды плохо стертой рисовой пудры, выступилъ легкій румянецъ замѣшательства...

— Ты прижимаешь меня къ стѣнѣ! воскликнула она, останавливаясь передъ Маріей,—мнѣ будетъ непріятно произнести то, что я скажу... но все-таки я не могу оставить тебя безъ отвѣта. Отвѣчу тебѣ: наша публика не любитъ женщинъ продавщицъ въ магазинѣ... она предпочитаетъ имъ мужчинъ.

Марія слегка вспыхнула и пожала плечами.

— Ты ошибаешься, Евелина! воскликнула она—или опять говоришь не искренно, этого быть не можетъ...

— А я тебѣ говорю, что это такъ... молодые, стройные, красивые приказчики производятъ хорошее впечатлѣніе, привлекаютъ въ магазинъ покупателей, или вѣрнѣе покупательницъ...

На этотъ разъ лицо Маріи вспыхнуло стыдомъ и негодованіемъ,—послѣднее пересилило.

— Но вѣдь это же безобразіе! воскликнула она, —если ты говоришь правду, то право уже не знаю, чему это приписать...

— И я не знаю чему слѣдуетъ приписать этотъ фактъ... правду сказать я никогда долго не задумывалась о его причинахъ... какое мнѣ дѣло до этого...

— Какъ это... какое тебѣ дѣло до этого, Евелина, прервала опять Марія,—развѣ ты не понимаешь, что примѣняясь, какъ ты говоришь, къ обычаю, ты этимъ поощряешь нѣчто дурное; не знаю, что собственно, но вѣроятнѣе всего дурное...

Хозяйка магазина встала посреди комнаты и уставилась на Марію широко открытыми глазами...

Въ этихъ глазахъ было много сметливости, проницательности, мысли даже, но въ эту минуту въ черныхъ зрачкахъ мелькала сдерживаемая усмѣшка.

— Какъ это? произнесла она медленно,—неужели ты полагаешь, Марія, что ради какихъ-то тамъ теорій я должна подвергнуть наше предпріятіе, единственный капиталъ нашъ и нашихъ дѣтей, потерямъ и опасности?.. хорошо вамъ, писателямъ, разсуждать такимъ образомъ, сидя за книжкой и перомъ; мы, промышленники, должны быть практичными...

— Неужели же промышленники ради того, что они являются промышленниками, должны считать себя свободными отъ чувствъ и обязанностей гражданъ? спросила Марія.

— Ничуть не бывало! съ новымъ увлеченіемъ воскликнула владѣтельница магазина,—потому ни мужъ мой, ни я, не уклоняемся никогда отъ выполненія этихъ обязанностей; мы всегда даемъ столько, сколько только возможно.

— Я знаю, что вы благотворите, вы участвуете во всѣхъ сборахъ, человѣколюбивыхъ предпріятіяхъ, учрежденіяхъ; но развѣ тутъ дѣло идетъ только о милостынѣ, о человѣколюбіи? вы—люди зажиточные, въ нѣкоторомъ отношеніи вліятельные, вы должны стоять во главѣ всего, что направлено къ исправленію дурныхъ обычаевъ, къ искорененію общественныхъ заблужденій.

Евелина принужденно засмѣялась.

— Моя дорогая, сказала она,—исправленіе и искорененіе, это дѣло такихъ людей какъ твой мужъ и т. п. ученыхъ, писателей публицистовъ... мы люди точнаго расчета... самые же точные счеты намъ приходится сводить съ публикой, съ ея вкусами и требованіями... она наша владычица, отъ нея зависитъ наше существованіе... удача и будущее нашего предпріятія...

— Да, сказала Марія съ удареньемъ,—и потому вы обязаны потакать ея безсмысленнымъ прихотямъ и склонностямъ очень подозрительной чистоты и подозрительнаго вкуса... Что-бы по крайней мѣрѣ хоть чуточку огорчить тебя за то, что ты высказала, я тебѣ заявлю, милая Евелина, что твои прикащики расфранченные и болтающіе, какъ попугаи, о разводахъ и бабочкахъ, кажутся необычайно смѣшными...

Евелина фыркнула.

— Я это знаю! воскликнула она, заливаясь смѣхомъ.

— И что, если бы я была на твоемъ мѣстѣ, продолжала Марія,—то я посовѣтовала бы этимъ господамъ вмѣсто шелка и кружевъ взяться за плугъ, топоръ, молотъ и заступъ, или нѣчто подобное,—это было бы гораздо болѣе подходящимъ для нихъ...

— Я знаю это, знаю! продолжая смѣяться, говорила хозяйка дома.

— А вмѣсто нихъ, закончила Марія,—я взяла бы женщинъ, у которыхъ слишкомъ мало физическихъ силъ, чтобы пахать, ковать и таскать каменья...

Евелина вдругъ перестала смѣяться и взглянула очень серьезно на Марію.

— Дорогая Марія! сказала она,—этимъ людямъ также нуженъ заработокъ и даже гораздо необходимѣе, чѣмъ женщинамъ... вѣдь они же отцы семейства...

На этотъ разъ улыбнулась Марія.

— Моя дорогая, сказала она,—мнѣ приходится опять сослаться на право товарищества, чтобы сказать тебѣ, что ты въ настоящую минуту повторила ходячія мнѣнія о томъ, о чемъ ты слышишь постоянно и надъ чѣмъ вѣрно никогда не задумывалась сама. Эти люди—отцы

семействъ, быть можетъ; но женщина, за которую я хлопочу, имѣетъ также ребенка и должна содержать и воспитать его. Если бы мнѣ, напримѣръ, выпало на долю несчастье потерять уважаемаго и дорогого человѣка, который не только доставляетъ мнѣ сердечное счастье, но своимъ трудомъ обезпечиваетъ мое существованіе, развѣ я не была бы матерью и отвѣтственной покровительницей моей семьи? Если бы вы оба, мужъ твой и ты, умерли и, какъ это случается часто, не оставили послѣ себя никакого состоянія, развѣ же ваша старшая дочь не была бы обязана поддерживать существованіе, заботиться о томъ, чтобы воспитать и вывести въ люди младшихъ членовъ семьи?

Евелина слушала эти слова съ опущенными глазами, очевидно ей трудно было придумать отвѣтъ. Однако же она не ощутила ни малѣйшаго затрудненія отвергнуть безъ достаточныхъ поводовъ просьбу женщины, сношенія съ которой видно были милыми ея сердцу, а можетъ быть и льстили ея самолюбію. Необычайная сметливость, проглядывающая въ выраженіи ея лица и глазъ, подсказала ей минуту спустя новый отвѣтъ.

— Впрочемъ, если бы и не это, сказала она, поднявъ глаза,— развѣ ты, дорогая Марія, находишь приличнымъ, чтобы молодая женщина (та, которой ты покровительствуешь, навѣрно молода) по цѣлымъ днямъ просиживала за однимъ столомъ съ нѣсколькими молодыми людьми? Развѣ подобное обстоятельство не подало бы повода къ осложненіямъ, пагубнымъ для нея, непріятнымъ для меня и отчасти роняющимъ мой магазинъ въ глазахъ публики?

— Ты опять повторила, Евелина, одно изъ ходячихъ мнѣній. Вы опасаетесь, чтобы трудъ, которымъ онѣ занимаются совмѣстно съ мужчинами, не повредилъ добродѣтели и чести женщинъ, а вы не опасаетесь, что это сдѣлаетъ нужда? Женщина, которой я покровительствую, какъ ты выражаешься, три мѣсяца тому назадъ потеряла мужа, имѣетъ ребенка, котораго любитъ, грустна, серьезна, всецѣло занята пріисканіемъ себѣ средствъ къ существованію, и какъ я сама убѣдилась въ этомъ, очень честна. Неужели же ты можешь предположить, что женщина въ такой обстановкѣ, съ такими чувствами, воспоминаніями, съ такой тревогой о завтрашнемъ днѣ, можетъ обратить малѣйшее вниманіе на твоихъ расфранченныхъ помощниковъ? Я ручаюсь за то, что ни одна вѣтренная мысль не зародилась бы у нея въ головѣ...

— Дорогая Марія! воскликнула Евелина,—то, что ты сказала, совершенно бездоказательно. Женщины такъ вѣтренны, такъ вѣтренны...

— Правда, серьезно глядя на свою прежнюю товарку, отвѣтила Марія,—но развѣ изгнаніе изъ всѣхъ отраслей труда лекарство цѣли-

тельное для вѣтренности? Еще разъ повторяю тебѣ, Евелина, что женщина, о которой я говорю, въ настоящее время не вѣтреная и не безнравственная, однакоже, если, выпрашивая работы, какъ милостыни, она отойдетъ отъ многихъ дверей такъ, какъ ей придется минуту спустя удалиться отъ этихъ, то я вовсе не ручаюсь, какой она станетъ въ будущемъ.

— Ты опять припираешь меня къ стѣнѣ! воскликнула владѣлица магазина.

— Ну хорошо же, вѣрю тебѣ, что особа, въ которой ты принимаешь участіе, образецъ и олицетвореніе добродѣтели, серьезности и честности. Но можешь ли ты мнѣ одинаково поручиться за то, что она обладаетъ привычкой къ порядку, умѣетъ считать быстро и правильно и такъ аккуратно будетъ приходить на работу и выполнять ее, что не допуститъ ни малѣйшаго замедленія, ни малѣйшей небрежности.

Теперь для Маріи настала очередь колебаться отвѣтить. Она припомнила неудачу, постигшую Марту въ преподаваніи и въ рисованіи, благодаря недостаточному знанію, припомнила собственныя слова Марты, сказанныя ею нѣсколько часовъ тому назадъ:

— Ничто не вооружило меня противъ бѣдности, ничто не научило работѣ.

Марія молчала, хозяйка дома, проницательная и живая, какъ искра, поймала на лету минуту замѣшательства и нерѣшимости подруги.

— Ты недавно говорила, дорогая Марія, что лицамъ, занимающимся продажей товаровъ, надо только умѣть развертывать, складывать и отмѣривать матеріи.

Это такъ только кажется. Въ сущности они должны обладать многими другими качествами, какъ напр. привычкой къ самому строгому порядку,—потому что одинъ предметъ, положенный не въ надлежащемъ мѣстѣ, одна складка ткани, плохо загнутая, одинъ кусокъ кружевъ, небрежно брошенный, вызываютъ замѣшательство въ магазинѣ или причиняютъ ему значительныя потери. Надо также, чтобы прикащики умѣли считать и не кое-какъ, потому что тамъ, гдѣ ежечасно, чуть-ли не ежеминутно притекаютъ деньги, каждый разъ все въ новыхъ и новыхъ цифрахъ, пропускъ одной копѣйки можетъ служить причиной безпорядка въ счетахъ, котораго мы должны всего усерднѣе остерегаться, и, наконецъ, и прежде всего прикащики должны знать людей, знать какъ обойтись съ кѣмъ, какъ кому угодить, кому повѣрить на слово, кому отказать въ кредитѣ и т. д.

Всѣхъ этихъ качествъ чаще всего лишены женщины. Непріученныя къ порядку, не имѣя навыка къ самымъ мелкимъ вычисленіямъ, онѣ

должны носить въ карманѣ таблицу умноженія, невинныя поросятки, только-что отцѣпившіяся отъ юбки матери, онѣ едва отваживаются поднять глаза на лица покупающихъ, не зная, какъ съ ними разговаривать, что подумать о каждомъ изъ нихъ, или же пустившіяся во всѣ тяжкія, разнузданныя, разсѣянныя, онѣ разыгрываютъ львицъ, ластятся, говорятъ и поступаютъ безтактно, подвергая себя дурной молвѣ, роняя то учрежденіе, въ которомъ онѣ, какъ бы работаютъ. Мужчины, хотя они и кажутся смѣшными, благодаря своимъ манерамъ и занятіямъ, не совсѣмъ мужскимъ, напротивъ очень выгодные и полезные прикащики для владѣльцевъ магазиновъ. Поэтому-то можетъ быть каждый магазинъ, ведущій торговлю въ обширныхъ размѣрахъ, пользуется мужскимъ трудомъ; кто же пытался замѣнить мужчинъ женщинами, оставался въ убыткѣ отъ этого. Женщины, моя дорогая, въ настоящее время еще не такъ воспитаны, чтобы онѣ могли примириться съ суровостью долга, съ деспотизмомъ цифръ и требованіями такого разношерстнаго общества, какимъ является толпа покупателей.

Владѣлица магазина перестала говорить и съ нѣкоторымъ торжествомъ смотрѣла на свою собесѣдницу. Она дѣйствительно имѣла основательную причину торжествовать.

Марія Рудзинская стояла опустивъ глаза, съ выраженіемъ печали на лицѣ и молчала. Евелина взяла ее за руку.

— Ну, скажи мнѣ, дорогая Марія, проговорила она,—скажи откровенно, можешь ли ты поручиться за то, что особа, которой ты покровительствуешь,—человѣкъ, привыкшій къ порядку, исполнительный, искусный въ сведеніи счетовъ, преисполненный такта и знанія людей, также какъ ты ручалась за ея честность.

— Нѣтъ, Евелина, съ трудомъ произнесла Марія,—за это я не могу поручиться.

— А теперь, все съ большей живостью убѣждала свою собесѣдницу владѣлица магазина,—скажи мнѣ, можете ли вы, люди теоріи и разсужденія, справедливо требовать отъ насъ, людей разсчета и практики, чтобы мы изъ человѣколюбія, изъ гражданскихъ побужденій, какъ ты выразилась, принимали въ наши магазины и лавки людей, неспособныхъ къ дѣламъ, и черезъ это наталкивались бы на хлопоты, потери, а можетъ быть и полную неудачу нашихъ предпріятій? Скажи мнѣ, можетъ ли кто нибудь справедливо требовать отъ насъ этого?

— Конечно, нѣтъ, пролепетала Марія.

— Итакъ, ты видишь, проговорила Евелина,—что ты не должна обвинять меня за то, что я не исполнила твоего желанія. Фактъ изгнанія бѣдныхъ женщинъ изъ области промышленности конечно печаленъ, но

необходимость и неизбѣжность его обусловливаются, какъ прихотью и не совсѣмъ ясными инстинктами женщинъ богатыхъ, жаждущихъ развлеченія и Богъ вѣдаетъ какихъ впечатлѣній, такъ и неспособностью, вѣтренностью, легкомысліемъ женщинъ бѣдныхъ, нуждающихся въ работѣ, но не умѣющихъ ее выполнять. Когда первыя поумнѣютъ и станутъ благороднѣе, а вторыя окажутся лучше приготовленными къ занятіямъ точнымъ и обязательнымъ, тогда я отправлю моихъ прикащиковъ и попрошу тебя выбрать для меня на ихъ мѣсто прикащицъ изъ числа тѣхъ, кому ты покровительствуешь.

При послѣднихъ словахъ Евелина Д., съ свойственной ей живостью, поцѣловала Марію въ обѣ щеки.

Женщина въ траурѣ, сидѣвшая въ магазинѣ, услышала шорохъ платья и шаговъ своей временной покровительницы тогда, когда та еще находилась на верхней ступени лѣстницы. Видно слухъ ея былъ напряженъ, нетерпѣніе велико. Она встала и впилась глазами въ лицо, спускавшейся съ лѣстницы женщины. Послѣ того, какъ она посмотрѣла нѣсколько секундъ, рука ея слегка дрогнула и оперлась на спинку стула: по опущеннымъ глазамъ Маріи и яркому румянцу, выступившему у ней на щекахъ, она угадала все.

— Пани! подойдя къ Маріи, сказала она тихо,—поберегите себя отъ непріятности разсказывать мнѣ подробности. Не приняли меня... неправда ли?

Марія утвердительно кивнула головой и молча сжала руку Марты. Онѣ вышли изъ магазина и остановились на широкомъ тротуарѣ улицы. Марта была очень блѣдна. Можно было предположить, что ее охватывалъ мучительный холодъ, потому что она слегка дрожала въ мѣховомъ пальто, и—что она была глубоко пристыжена чѣмъ-то, потому что не могла оторвать глазъ отъ каменныхъ плитъ тротуара.

— Пани! первая откликнулась Марія,—Богъ свидѣтель, какъ меня огорчаетъ невозможность помочь вамъ на вашей трудной дорогѣ.

Съ одной стороны для васъ служитъ преградой на ней ваша собственная неподготовка, съ другой—обычай, недостатокъ инпціативы, дурная слава, которой пользуются женщины работницы.

— Понимаю, медленно и тихо проговорила Марта,—меня не приняли тутъ потому, что это противно обычаю, потому, что я не внушаю довѣрія...

— Дайте мнѣ вашъ адресъ, пани, избѣгая отвѣта, сказала Марія,—можетъ быть я разузнаю о чемъ-нибудь полезномъ для васъ, пани, можетъ быть я когда-нибудь буду въ состояніи помочь вамъ...

Марта назвала улицу и номеръ дома, гдѣ она жила, потомъ поднимая глаза, въ которыхъ выражалась горячая благодарность, протянула къ доброй женщинѣ обѣ руки, желая взять и пожать ея руки.

Однакоже едва руки двухъ женщинъ соединились, какъ Марта быстро отдернула свою и отступила шага на два. Марія Рудзинская всунула ей въ руку тотъ самый конвертъ съ лиловыми краями, котораго она не хотѣла принять отъ нея двѣ недѣли тому назадъ.

Марта стояла съ минуту неподвижно, недавняя блѣдность смѣнилась пылающимъ румянцемъ.

— Милостыня! прошептала она,—милостыня! и вмѣстѣ съ этимъ словомъ подавленный стонъ и какое-то глухое рыданіе всколыхнули ея грудь.

Вдругъ она быстро побѣжала въ ту сторону, въ которую пошла Марія. Волна прохожихъ, непрерывно текущая по тротуару, скрывала отъ нея личность, которую она хотѣла догнать и затрудняла погоню. Только на углу улицы Марта увидала, сворачивавшія въ противоположную сторону дрожки и сидѣвшую на нихъ Марію.

— Пани! воскликнула она.

Голосъ ея былъ слабъ и глухъ, его заглушилъ, вполнѣ подавилъ шумъ и гулъ улицы.

Женщина, которую милосердная рука надѣлила деньгами, направилась къ Свято-Юрьевской улицѣ, конечно съ намѣреньемъ вернуть тотъ даръ, который клеймилъ яркимъ румянцемъ униженія ея щеки. Ея шаги быстрые и лихорадочные сначала, минуту спустя однако становились все болѣе и болѣе медленными и менѣе увѣренными; нравственныя ли потрясенія, которыхъ столько она испытала въ этотъ день, поколебали ея физическую силу? Или можетъ быть ее охватило какое-то глубокое раздумье, какое-то внутреннее колебаніе потрясло намѣреніе, принятое за минуту? Она сжимала въ рукахъ изящный конвертъ, въ которомъ шуршало два три кредитныхъ билета; на углу Св.-Юрьевской улицы она остановилась, она стояла и съ минуту оставалась неподвижной, опершись рукой объ уголъ стѣны, съ лицомъ блѣднымъ и низко склоненнымъ. Вдругъ она свернула въ другую сторону и направилась къ своей квартирѣ.

Гордость и тревога вели въ ней тяжелую, раздирающую борьбу, въ которой первая подчинилась послѣдней.

Молодая и здоровая, еще ничѣмъ не измученная и не утомленная, жаждущая работы всѣми силами и потребностями своего существа, Марта приняла милостыню. Она не приняла бы этой милостыни, можетъ быть; чувство личнаго достоинства не отступило бы въ ней, можетъ быть, передъ страхомъ нужды, если бы она была одна на свѣтѣ.

Но на верху высокаго каменнаго дома, въ четырехъ обнаженныхъ стѣнахъ, ребенокъ ея дрожалъ отъ холода, тоскующими глазами поглядывалъ въ закоптѣлую глубину пустой печи, блѣдностью личика, впалыми щечками, болѣзненной худобой крохотнаго тѣльца требовалъ болѣе обильной пищи...

Но это былъ очень важный день въ жизни молодой женщины, хотя она можетъ быть не отдавала себѣ яснаго отчета въ его значеніи. Это былъ день, въ который она впервые приняла милостыню, а слѣдовательно, отвѣдала того хлѣба, который, будучи горькимъ для старцевъ и калѣкъ, является отравляющимъ и разлагающимъ ядомъ для молодыхъ и здоровыхъ.

Въ этотъ вечеръ, въ комнатѣ на чердакѣ горѣлъ веселый огонь, за столомъ надъ тарелкой, полной супа, сидѣла Янтя.

Первый разъ послѣ долгаго времени, этотъ ребенокъ ощутилъ пріятное чувство тепла и кушалъ съ аппетитомъ тщательно приготовленную, питательную пищу. За то же и большіе черные глаза дѣвочки переносились по очереди то на озолоченную пламенемъ глубину печки, то на лежащій рядомъ съ тарелкою ломоть хлѣба, намазанный масломъ, а ротикъ не закрывался ни на минуту. Марта сидѣла у огня неподвижно, ея профиль, вырисовывающійся на красноватомъ фонѣ пламени, былъ суровъ и задумчивъ. Глаза ея сверкали сухимъ блескомъ, брови сдвинулись и образовали глубокую борозду посрединѣ бѣлаго лба.

Передъ ней, вися въ пустомъ пространствѣ, стоялъ образъ женщины съ смертельной тревогой на лицѣ, съ румянцемъ стыда на щекахъ, ломающей руки. Этотъ образъ была ея собственной тѣнью, отразившейся въ зеркалѣ ея воображенія.

— Ты ли это, говорила мысленно Марта видѣнію, вызванному изъ ея собственной души,—ты ли это та самая женщина, которая такъ краснорѣчиво обѣщала себѣ и своему ребенку, что ты будешь работать, что выносливостью, энергіей проложишь себѣ путь въ обществѣ и добудешь себѣ мѣсто на землѣ. Что же ты сдѣлала съ минуты этихъ героическихъ рѣшеній, какъ исполнила ты обѣщаніе, данное отцу этого ребенка?

Тѣнь женщины заколыхалася въ пространствѣ, какъ хрупкая вѣтка, обуреваемая вихрями, вмѣсто всякаго отвѣта сильнѣе стала ломать руки и прошептала дрожащими губами:

— Не смогла! не умѣю! О, безпомощное существо! воскликнула мысленно Марта, — достойна ли ты названія человѣка, если голова твоя такъ безмозгла, что незнаетъ хорошенько, что думать о себѣ

самой, руки такъ слабы, что не могутъ защитить одной крохотной, бѣдной дѣтской головки?

За что же тебя люди уважали когда-то? Можешь ли ты теперь уважать себя сама?

Висѣвшая въ пространствѣ женщина расплела ладони и закрыла ими лицо свое, низко склонивъ его.

Изъ сухихъ до той поры глазъ Марты слезы хлынули горячимъ потокомъ и крупными каплями выступали изъ-за пальцевъ, которыми она прикрыла себѣ лицо...

— Ты плачешь, мама! воскликнула маленькая Янтя и соскочила со стула.

Она встала передъ матерью, смотрѣла на нее съ минуту полуудивленными, полуопечаленными глазами, наконецъ, вдругъ опустилась на полъ, обняла ея колѣни крохотными ручонками и начала осыпать поцѣлуями ея ноги и руки. Марта отняла ладони отъ лица и нѣсколько секундъ просидѣла, какъ окаменѣлая; нѣжные поцѣлуи дѣтскихъ губъ жалили ее, какъ обвивающіяся вокругъ тѣла змѣи, горячая любовь этого крошечнаго существа, стоящаго передъ ней на колѣняхъ, разрывала ей сердце мучительной пыткой, терзала ея совѣсть...

Она нагнулась, взяла ребенка въ объятія, нѣсколько разъ прижалась губами къ его лбу и щекамъ, потомъ соскочила со стула, подбѣжала къ окну и, падая на колѣни, подняла взглядъ и руки къ клочку неба, темная глубь котораго мерцала звѣздами.

— Боже! воскликнула она почти вслухъ, — дай мнѣ мѣсто на землѣ! хотя бы маленькое, жалкое мѣсто, на которомъ я могла бы умѣститься вмѣстѣ съ моимъ ребенкомъ! Не попусти, чтобы ослабѣвшей и безсильной мнѣ вторично пришлось принять милостыню, чтобы я не исполнила материнской обязанности, потеряла спокойствіе совѣсти и уваженіе къ самой себѣ!

Дѣйствительно! просьбы, съ которыми эта женщина обращалась къ небу были нелѣпо, несправедливо требовательными! неправда ли, читатели? Правда, она не желала засѣдать на министерскомъ креслѣ, не желала, чтобы имя ея разглашала по свѣту стоустая слава, не желала въ разнузданной свободѣ пользоваться запретными наслажденьями, но жаждала жить и поддержать жизнь единственнаго любимаго на землѣ существа кускомъ хлѣба, жаждала избѣгнуть нищенской доли и не сгорать отъ стыда передъ самой собой. Какже честолюбива она была, завистлива, алчна и невоздержна въ своихъ желаньяхъ, неправда ли?

Она опять побѣдила себя, подавила и принудила къ молчанью раздиравшіе ее стыдъ, горе, тревогу, поднялась съ колѣнъ съ спокой-

нымъ лицомъ, взяла расплакавшуюся дѣвочку къ себѣ на колѣни и тихимъ, кроткимъ голосомъ начала ей разсказывать ея любимую сказочку; очевидно, она обладала изряднымъ запасомъ силъ воли и души. Неужели же эти силы должны были остаться для нея безполезными, служить ей только въ борьбѣ чувствъ, и гнуть ее покорно и упадать безпомощно подъ враждебной властью безпомощности головы и рукъ, тяжести окружающихъ ее внѣшнихъ условій?

Впродолженіи всей долгой, зимней ночи, Марта ни на минуту не сомкнула глазъ, она всматривалась въ сумракъ, застилающій комнату, машинально прислушивалась къ спокойному дыханію спящей подлѣ нея малютки и раздумывала о томъ, что̀ ей слѣдуетъ сдѣлать завтра.

На слѣдующій день, часовъ около двѣнадцати, женщина въ траурѣ входила въ небольшой, но очень изящный магазинъ, въ окнахъ котораго были развѣшаны пышныя женскія платья и подобно рою мотыльковъ самыми разнообразными красками мелькали стройныя шляпочки и крохотные чепчики. Это былъ магазинъ, гдѣ Марта когда-то обыкновенно запасалась предметами необходимыми для наряда.

При звукѣ колокольчика, заколыхавшагося у двери,—изъ сосѣдней комнаты вышла женщина, еще молодая, съ красивымъ станомъ и очень пріятнымъ лицомъ. Взглянувъ на Марту, она улыбнулась и поклонилась очень привѣтливо. Видно, она узнала свою прежнюю заказчицу и съ удовольствіемъ видѣла ее опять у себя.

— Какъ же давно вы не были у насъ, пани! съ все той же привѣтливой улыбкой проговорила владѣлица магазина, однако же тотчасъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ траурное платье Марты, прибавила: Боже мой! Я слышала о несчастіи, постигшемъ васъ, пани. Вѣдь я же хорошо знала пана Свицкаго.

Выраженіе скорби промелькнуло по лицу молодой женщины. Звукъ фамиліи человѣка любимаго и потеряннаго, какъ остріемъ кинжала, разбередилъ свѣжую рану ея сердца. Однако же ей нельзя было останавливаться долго на половинѣ пути и бездѣятельно слушать, отозвавшіеся въ ея душѣ голоса скорби и воспоминанья.

— Пани! сказала она, поднимая глаза на стоящую передъ ней женщину,—до сихъ поръ я обыкновенно приходила сюда покупать разныя вещи, теперь я прихожу къ вамъ, пани, съ просьбой купить у меня мое время и работу рукъ моихъ.

Говоря это, она подавила дрожь въ голосѣ и принудила себя улыбнуться блѣдными губами.

— Я бы искренно желала быть вамъ въ чемъ-нибудь полезной, пани, но... Я не поняла хорошенько смысла вашихъ словъ.

— Не примете ли вы меня, пани, въ свою мастерскую въ качествѣ швеи?

Услыхавъ эти слова, хозяйка магазина не казалась вовсе ни удивленной, ни смущенной, выраженье ея лица, преисполненное радушія и сочувствія не измѣнилось. Съ минуту она стояла, раздумывая, потомъ указала рукой на двери сосѣдней комнаты и сказала очень вѣжливо:

— Пожалуйста, войдите въ мастерскую, пани, тамъ намъ будетъ удобнѣе поговорить о дѣлѣ.

Мастерская, примыкающая къ магазину, помѣщалась въ довольно большой залѣ, въ которой за столомъ, стоящимъ у оконъ, заваленнымъ множествомъ лентъ, кружевъ, перьевъ, цвѣтовъ и кусковъ матеріи, сидѣли три молодыя женщины, дѣлающія шляпы, наколки и украшенія для платьевъ, требующія изящной отдѣлки.

Въ глубинѣ залы раздавался стукъ швейныхъ машинъ, надъ которыми также склонялись двѣ женскія фигуры, посрединѣ же стоялъ столъ, весь заваленный выкройками и большими кусками суконъ, полотна, батиста, кисеи, среди которыхъ блестѣли стальныя ножницы, оправленные въ олово мѣлки и карандаши. Всѣ женщины, находившіяся въ мастерской, были усердно заняты своей работой; только одна изъ нихъ при входѣ Марты подняла голову изъ-за машины, посмотрѣла на входившую и, встрѣтясь съ ея взглядомъ, вѣжливо поклонилась ей.

Хозяйка магазина указала Мартѣ на стулъ, стоящій у одного изъ столовъ, потомъ обратилась къ молодой дѣвушкѣ, которая въ эту самую минуту прикалывала роскошное страусовое перо къ бархатной шляпѣ:

— Панна Брониславa! сказала она,—эта барыня желаетъ работать у насъ. Мнѣ кажется, что обстоятельства складываются весьма счастливо. Вчера именно мы говорили съ вами, что еще одна пара рукъ была бы для насъ очень полезна.

Дѣвушка, къ которой обратились такимъ образомъ, очевидно занимала среди работницъ первое мѣсто, она встала и подошла къ столу.

— Да, пани, сказала она,—со времени ухода панны Леонтины, одна изъ машинъ бездѣйствуетъ. Панна Клара и панна Христина не могутъ справиться съ шитьемъ. Я также не могу заняться кройкой насколько бы слѣдовало, потому что мнѣ приходится руководить отдѣлкою шляпъ. Работа запаздываетъ, заказы не поспѣваютъ въ надлежащій срокъ.

— Вы совершенно правы, пани, по минутномъ раздумьи отвѣчала хозяйка магазина,—я уже сама думала объ этомъ, а такъ какъ пани Свицкая пришла сюда съ желаньемъ работать у насъ, то мнѣ кажется,

что ничто не мѣшаетъ мнѣ исполнить желаніе особы, которая въ прежнее время была къ намъ благосклонна.

Панна Бронислава вѣжливо поклонилась.

— Конечно, сказала она,—если только эта барыня владѣетъ искусствомъ кройки...

Слова эти были произнесены тономъ вопроса. Въ эту самую минуту одна изъ машинъ умолкла, а сидѣвшая за ней молодая женщина подняла голову и съ очевиднымъ вниманіемъ начала прислушиваться къ разговору.

Три личности, стоявшія у большого стола, посреди залы, молчали съ минуту, хозяйка магазина и ея помощница вопросительно смотрѣли на Марту; Марта же окидывала взглядомъ развернутыя на столѣ таблицы кройки, сверху до низу испещренныя черными линейками, точками, змѣйками, которыя направляясь вдоль и поперекъ листа бумаги, скрещиваясь, сливаясь, разбѣгаясь, образуя самыя разнообразныя геометрическія фигуры, представлялись неумѣлому взгляду хаосомъ, въ которомъ невозможно разобраться.

Вѣки Марты поднялись медленно и тяжело.

— Я не могу, сказала она,—признать за собой искуства, которымъ я не обладаю, это было бы съ моей стороны недобросовѣстно и, наконецъ, вполнѣ безцѣльно для меня. Кройку я чуточку знаю, но очень мало,—настолько, чтобы умѣть скроить воротничекъ, можетъ быть рубашку... платьевъ, накидокъ и даже чуточку болѣе изящнаго бѣлья я не съумѣю скроить...

Хозяйка магазина молчала, но по губамъ панны Брониславы пробѣжала слегка непріязненная улыбка.

— Это странно! сказала она, обращаясь къ хозяйкѣ магазина,—множество лицъ желаютъ заняться шитьемъ, а такъ трудно найти когонибудь, кто былъ бы искуснымъ въ кройкѣ. Однако, это основа всей работы.

Тутъ искусная и несомнѣнно получающая высокую заработную плату швея обратилась къ Мартѣ

— Что же касается до самого шитья? проговорила она опять тономъ вопроса.

— Шить я умѣю недурно, отвѣтила Марта.

— На машинѣ, конечно?

— Нѣтъ, пани, на машинѣ я не шила никогда.

Панна Бронислава оцѣпенѣла, сложила руки на груди и стояла молча. Хозяйка магазина въ эту минуту тоже казалась чуточку непривѣтливѣе и холоднѣе, чѣмъ прежде.

— Право... начала она минуту спустя, запинаясь и слегка смущенная, — право, я очень огорчена... Мнѣ нужна была главнымъ образомъ особа, способная къ кройкѣ... впрочемъ и къ шитью, но на машинѣ. У насъ ничего не шьется иначе, какъ на машинѣ.

И опять между женщинами, стоявшими у стола, воцарилось минутное молчаніе. Губы Марты слегка дрожали, на лицѣ ея пылающій румянецъ смѣнялся блѣдностью.

— Пани, проговорила она, поднявъ глаза на хозяйку магазина, — не могла ли бы я научиться... Я бы работала пока даромъ... только бы имѣть возможность научиться...

— Это невозможно! немного рѣзкимъ тономъ воскликнула панна Бронислава.

— Это трудно, прервала хозяйка магазина и, будучи вѣжливѣе своей мастерицы, продолжала: — Мы шьемъ различные наряды большей частью по заказу, изъ дорогихъ матеріаловъ, на которыхъ нельзя учиться... Мы должны поспѣшно заканчивать работы, потому что и такъ, благодаря недостатку въ хорошо подготовленныхъ работницахъ, мы уже слегка ощущаемъ недостатокъ въ количествѣ рукъ и запаздываемъ, что причиняетъ намъ потери и непріятности. Поэтому мы можемъ принимать только такихъ работницъ, которыя уже достаточно подготовлены... Очень сожалѣю; повѣрьте мнѣ, пани, что я очень сожалѣю, что не могу исполнить вашего желанія.

Только тогда, когда хозяйка магазина окончила эти слова, машина, умолкшая при началѣ разговора, застучала снова. У склонившейся надъ нею женщины были слезы на глазахъ.

Марта по выходѣ изъ магазина отправилась не къ себѣ домой, а въ совершенно другую сторону. По выраженію ея лица можно было узнать, что она шла безцѣльно, руки ея были засунуты въ рукава пальто и крѣпко сжаты. Марта чувствовала все время безсознательное, но страстное желаніе поднять сплетенныя ладони и стиснуть ими голову, пылавшую и невыразимо тяготившую ее. Въ этой головѣ сначала была только одна мысль, повторявшаяся съ упорной непрерывностью и необычайной быстротой: не умѣю! Эта мысль раздроблялась на тысячи молній, на тысячи кинжаловъ, которые пронизывали мозгъ, кололи въ виски и вонзали острія даже до самого дна груди. Черезъ нѣсколько минутъ Марта подумала:—всегда и вездѣ тоже самое.

Съ минуту она снова не думала ни о чемъ, или, вѣрнѣе, безсознательно уже повторяла мысленно: не умѣю!

Вдругъ она вернулась къ повторенному ею за минуту предположенію и присоединила къ нему вопросъ:

— Что это такое, что сопровождаетъ меня всюду и всегда? выталкиваетъ меня отовсюду? Она потерла рукой лобъ и отвѣтила себѣ самой:

— Всюду и всегда я сопровождаю себя сама и сама себя выталкиваю отовсюду...

Она сдѣлала надъ собой большое усиліе, чтобы быть въ состояніи мыслить, и окинула взглядомъ прошлое, начиная съ той минуты, когда она въ залѣ справочной конторы усѣлась за фортепіяно, чтобы неудачно сыграть неудачную priére d'une vierge, вплоть до этой послѣдней, когда ей, стоя въ мастерской богатаго магазина, приходилось отвѣчать на задаваемые ей вопросы: не умѣю.

— Все тоже самое, повторила она мысленно, — всего по немножку, ничего основательно и глубоко... все для украшенія или мелкихъ удобствъ жизни, ничего такого, что могло бы принести пользу...

Эти нѣсколько словъ, вынужденныя усиліемъ ума, опутаннаго, какъ сѣтью, однимъ словомъ: не умѣю, утомили ее. Поэтому-то, выходя изъ дома, она была такъ озабочена, такъ занята, чуть ли не лихорадочно возбуждена новымъ созданнымъ ею планомъ, что и не подумала о томъ, чтобы поѣсть. Глядя на Янтю, выпивающую свой обычный утренній стаканъ молока, она даже чувствовала нѣкоторое отвращеніе къ пищѣ. Постоянно задѣваемая и раненная въ ней нравственная сторона дѣйствовала на тѣлесную. Ноги подкашивались подъ ней, сердце билось съ необычайной силой и быстротой, хотя она шла медленно. Теперь только въ головѣ ея копошился новый вопросъ, сначала заключенный въ крѣпкой формулѣ: почему? Минуту спустя къ этому слову начали присоединяться другія слова, сначала нестройныя, потомъ выстраивающіяся въ извѣстный логическій порядокъ мысли—почему... это такъ? спрашивала себя самое молодая женщина,—почему люди требуютъ отъ меня того, чего мнѣ никто не далъ? Почему никто не далъ мнѣ того, чего теперь люди требуютъ отъ меня?

Въ эту минуту Марта вздрогнула; она почувствовала, что кто-то слегка дотронулся до ея плеча.

— Позволите ли вы, пани, намомнить вамъ о нашемъ знакомствѣ? прозвучалъ за нею кроткій, даже чуточку робкій женскій голосъ.

Марта обернулась и увидѣла ту самую женщину, которая при входѣ ея въ мастерскую подняла голову изъ за машины и вѣжливо поклонилась ей, а потомъ перестала шить и внимательно прислушивалась къ разговору, рѣшавшему ея судьбу.—Это была женщина некрасивая и вовсе не видная, довольно ловкая, однако, какъ почти каждая варшавянка, очень прилично одѣтая, съ выраженьемъ ума и доброты на обезображенномъ оспою лицѣ.

— Вы, можетъ быть, не узнаете меня, пани,—шагая рядомъ съ Мартой говорила женщина: я—Клара, я работаю въ магазинѣ, пани, и уже почти пять лѣтъ, шила когда-то вамъ платья, пани, и относила ихъ къ вамъ въ Граничную улицу.

Марта смотрѣла на шагающую съ ней рядомъ женщину затуманенными глазами.

— Дѣйствительно, я припоминаю, проговорила она минуту спустя съ трудомъ.

— Извините, пани, что я такъ смѣла и остановила васъ на улицѣ, продолжала Клара, но вы были когда-то такъ добры и любезны ко мнѣ, пани... у васъ была такая прелестная маленькая дочка... что ваша дочурочка, пани?..

Она не рѣшалась окончить вопроса, но Марта угадала ея мысль.

— Дѣвочка моя, сказала она,—жива...

Послѣднее слово вырвалось изъ ея устъ вѣроятно невольно, потому что быстро и смутно въ немъ однако же зазвучала такая горечь, которой до сихъ поръ никогда не слышалось въ ея голосѣ. Клара молчала съ минуту, какъ бы раздумывая, потомъ сказала:

— Я слышала о смерти пана Свицкаго и тотчасъ подумала, какъ то вы, пани, проживете на свѣтѣ... и еще съ ребенкомъ. Я очень обрадовалась, когда увидѣла васъ, входящей въ нашъ магазинъ, и думала, что вы будете работать съ нами. Это было бы очень хорошо, потому что пани Н. добра и платитъ недурно... Панна Бронислава только чуточку капризничаетъ и иногда фокусы выкидываетъ, но, вѣдь, когда человѣкъ бѣденъ, то ему вѣдь порой надо что-нибудь стерпѣть... только бы работа была. За то какъ же мнѣ было непріятно, очень непріятно, когда я услыхала, что пани Н. отказываетъ вамъ въ работѣ... я тотчасъ вспомнила мою бѣдную Емильку...

Послѣднія слова швея проговорила тише и какъ бы про себя, но Марта была ими поражена болѣе, чѣмъ всѣми предыдущими.

— Кто же такая, эта бѣдная Емилька, панна Клара? спросила молодая вдова.

— Это моя двоюродная сестра, которая годами двумя моложе меня. Моя мать и ея мать были родныя сестры; но, какъ это бываетъ часто, имъ выпали разныя доли. Ея мать вышла за чиновника, моя за ремесленника. Пока мы обѣ подростали, Емилька была барышней, а я мужичкой. Къ тому же она была красива, а меня оспа окончательно обезобразила, когда мнѣ было еще лѣтъ двѣнадцать. За то же тетка бывало всегда говорила: я дамъ Емилькѣ образованіе, а потомъ выдамъ ее за хорошаго человѣка замужъ;—держала для нея сначала гувернантку, по-

томъ посылала въ какой-то маленькій пансіонъ. Моя мать сперва жестоко огорчалась тѣмъ, что оспа меня такъ обезобразила, но отецъ не особенно горевалъ.

— Такъ что-жъ? говорилъ онъ,—будетъ дурнушка, замужъ не выйдетъ, великая важность; развѣ мало мужчинъ не женятся, а не смотря на это живутъ на свѣтѣ и имъ неособенно плохо живется.

Моя мать отвѣчала:

— Мужчина, это дѣло другое. Сохрани Боже, съ нами что случится, такъ Клара, не выйдя замужъ, съ голоду умретъ!

Но отецъ вмѣсто того, чтобы огорчаться такъ на мать, смѣялся, а порой и сердился.

— Охъ, вы бабы, бабы! говорилъ онъ, — у васъ, какъ только замужъ не выйдетъ, такъ и съ голоду умретъ! Развѣ у дѣвушки рукъ нѣтъ что ли?

А надо сказать, что онъ самъ былъ плотникомъ и любилъ хвалиться своей силой. Бывало онъ говаривалъ:

— Руки, сударь, это основа! Голову Господь Богъ одному даетъ, другому не даетъ,—руки у каждаго есть!

Мнѣ было лѣтъ тринадцать тогда, когда родители начали посылать меня учиться въ швейную; конечно, за меня платили и много платили, но за то же, слава Богу, я выучилась всему, что нужно.

— И долго вы учились, пани? спросила Марта, которая все съ большимъ любопытствомъ слушала простой разсказъ швеи.

— О! я училась цѣлыхъ три года! отвѣчала панна Клара,—а потомъ еще сразу зарабатывать не могла, а цѣлый годъ работала даромъ въ магазинѣ, чтобы только привыкнуть къ кройкѣ, къ шитью на машинѣ и пріобрѣсти хорошій вкусъ. Теперь за то я уже настолько искусна, что сама могла бы открыть швейную или магазинъ, если бы имѣла деньги, потому что для этого нужно имѣть хоть чуточку денегъ... но три года тому назадъ у насъ умеръ отецъ, кромѣ меня у матери осталось двое младшихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ въ ученіи у столяра, а другой ходитъ въ школу... надо платить за обоихъ, да и матери, женщинѣ немолодой, доставить кое-какія удобства.

— И вы однѣ, пани, зарабатываете на все это?

— Почти одна, потому-что послѣ отца намъ остался только маленькій домикъ на Соляной, въ которомъ мы живемъ... ну, такъ уже за квартиру платить намъ не нужно... впрочемъ, хозяйка платитъ мнѣ хорошо, и тѣмъ, что я отъ нея получаю, мы кое-какъ справляемся. чтобы и прожить, и братьевъ въ люди вывести.

— Боже мой!—воскликнула Марта,—какая же вы счастливая, панна!

— Да, отвѣтила Клара,—правду сказать это не очень веселая жизнь сидѣть такъ по цѣлымъ днямъ за работой и только въ воскресенье или въ праздникъ выходить на свѣтъ Божій; но когда я подумаю, что моя работа доставляетъ средства къ жизни матери и обезпечиваетъ хоть какое-нибудь будущее братьямъ, то я чувствую себя очень счастливою и глубоко сожалѣю тѣхъ, у которыхъ, какъ бывало говорилъ мой отецъ, нѣтъ ни головы, ни рукъ. Сколько я горевала объ этой Емилькѣ, сколько я наплакалась изъ-за нея...

— Развѣ она не вышла замужъ? спросила Марта.

— Вотъ, какъ-то такъ случилось, что хоть она и получила образованіе и была хорошенькая, а все-таки не вышла. Отецъ ея потерялъ мѣсто и отъ тоски занемогъ,—до сихъ поръ еще лежитъ въ постели бѣднякъ, ни живой, ни покойникъ. Мать также болѣзненная и, правду сказать, капризная, сварливая женщина; кромѣ Емильки у нея еще дома младшая дочь и сынъ, съ которыми она не знаетъ что дѣлать; за ученье вездѣ платить надо, а тутъ въ домѣ бѣдность, голодъ, не только что... Емильку тетка сразу начала понукать къ работѣ, какъ только они обѣднѣли: но кромѣ того, что дѣвушкѣ, избалованной балами и нарядами, не хотѣлось приняться за трудъ, оказалось, что это знаменитое образованіе не дало ей ни головы, ни рукъ. Она хотѣла быть учительницей, но куда тамъ! брянчитъ, брянчитъ на фортепіано и по-французски, вѣроятно, недурно говоритъ, но какъ дѣло дошло до ученія ни съ мѣста... никто ее не бралъ... она получила два урока по сорока грошей за часъ, да и тѣ какъ-то скоро потеряла... Впрочемъ, она ничего хорошенько не знаетъ... куда только она ни обращалась съ просьбой о работѣ, ей отказывали; а тутъ мать дома пилитъ за праздность, больной отецъ охаетъ въ постели, братъ бьетъ баклуши на улицахъ, и того и гляди негодяемъ выростетъ, сестра отъ скуки и отъ злости ссорится со всей семьей, ѣсть нечего, печь нечѣмъ затопить... У Емильки доброе сердце, поэтому она жестоко горевала, исхудала, мы уже думали, что у нея начинается чахотка, наконецъ, только два мѣсяца тому нашелся заработокъ...

— Нашелся, однако! воскликнула Марта и вздохнула глубоко, точно съ груди ея свалилась какая-то гнетущая тяжесть.

Пока она слушала исторію бѣдной незнакомой дѣвушки, ей казалось, что кто-то разсказываетъ событія нѣсколькихъ послѣднихъ, ею самою пережитыхъ, мѣсяцевъ; сходство печальной доли той, съ ея собственною судьбой возбуждало въ ней жгучее сочувствіе и любопытство. Однако Клара молчала съ минуту; только послѣ нѣкотораго раздумья

и, какъ бы легкаго колебанья, она начала говорить чуточку робкимъ голосомъ:

— Когда вы вышли изъ нашего магазина, пани, я старалась васъ догнать на улицѣ... къ счастью это такая пора, когда я каждый день ухожу домой на два часа пообѣдать и помочь матери прибрать въ кухнѣ... потомъ я опять возвращаюсь на пять часовъ въ магазинъ... И вотъ я выбѣжала за вами, пани, чтобы вамъ сказать, что если... если вы случайно... находитесь въ точно такомъ положеніи, въ какомъ два мѣсяца тому назадъ была моя бѣдная Емилька, то, можетъ быть... можетъ быть вы, пани, согласились бы работать тамъ, гдѣ она теперь работаетъ.

Робость, съ которой были произнесены эти слова, уже заранѣе предупреждала, что заключающееся въ нихъ предположеніе не было особенно блестящимъ! но Марта быстро и какъ бы пробужденная отъ долгаго сна, схватила за руку швею.

— Панна Клара, воскликнула она,—говорите, говорите скорѣе! на все соглашусь, на все на свѣтѣ! Я дошла до крайности. Голосъ ея, когда она это говорила, былъ подавленный и дрожащій, рука чуть не съ судорожной силой сжимала руку швеи.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула въ свою очередь панна Клара,— какое же это счастье, что эта мысль пришла мнѣ въ голову, если вы, пани, въ такомъ непріятномъ положеніи и еще съ ребенкомъ... съ этимъ прелестнымъ ангельчикомъ, съ которымъ вы позволяли мнѣ, пани, иногда поиграть, когда я приносила вамъ платье въ Граничную улицу. Хотя опять-таки правда... незавидна участь тѣхъ женщинъ, которыя работаютъ у Швейцовой...

— Кто же эта Швейцова? гдѣ живетъ? чѣмъ занимается? спрашивала Марта съ лихорадочнымъ любопытствомъ и тревогой.

— У Швейцовой, пани, въ улицѣ Фрета, швейная, въ которой приготовляется различнѣйшее бѣлье; но это странная мастерская, по правдѣ сказать; обширная и даже очень богатая, въ ней работаетъ до двадцати женщинъ и нѣтъ ни одной машины. Лѣтъ шесть слишкомъ во всѣхъ швейныхъ и магазинахъ не шьютъ иначе, какъ на машинахъ, но Швейцова не купила ни одной, кройкой она сама занимается съ дочерью, а для шитья она беретъ только такихъ работницъ, которыя не умѣютъ шить на машинѣ, а въ работѣ нуждаются страшно... за то же она и платитъ имъ, платитъ... Даже стыдно и горько говорить объ этой платѣ...

— Все это не измѣняетъ моего рѣшенія, панна Клара,—прервала живо Марта,—я точно также, какъ ваша двоюродная сестра, не умѣю

ничего дѣлать хорошенько, и должна идти туда, гдѣ требуютъ менѣе всего.

— И даютъ всего менѣе, печально докончила Клара.

— Конечно,—продолжала она,—все-таки лучше имѣть что-нибудь, чѣмъ ничего. И такъ, если вамъ угодно, пани, я могу васъ свести къ Швейцовой.

— Дайте мнѣ точный адресъ, я пойду одна. Вѣдь вамъ нельзя терять много времени.

— Нѣтъ, я пойду съ вами, пани, вѣдь я только опоздаю на обѣдъ, но это не бѣда, мать не будетъ тревожиться обо мнѣ, потому-что иногда случается, что меня задерживаютъ въ магазинѣ дольше обыкновеннаго, когда есть спѣшная работа. Наконецъ я давно уже не видала и Емильку, пойдемъ вмѣстѣ.

Марта новымъ пожатіемъ руки поблагодарила честную швею и обѣ женщины пошли дорогой, ведущей къ улицѣ Фрета. На пути Клара говорила Мартѣ:

— Швейцова женщина немолодая и люди толкуютъ различное объ ея прошломъ. Она открыла швейную уже лѣтъ двадцать тому назадъ, но ей не особенно везло пока не было швейныхъ машинъ. Съ той поры, какъ начали шить на машинахъ, Швейцова разбогатѣла. Это можетъ показаться кому-нибудь страннымъ, однако же это я такъ слышала, какъ пани И., разговаривая съ панной Брониславой, говорила, что Швейцова эксплуатируетъ бѣдныхъ работницъ, которыя мало свѣдущи и благодаря крайности должны работать за гроши. Я не понимаю хорошенько, что означаетъ это выраженіе, но мнѣ кажется, что если Швейцова обижаетъ бѣдныхъ женщинъ, то это не только ея вина, но еще и кого-то другого...

Тутъ швея умолкла и задумалась. Очевидно, она не умѣла дать себѣ яснаго отчета, въ какой-то мысли, промелькнувшей въ ея головѣ.

— Я уже, право, не знаю чья это вина, но, скажите пожалуйста, пани, почему на свѣтѣ существуютъ такія женщины, которыхъ можно обижать? что я говорю! которыя ходятъ еще и просятъ, чтобы ихъ обижали, только бы имъ также дали ломоть чернаго хлѣба?

Марта непрерывно ускоряла шагъ, она шла такъ скоро, что Клара едва могла поспѣвать за нею. За то же онѣ и очутились вскорѣ въ улицѣ Фрета.

— Тутъ, пани, сказала Клара, входя въ низенькія, сырыя ворота одного изъ каменныхъ домовъ.

Изъ воротъ онѣ вошли во дворъ, узкій, длинный, темный, съ четырехъ сторонъ загражденный высокими, старыми и сырыми стѣнами,

съ продолговатымъ клочкомъ пасмурнаго неба вверху. Тамъ всегда должно было быть пасмурно и душно, потому что надъ высокими стѣнами громоздилось значительное количество трубъ, выходящій изъ которыхъ дымъ, увлекаемый внизъ сырымъ воздухомъ, клубился въ узкомъ замкнутомъ пространствѣ и разстилалъ плотныя, сѣрыя завѣсы въ разныхъ сторонахъ двора.

Въ самой глубинѣ двора, противъ воротъ надъ слегка сгнившими дверями, возвышающимися на нѣсколько ступенекъ отъ земли, висѣла узкая и длинная вывѣска, на грязно-голубомъ фонѣ которой большими золотыми буквами было написано:

„Мастерская мужскаго и дамскаго бѣлья Б. Швейцовой“.

Клара, ведя за собою Марту, вошла въ большія сѣни, въ которыхъ среди глубокаго мрака виднѣлась лѣстница, ведущая въ верхніе этажи дома, и отворила одну изъ дверей, находящихся по обѣ стороны сѣней. Густая волна затхлаго, сыраго воздуха хлынула въ лица обѣихъ входившихъ женщинъ. Однако, онѣ вошли и очутились въ обширной комнатѣ, скорѣе длинной, чѣмъ широкой, освѣщенной тремя окнами, выходящими на дворъ и до половины, завѣшанными бѣлыми кисейными занавѣсями; глубина этой комнаты была погружена почти въ полнѣйшій мракъ. Потолокъ былъ тамъ низкій, бревенчатый и закоптѣлый, полъ простой досчатый и некрашенный, стѣны выбѣленныя известью, слегка посѣрѣвшія отъ пыли, въ углахъ же и немного выше пола покрытыя черными и голубыми пятнами сырости.

На сѣромъ фонѣ этой печальной комнаты, тусклыми красками, но ясными очертаніями выдѣлялось множество женскихъ фигуръ, то работающихъ группами за столами у оконъ, то сидящихъ по одиночкѣ поблизости отъ громадныхъ шкафовъ, въ которыхъ за стеклами виднѣлись кипы холстовъ, сшитыхъ, или приготовленныхъ для шитья. Посреди залы стоялъ большой крашенный черной краской столъ, а надъ нимъ склонялись двѣ женщины съ ножницами въ одной рукѣ и кускомъ бумаги, утыканномъ булавками въ другой.

Очутясь шагахъ въ двухъ отъ порога, Клара кивнула головой нѣсколькимъ работницамъ, поднявшимъ на нее взглядъ, потомъ обратилась къ стоявшему посрединѣ столу:

— Добрый день, пани Швейцъ, сказала она.

Одна изъ стоящихъ у стола женщинъ обернулась лицомъ къ пришедшей и улыбнулась очень привѣтливо.

— А, это вы, панна Клара! Вы навѣрно пришли навѣстить свою сестру. Панна Емилія! панна Емилія!

При звукѣ дважды повтореннаго имени одна изъ женщинъ, сидящихъ въ одиночку и въ тѣни, подняла голову. Видно она была такъ занята своей работой или такъ погружена въ раздумье, что вовсе не видѣла того, что дѣлалось вокругъ нея. Теперь она взглянула тусклыми глазами и увидѣла Клару, однако она не соскочила со стула и не подбѣжала къ сестрѣ. Она встала медленно, положила свою работу на табуретъ и медленно сдѣлала нѣсколько шаговъ.—„А, это ты, Клара!“ сказала она и при этомъ протянула пришедшей руку, бѣлую, очень худощавую, съ пальцами исколотыми иглой.

Теперь она всѣмъ станомъ выдвинулась на свѣтъ, проникавшій въ комнату изъ оконъ, и Марта, окинувъ ее взглядомъ, узнала въ ней ту молодую дѣвушку, которую она встрѣтила на лѣстницѣ справочной конторы, когда она явилась туда въ первый разъ. На Емиліи было даже то же самое платье, что и тогда, только въ теченіи трехъ протекшихъ мѣсяцевъ платье больше износилось, лоснилось тамъ и сямъ заплатками и починками, а лицо молодой дѣвушки поблѣднѣло и исхудало. Въ одеждѣ ея и въ наружности проглядывало одновременно, что жизнь начала преждевременно и быстро оказывать на нее зловѣщее, разрушительное вліяніе.

Двѣ двоюродныя сестры подали другъ другу руки, онѣ здоровались недолго, молча, и Емилія отошла на свое, за минуту покинутое мѣсто. Клара же обратилась къ хозяйкѣ мастерской:

— Пани Швейцъ! сказала она, — это пани Марта Свицкая, которая желаетъ работать у васъ.

Швейцова уже нѣсколько секундъ смотрѣла на Марту, но выраженія ея глазъ нельзя было подмѣтить, потому-что они были закрыты очками. Голосъ ея, однако же, звучалъ очень привѣтливо, кротко, чуть ли не нѣжно, когда на обращенныя къ ней слова, она отвѣтила:

— Я очень благодарна пани... какъ же? пани Свицкой за то, что она подумала о моей огромной мастерской, но право... у меня уже столько работницъ, что я не знаю, буду ли имѣть возможность...

Марта хотѣла что-то сказать, но Клара слегка дернула ее за рукавъ пальто и быстро остановила ея рѣчь.

— Моя пани Швейцъ,—сказала она съ рѣшимостью особы совершенно независимой и отчасти чувствующей свое превосходство,—зачѣмъ даромъ слова терять? Вы, пани, говорили тоже самое Емилькѣ, когда она сюда пришла, однако же вы ее приняли... все дѣло въ томъ, чтобы согласиться на возможно меньшую плату, не правда ли?

Швейцова улыбнулась.

— У васъ, панни Клара, постоянно живой темпераментъ, — сказала она съ одинаковой кротостью; — вы сравниваете плату, которую получаютъ работницы у пани И., съ той, какую въ состоянiи дать наша бѣдная мастерская, и потому вамъ, пани, кажется, что мы платимъ слишкомъ мало...

— То, что мнѣ кажется, милая пани Швейцъ, я уже сама знаю, прервала Клара. — Мнѣ бы хотѣлось только, чтобы вы, пани, сказали какъ можно скорѣе, найдетъ ли пани Свицкая тутъ себѣ работу, потому-что въ противномъ случаѣ мы пойдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

Швейцова сложила руки на груди и опустила голову.

— Любовь къ ближнему, начала она тихо и протяжно, — любовь къ ближнему не дозволяетъ отказывать въ работѣ особѣ...

Клара сдѣлала нетерпѣливое движенье.

— Моя пани Швейцъ, сказала она, — любовь къ ближнему нечего сюда припутывать. Пани Свицкая предлагаетъ вамъ свою работу, за которую вы будете ей платить, вотъ и конецъ. Это то же, какъ если человѣкъ приходитъ въ лавку, беретъ товаръ и кладетъ за него деньги на столъ. При чемъ тутъ любовь къ ближнему?

Швейцова тихо вздохнула.

— Моя панна Клара, сказала она, — вы прекрасно знаете, какъ я забочусь о здоровьи моихъ работницъ, а главное, объ ихъ нравственности...

При послѣднемъ словѣ ея длинное и сморщенное лицо приняло дѣйствительно жесткое и суровое выраженiе.

Клара улыбнулась.

— Все это меня не касается. Я хотѣла бы только услышать наконецъ: принимаете ли вы пани Свицкую въ вашу мастерскую, или нѣтъ?

— Что же мнѣ дѣлать? что же мнѣ дѣлать? хотя, право, у меня уже столько работницъ, что и работы не хватаетъ...

— А на какихъ же условiяхъ? — живо настаивала Клара.

— А что же? — на такихъ, на какихъ работаютъ всѣ эти дамы: 40 грошей въ день. Десять часовъ работы.

Клара отрицательно покачала головой.

— Пани Свицкая не будетъ работать за такую цѣну, сказала она рѣшительно и смѣясь прибавила: — 40 грошей въ день за десять часовъ работы, это значитъ по четыре гроша за часъ... это вѣрно шутка.

Она обратилась къ Мартѣ и сказала: — Пойдемте куда-нибудь въ другое мѣсто, пани. Клара уже направилась къ дверямъ, но Марта не

послѣдовала за нею. Она постояла съ минуту на мѣстѣ, какъ прикованная,—вдругъ она подняла голову и сказала:

— Я соглашаюсь на ваши условія, пани. Я буду шить по десяти часовъ въ день за сорокъ грошей.

Клара хотѣла еще что-то говорить, но Марта не дала ей вымолвить слова.—Я уже такъ рѣшила, сказала она и прибавила тише: — вы же сами часъ тому назадъ говорили, панна Клара, что лучше имѣть что-нибудь, нежели ничего.

Договоръ былъ заключенъ. Съ завтрашняго дня Марта должна была начать ремесло швеи въ мастерской Швейцовой. И такъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, послѣ напрасно предпринятыхъ трудовъ, униженій, одинаково напрасно перенесенныхъ, послѣ безплодныхъ метаній по разнымъ дорогамъ и нищенскаго стучанія во многія двери, Марта нашла работу, возможность заработка, тотъ краеугольный камень, на которомъ должно было быть построено ея существованіе и жизнь ея ребенка. Однакоже, когда утомленная долгой ходьбой по городу она вернулась въ свою каморку, она не улыбалась такъ, какъ въ тотъ счастливый день, когда она вернулась изъ справочной конторы съ извѣстіемъ о полученномъ урокѣ, не раскрыла объятій бѣгущей къ ней малюткѣ и не сказала ей со слезой въ глазахъ и съ улыбкой на губахъ:—благодари Бога. — Блѣдная, задумчивая, съ глубокой складкой на лбу и сжатыми губами, Марта усѣлась сегодня у маленькаго оконца, стеклянными глазами всматривалась въ крыши окружающихъ домовъ и не способнымъ различить ни единаго звука ухомъ вслушивалась въ гулъ большого города.

Низкая цифра обѣщаннаго заработка не ужасала ее; протекло еще слишкомъ мало времени съ той поры, какъ она начала связывать и штопать средства жизни, какъ тряпку гнилую, рвущуюся и разваливающуюся въ рукѣ; она была еще слишкомъ несвѣдуща въ грошевыхъ разсчетахъ бѣдняковъ, и слишкомъ мало знакома съ тѣмъ роемъ обыденныхъ потребностей, изъ которыхъ каждая, меньше самой крохотной мошки, завязшей въ пространствѣ, все же тяжестью камня обрушивается на плечи бѣдняка; поэтому она не была въ состояніи сразу соразмѣрить будущій заработокъ съ будущими потребностями и уяснить себѣ недостаточность перваго, мучительность вторыхъ.

Она еще не сознавала ясно, въ состояніи ли она вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ просуществовать на сорокъ грошей въ день, впрочемъ, эта маленькая сегодняшняя цифра была крупной въ сравненіи съ вчерашней, которая равнялась нолю; но если Марта была новичкомъ, хотя и видавшимъ жестокія испытанія новичкомъ въ школѣ житейскаго опыта и въ угрюмой толпѣ, шествующей подъ знаменемъ нужды по жиз-

ненному пути, однакоже, она все-таки обладала достаточной долей здраваго смысла и образованія, чтобы понять низость той ступени человѣческаго труда, на которую она вступила, на которой остановилась безъ малѣйшей надежды взобраться когда-нибудь на высшую.

Это была ступень, на которой толпилась всякая безпомощность, сопротивляющаяся голодной смерти.

Это была ступень, до которой опускались только тѣ, у кого не хватило силъ удержаться на высотѣ.

Это была ступень, погруженная въ низины, ступень, на которой царитъ непрерывный мракъ, трудъ скучный, утомительный, недозволяющій вздохнуть, дающій черный хлѣбъ тѣлу, держащій душу на желѣзной цѣпи вѣчной и никогда достаточно не удовлетворяемой потребности тѣла.

Это была ступень, наконецъ, на которой пауки ткали густыя паутины и опутывали мухъ, добровольно слетающихъ къ нимъ, на которой царила несправедливость и угнетала головы, покорно сгибающіяся въ сознаніи собственной безпомощности.

Никогда, ни разу въ жизни, ни во дни удачи и обезпеченности, ни въ ту минуту, когда одиночество и бѣдность стали ея удѣломъ, ни даже въ ту пору, когда она пыталась вступать на различные пути и когда ей приходилось отступать отвсюду послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ шаговъ, Марта не воображала себѣ, чтобы ея силы были такъ слабы, знаніе такъ ограничено, что ей могло быть предназначеннымъ спуститься въ такія низкія сферы.

Это предназначеніе она встрѣтила съ лихорадочной поспѣшностью, съ полной и рѣшительной готовностью, однакоже, оно было для нея неожиданностью, хотя нѣкоторыя событія истекшихъ дней могли приготовить ее къ нему—оно все-таки было неожиданностью.

Шумной, сварливой, мрачной толпой тѣснились новыя, до сихъ поръ неизвѣданныя мысли въ головѣ молодой женщины, сидящей въ большой, мрачной, сырой комнатѣ въ улицѣ Фрета, надъ кускомъ полотна, который она прилежно сшивала, поднимая и опуская внизъ руку въ тактъ съ двадцатью руками, которыя поднимались и опускались вокругъ нея.

Приходя сюда въ первый разъ въ качествѣ работницы, Марта внимательнѣе чѣмъ наканунѣ окинула взглядомъ многочисленную группу ея сотоварокъ по работѣ и долѣ.

Велико было ея удивленіе когда она подмѣтила, что большинство ихъ составляли женщины, тонкія лица, гибкіе станы, бѣлыя руки которыхъ изобличали происхожденіе изъ другой общественной сферы, нежели та, въ которую онѣ попали; утро жизни, по крайней мѣрѣ, не походило

на ея полдень и вечеръ. Впрочемъ, тамъ были женщины различнаго возраста, наружности, очевидно, различнаго характера также.

Однѣ изъ нихъ сидѣли на табуретахъ, молча и неподвижно, за исключеніемъ рукъ, шевелившихся непрерывно; головы ихъ, по цѣлымъ часамъ, опущенныя надъ работой, въ минуту окончанія ея поднимались съ очевидной тяжестью, при выходѣ изъ залы ноги ихъ медленно волочились, а потухшіе глаза, почти постоянно закрытые покраснѣвшими вѣками, не разгорались ни единой искрой, ни единымъ лучомъ даже при видѣ полуденнаго солнца, золотящаго полныя движенія улицы города, даже при видѣ самаго этого движенія, ни при гулѣ свободныхъ голосовъ человѣческихъ, окружающихъ ихъ исполненной жизни болтовней въ то время, какъ онѣ, безмолвныя и омертвѣвшія выходили на свѣтъ Божій изъ своей угрюмой мастерской.

Платья ихъ были оборваны, запачканы уличной грязью, волосы ихъ едва причесанные, свернутые въ безобразный узелъ на затылкѣ, разсыпались въ безпорядкѣ по худымъ шеямъ и только кое-гдѣ еще какой-нибудь полотняный, но безукоризненный чистоты воротникъ, какое-нибудь обручальное кольцо, блестящее на пальцѣ и, какъ бы издѣвающееся своимъ золотымъ блескомъ надъ всей исхудалой фигурой, напоминали какія-то прежнія привычки, какія-то чувства и сердечныя связи, которыя въ недосягаемую даль умчала слишкомъ быстрая волна прошлаго. Это были существа, которыя уже истомленныя короткимъ, пройденнымъ путемъ, съ изможденнымъ сердцемъ и умомъ, съ болѣзненнымъ тѣломъ и замирающей въ немъ душой, волочили свое мрачное, тяжелое, безнадежное существованіе, молчаніемъ, какъ бы послѣдней, уцѣлѣвшей у нихъ одеждой, упорно заслоняя свои внутреннія раны. Однако, не онѣ, не эти изможденныя тѣла и смертельно печальныя души являлись самымъ грустнымъ зрѣлищемъ въ мастерской Швейцовой; поближе къ окнамъ, на подобіе заключенныхъ въ темницу птичекъ, ищущихъ солнечнаго отблеска между прутьями клѣтокъ, сидѣли работницы моложе другихъ, если не годами жизни, то годами страданій, съ большей жизненностью темперамента, съ упорной жаждой въ груди, съ улыбкой, которая, подавляемая и сдерживаемая, однако, не хотѣла замереть ни въ сердцѣ, ни на губахъ. Лица ихъ были блѣдны и худы, одежда очень бѣдна, но подъ блѣдными лбами, тамъ сверкали глаза, чуть ли не ежеминутно поднимающіеся изъ-за работы, ищущіе взглядомъ взглядовъ подругъ, плутовскіе порой, или насмѣшливо и злобно, или же нетерпѣливо вырывающіеся взглядомъ куда-то за сырыя, мрачныя стѣны комнаты. Отъ времени до времени среди впалыхъ, почти каждый день облекающихся все болѣе густой желтизной щекъ, являлись улыбки, напоминающія своимъ

выраженіемъ выраженіе глазъ: шаловливыя, насмѣшливыя, грустныя или мечтательныя. Тамъ были головы, украшенныя роскошными косами, среди которыхъ кое-гдѣ какая-нибудь ленточка, кокардочка, хоть бы тесемочка блестѣла розовымъ или голубымъ оттѣнкомъ; нитка цвѣтныхъ бусъ охватывала шею, какъ бы издѣваясь надъ дырами и заплатами лифа, которому она должна была служить украшеніемъ.

А всѣ эти взгляды, улыбки, украшенья представляли зрѣлище болѣе горестное и загадочное, нежели молчаніе, изможденность и мертвенность другихъ работницъ. Въ нихъ проявлялась ядовитая борьба чувствъ и стремленій съ подавляющими ихъ условіями существованія, мечтаній о роскоши съ крайней нуждой. Тамъ уже воспослѣдовало пассивное паденіе, тутъ, казалось ежеминутно угрожало паденіе дѣятельное. Тѣ несчастныя были уже близкими къ концу своего земного странствованія, эти приближались къ началу—порочной жизни, передъ первыми разверзалась могила, передъ послѣдними—лужа.

Когда Швейцова и ея дочь стояли за большимъ чернымъ столомъ, въ мастерской царила повидимому полная тишина и единственнымъ выразительнымъ отголоскомъ являлись рѣзкіе звуки громадныхъ ножницъ, которыми почти непрерывно двигали искусные пальцы.

Однако же тишина эта была кажущаяся; кромѣ единственнаго, царящаго надъ нею яснаго отголоска, тамъ было множество отголосковъ другихъ, только неясныхъ, прерывистыхъ, но образующихъ непрерывный и тихо волнующійся шорохъ, порой, какъ бы разражающійся нетерпѣливой волной, порой же снова упадающій и какъ бы сливающійся съ тишиной; этотъ шорохъ состоялъ изъ шелеста болѣе чѣмъ двадцати движущихся рукъ, изъ дыханія двадцати грудей, изъ сухого и отрывистаго или же сильнаго и удушливаго кашля, изъ перешептываній едва двигающихся губъ, изъ тихихъ и быстро сдерживаемыхъ хихиканій. Работницы, сидѣвшія въ глубинѣ мастерской кашляли; работницы, ютящіяся у оконъ перешептывались и хихикали. Швейцова иногда поднимала голову и изъ за очковъ окидывала комнату внимательнымъ взглядомъ. Глаза ея блестѣли проницательнымъ взглядомъ изъ за плотныхъ стеколъ, она наблюдала за работой. Иногда она клала ножницы на столъ и протяжнымъ, медоточивымъ голосомъ, начинала длинную рѣчь.

Она говорила о томъ, какъ въ другихъ мастерскихъ работницы теряютъ здоровье надъ машинами, которыя, какъ извѣстно, истощаютъ силы и служатъ причиной различныхъ болѣзней, и что она отреклась отъ всѣхъ выгодъ, которыхъ она могла бы добиться введеніемъ въ свою мастерскую машинъ, только бы не отягощать своей совѣсти грѣхомъ разрушенія здоровья ближнихъ. Вѣдь совѣсть это самое важное дѣло,

все остальное суетная мамона. Швейцова предъявляла къ своимъ работницамъ только одно требованіе, а именно, чтобы нравственность ихъ была безукоризненна. Въ этомъ отношеніи однако она была неумолима, во-первыхъ потому, что она не хотѣла, чтобы ея мастерская служила зрѣлищемъ соблазна; а во-вторыхъ потому, что она боялась потерять своихъ заказчиковъ, людей почтенныхъ, и послѣ этого быть немедленно ввергнутой въ нищету съ своими дѣтьми и внуками.

Работницы выслушивали эти разсужденія въ глубокомъ молчаньи. Вѣроятно между ними не было ни одной, которая вѣрила бы словамъ Швейцовой. Вѣроятно всѣ онѣ сознавали, что изъ нихъ выжимаютъ сокъ, однако же онѣ слушали молча и покорно. Онѣ знали, что за предѣлами этой, вмѣщавшей ихъ комнаты ни одной изъ нихъ не предстояло ничего, кромѣ могилы, или—лужи.

Иногда также Швейцова или ея дочка покидали мастерскую, выходя изъ нея дверями, ведущими въ глубину зданія. Изъ отворенныхъ дверей тогда доносились до ушей работницъ звуки превосходнаго фортепьяно, на которомъ, то играли бѣгло и искусно, то учились играть. Изъ дверей видѣнъ былъ также рядъ комнатъ, уставленный роскошной мебелью; тамъ блестѣли паркетные полы и широкіе зеркала, пунцовый штофъ, которымъ была обита мебель рѣзалъ утомленные глаза работницъ.

И вотъ потому-то однѣ изъ нихъ улыбались печально, другія смотрѣли угрюмо въ пространство, третьи же злобно мигали глазами. Скорбь, зависть, желчь разрывали тогда двадцать женскихъ грудей. Въ три часа зажигали большія висячія лампы и работницы шили при искусственномъ освѣщеніи, пока на стѣнныхъ часахъ въ квартирѣ Швейцовой не било девяти.

Когда Марта, проводя въ этой мастерской цѣлый день, возвращалась домой, она едва могла держаться на ногахъ.

Однако же ничто ее не утомило, даже у нея не было никакой новой печали. Но она была испугана до глубины души, до мозга костей своихъ.

* *
*

Взыскательные читатели, а въ особенности нѣжныя и жаждущія впечатлѣній читательницы, простите ли вы меня за этотъ разсказъ мой, совершенно лишенный таинственной завязки и занимательнаго изображенія двухъ сердецъ, пронзенныхъ огненными стрѣлами?

Къ каждому явленію, служащему предметомъ разсказа, можно относиться различно. Исторія бѣдной Марты вмѣсто того, чтобы развертываться передъ вашими глазами однообразной и одноцвѣтной нитью, могла

бы быть конечно украшена, освѣщена множествомъ скрещивающихся чувствъ, поразительныхъ противоположностей, молніеносныхъ событій, могла бы быть сплетена въ вѣнокъ происшествій, изъ которыхъ каждое придавало бы ей грацію, прелесть, или ужасъ, или эта же самая исторія могла бы быть разработана эпизодически, какъ дополненіе какого-нибудь болѣе эффектнаго и увлекательнаго цѣлаго, какъ сопоставленіе, связанное съ исторіей счастливыхъ или отчаявающихся, идиллическихъ или героическихъ, покровительствуемыхъ судьбой, или угнетенныхъ ею.—Нумы и Помпилія.

Простите! встрѣтивъ въ жизни Марту, я оглядывалась вокругъ, искала, но нигдѣ по близости не нашла никакого Помпилія. Не найдя его, я хотѣла сократить исторію женщины, скомкать ее и замкнуть въ эпизодѣ—не могла, потому что признала ее достойной отдѣльнаго цѣлаго; замышляла наконецъ вплести ее въ узлы интригъ, въ вѣнки эпизодовъ—я не сдѣлала этого, потому что мнѣ показалось, что для нея болѣе всего приличествуетъ, если она явится въ свѣтъ одинокой.

Простите меня за простоту средствъ, которыя я употребляю для того, чтобы изобразить вамъ одно изъ прискорбнѣйшихъ явленій современнаго общества и послѣдуйте за мною далѣе по тому пути, по которому шествуетъ печальный образъ бѣдной женщины, можетъ быть достойной лучшей участи, нежели та, которой ее подвергло... что? Вѣдь названіе этого *нѣчто*, которое подобно роковому проклятію клонитъ головы, связываетъ ноги и разбиваетъ множество человѣческихъ сердецъ, вы прочтете въ исторіи Марты.

Варшава радовалась, шумѣла, блестѣла.

Были рождественскія святки. Едва нѣсколько дней тому назадъ потухли яркіе огни, зажженные среди зеленыхъ вѣтвей рождественскихъ елокъ, а въ воздухѣ, казалось, еще дрожали и радостно трепетали гаммы дѣтскаго смѣха и шумные разговоры счастливыхъ семействъ, собравшихся около празднично убранныхъ столовъ. На слѣдующій день міру долженъ былъ явиться таинственный гость. Новый годъ.

Внутренность домовъ и витрины магазиновъ смотрѣли нарядно, улицы были застланы толстымъ слоемъ снѣга, окрѣпшаго отъ мороза, и сверкающаго милліонами искръ подъ лучами солнца, сіявшаго на прояснившемся небѣ.

Рои санокъ мчались въ различныхъ направленіяхъ, толпы прохожихъ заливали троттуары. Сколько головъ было въ этой разнообразной, подвижной толпѣ, столько было и прядей мысли, таинственно разстилающихся по пространству, невидимо преслѣдующихъ въ обширномъ мірѣ близкіе и отдаленные, возвышенные и низменные предметы. Любовь,

алчность, благоговѣніе, ненависть, тревоги, надежды, самые различные интересы и страсти, самыя разнообразныя стремленія и желанія извивались и скрещивались въ тысячахъ головъ населенія большого города, идущаго, ѣдущаго, бѣгущаго туда, куда его гнали высшія цѣли жизни, или мелкія цѣльки дня. Среди этого таинственнаго и никакому тѣлесному уху недоступнаго гула, на которомъ, какъ бы на почвенномъ наслоеніи, развертывалось движеніе словъ и поступковъ тысячи людей, тихо извивалась никѣмъ неизслѣдуемая и неугадываемая нить мысли въ покорной и никѣмъ не замѣчаемой женской головѣ.

— Сорокъ грошей въ день... Десять грошей въ день женѣ дворника за надзоръ за Янтей, пока я сижу у Швейцовой... пятнадцать грошей хлѣбъ и молоко для ребенка... пятнадцать грошей обѣдъ... на каждое воскресенье уже ничего не остается...

Это была дума Марты, идущей медленно и съ опущенной головой по троттуару Краковскаго предмѣстья.

— За квартиру за два мѣсяца надо уплатить двадцать рублей... въ лавкѣ я задолжала десять рублей... за проданную шубу я получила пятьдесятъ... тридцать изъ пятидесяти двадцать... Янтѣ, во что бы то ни стало башмаки нужны, мои уже также рвутся... дровъ купить придется... ребенку постоянно холодно...

Кончая эту мысль, Марта закашляла сухимъ, отрывистымъ, но упорнымъ кашлемъ. Мѣсяцъ прошелъ съ того дня, когда она въ первый разъ явилась въ качествѣ работницы въ мастерскую Швейцовой, за это время она очень измѣнилась; изъ-за прозрачной блѣдности ея лица, тамъ и сямъ проглядывали желтыя полосы, глаза, впавшіе и расширившіеся, были окружены темной синевой, посреди прелестно очерченнаго лба образовалась глубокая складка. Черное платье Марты, чистое и цѣльное, порыжѣлое отъ употребленія, смотрѣло правда опрятнымъ, но старымъ; на головѣ у нея не было шляпы, на плечахъ шубы. Черный шерстяной платокъ прикрывалъ ея волосы, обрамляя грубыми складками блѣдный лобъ и впалыя щеки.

Текло, шумѣло населеніе большого города на широкомъ троттуарѣ роскошной улицы, съ нимъ вмѣстѣ уносились въ пространство тысячи теченій человѣческой мысли, а среди нихъ продолжала извиваться тихая, покорная, однообразная мысль, пробирающейся среди толпы бѣдной женщины.

— Десять грошей и пять... пятнадцать, два... семнадцать. Семнадцать изъ сорока... двадцать три...

Какая же пустая, низменная, сухая была эта мысль! Она пресмыкалась по землѣ въ то время, когда зимнее небо свѣтилось чистѣйшей ла-

зурью, застывала среди холода цифръ—когда при приближеніи новаго года человѣчество кипѣло желаніями, чувствами, надеждами.

Да, это было дѣйствительно очень прозаическое и низменное дѣйствіе, свершающееся въ человѣческой душѣ, это былъ копѣечный, грошевый разсчетъ бѣдности...

Не всегда, однако, мысли Марты пресмыкались такъ низко; была пора, когда и она возводила свои глаза къ лазури, съ бьющимся сердцемъ и съ улыбкой надежды привѣтствовала наступающій новый годъ. Она вспомнила объ этомъ теперь. Она подняла вѣки и обвела взглядомъ вокругъ. Въ глазахъ ея, въ которыхъ сначала виднѣлась только озабоченность, вызванная сопоставленіемъ и вычисленіемъ грошевыхъ цифръ, теперь появились, заиграли огоньки, пробуждающихся въ груди чувствъ. Это была сначала тоска, потомъ сожалѣніе, наконецъ нетерпѣливое возмущеніе души, угнетаемой какой-то роковой необходимостью, съ которой однако же она до сихъ поръ не заключила прочнаго перемирія. Впалые глаза Марты сверкнули горячимъ блескомъ, что-то въ ней поднялось, крикнуло страданіемъ, застонало тревогой, взбунтовалось еще до сихъ поръ неистовщившейся энергіей воли. Она остановилась на минуту, подняла голову и прошептала дрожащими губами:

— Нѣтъ! такъ не можетъ долго продолжаться! такъ не должно быть всегда!

Она пошла дальше и думала, что вѣдь это же невѣроятная, совершенно невѣроятная вещь, чтобы окончательнымъ, единственнымъ до самой смерти мѣстомъ, предназначеннымъ ей, былъ этотъ табуретъ въ мастерской Швейцовой, на которомъ среди мрака, сырости, затхлаго воздуха, окруженная истощенными, умирающими лицами, она шила по цѣлымъ днямъ, не будучи въ состояніи въ награду за это заработать по крайней мѣрѣ столько, чтобы спать ночью спокойнымъ сномъ, а въ минуты свободныя отъ труда избавиться отъ необходимости считать гроши.

Происхожденіемъ, всѣмъ прошлымъ своимъ вѣдь она принадлежала къ средѣ людей просвѣщенныхъ, ее считали и она считала себя сама женщиной просвѣщенной. Итакъ, почему же, когда къ ней прикоснулась суровая рука судьбы, она очутилась въ общественной іерархіи, въ области работы, выгодъ и почестей человѣческихъ, на этой низшей ступени, на которой, казалось, должны были бы стоять только самые несчастные, наиболѣе лишенные благодѣяній, оружія и орудій, доставляемыхъ людямъ просвѣщеніемъ? Неужели же это ея просвѣщеніе хромало въ чемъ нибудь существенномъ? Неужели же оно было только игрушкой, выструганной, разукрашенной для забавы спокойной души, обитающей въ сытомъ и удовлетворенномъ тѣлѣ, распадающейся въ ни на что

не пригодный прахъ, каждый разъ, какъ душѣ захотѣлось бы употребить ее для охраны себя отъ утомленія и паденія, охраны тѣла отъ потери силъ, служащихъ душѣ? Неужели же это ея просвѣщеніе было только призракомъ? Просвѣщеніе въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ видѣ, въ какихъ имъ обладала Марта, возбуждало желанія, не давая ничего, чѣмъ можно было бы добиться ихъ удовлетворенія, вызывало тоску по умственной дѣятельности, приковывая душу къ землѣ узами голоднаго тѣла, усиливало въ сердцѣ чувства только для того, чтобы приправлять ихъ горечью, волновать смертельной тревогой.

Марта думала объ этомъ и чувствовала все это, но не обобщала своихъ мыслей и чувствъ, не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ очень сложномъ явленіи, которое управляло ея судьбой. Она цѣплялась за одно воспоминаніе, за одно сознаніе, что она принадлежала къ людямъ просвѣщеннымъ, которымъ все-таки открыто столько путей.

Неужели же ей придется уже навсегда остановиться на томъ, на которомъ она стояла? Неужели для нея не было никакого другого мѣста на землѣ, кромѣ того, куда она входила со стыдомъ, и о которомъ думала съ ужасомъ въ отдаленіи? Правда, она молила Бога о маленькомъ, скромномъ мѣстѣ на землѣ, о такомъ мѣстѣ, въ которомъ два существа человѣческія, связанныя другъ съ другомъ самыми тѣсными и самыми священными узами и чувствами, могли бы жить; но то, которое, послѣ многихъ попытокъ и усилій, выпало ей на долю не было мѣстомъ подъ солнцемъ, но мрачной пропастью, въ которой два человѣческія существа не жили, но скованныя цѣпями самыхъ простыхъ, самыхъ низменныхъ и никогда не удовлетворенныхъ, никогда не прекращающихся потребностей, медленно умирали.

Да, медленно умирали. Это было вовсе не преувеличеніе, но ужасающая дѣйствительность. Недавно еще Марта, задумываясь о положеніи, въ которомъ она очутилась, и обязанностяхъ, тяготившихъ ея сердце и совѣсть, повторяла себѣ, какъ поощреніе и утѣшеніе: „Я молода и здорова". Въ настоящее время эти слова были только на-половину правдой. Она была молода, но уже не была здорова. Нравственныя и физическія стихіи, соединясь между собой, являлись чѣмъ-то въ родѣ невидимой изнурительной лихорадки, истощающей и ослабляющей ея тѣло.

Марта кашляла, уже нѣсколько недѣль ощущала незнакомую ей до той поры слабость, сны ея были лихорадочными, она просыпалась съ тяжелой головой и болью въ груди.

Такъ, должно быть, начинали свой жизненный путь тѣ работницы, теперь полумертвыя, съ чахоточнымъ румянцемъ на лицахъ. Недавно одна изъ нихъ покинула мастерскую Швейцовой двумя часами ранѣе,

нежели это предписывали правила и болѣе не вернулась. Когда на слѣдующій день Марта спросила о ней товарокъ, изъ нѣсколькихъ устъ разнесся подавленный, тѣмъ не менѣе, однако, зловѣщій шепотъ: „умерла“! Умерла? Однако же Марта знала, что ей едва минуло двадцать шесть лѣтъ, и что гдѣ-то на чердакѣ или въ подвалѣ жили и ежедневно ожидали ея возвращенія двое маленькихъ дѣтей...

„Что сталось съ ея дѣтьми“? съ лихорадочнымъ любопытствомъ расспрашивала товарокъ молодая мать прелестной, черноглазой дѣвочки. Полученный отвѣтъ зазвучалъ рѣзко и дико въ ея ушахъ:

„Дѣвочку приняли въ пріютъ, мальчикъ куда-то пропалъ“. Въ пріютъ? а слѣдовательно на попеченіе общественной благотворительности, на руки чужихъ людей, обрекли на невѣрное будущее. Пропалъ? Куда же онъ могъ дѣваться?

Съ ребяческой наивностью онъ можетъ быть искалъ матери, которую вынесли съ высокаго чердака и среди застланныхъ снѣгомъ улицъ, въ морозную зимнюю ночь, умеръ гдѣ-то по-тихоньку, прикрытый снѣжнымъ саваномъ, или, о ужасъ! соединившись съ подобными ему подонками общества.

Марта не могла дольше думать объ этой мрачной исторіи, въ которой можетъ быть отражалась ея собственная будущность. Собственная? О, дѣло не въ этомъ! Любимыя ею существа уже были на томъ свѣтѣ, она чувствовала себя утомленной, смертельно печальной, и можетъ быть съ наслажденіемъ сомкнула бы глаза на вѣчный сонъ, въ которомъ Вѣра обѣщала ей соединенье съ тѣми, о которыхъ толковало ея раненное срердце! Но будущность ея ребенка... какова она будетъ, какою она можетъ быть? если у нея не станетъ силъ жить, если когда нибудь на щекахъ ея выступятъ такія же кровавыя, пылающія пятна, лобъ обольется такой же могильной блѣдностью, груди такъ-же не достанетъ дыханья, какъ у этой бѣдной работницы которая нѣсколько дней тому назадъ, шатаясь вышла изъ мастерской Швейцовой для того, чтобы уже никогда больше не возвращаться...

Станъ Марты, слегка нагнувшійся впередъ въ раздумьѣ, выпрямился.

— Нѣтъ! тихо, съ рѣшимостью проговорила молодая женщина,— такъ не можетъ быть! такъ не должно быть! Говоря это, она видно чувствовала прирожденное каждому человѣку желанье выбиться изъ нищеты и неотъемлемое право каждаго человѣка на улучшеніе, на возвышеніе своего существованья.

Марта обвела вокругъ глазами, въ которыхъ вмѣсто недавней озабоченности и усталости, снова промелькнули энергія и пытливость. Ее окружало отовсюду множество предметовъ, на одномъ изъ нихъ остановился ея

взглядъ. Предметомъ, приковавшимъ къ себѣ взглядъ Марты, было широкое и высокое окно съ богатой витриной одной изъ зажиточнѣйшихъ книжныхъ лавокъ города. При видѣ нѣсколькихъ десятковъ томовъ, разноцвѣтные переплеты которыхъ мелькали за стеклами, молодая женщина ощутила три различныя чувства: воспоминанье, тоску и надежду. Она припоминала тѣ счастливые дни, когда она, опираясь на руку молодого и образованнаго мужа, нерѣдко приходила сюда. Стосковавшись по высшимъ умственнымъ наслажденіямъ, которыми она когда-то пользовалась отъ поры до времени, которыхъ давно была совершенно лишена, и которыя на темномъ фонѣ ея настоящей жизни засіяли передъ ней невыразимымъ очарованьемъ, она увидѣла наконецъ два - три женскихъ имени, напечатанныя подъ заглавіями книжекъ. Изъ этихъ именъ одно принадлежало личности, которую она когда-то знала, въ которой никто не подозрѣвалъ таланта до тѣхъ поръ, пока она не проявила его, да и то съ постепеннымъ, очень медленно возрастающимъ успѣхомъ, однако же теперь ея имя почетно красовалось между многими громкими, блестящими именами отечественныхъ писателей; теперь эта женщина, о которой Марта знала, что она была также одинока и бѣдна какъ сама Марта, добыла мѣсто въ обществѣ, уваженье людей и свое собственное.

— Кто знаетъ? дрожащими губами прошептала женщина, и блѣдное лицо ея запылало румянцемъ среди черныхъ, шерстяныхъ складокъ, обрамляющихъ его мрачной рамой.

Она сдѣлала шага два и остановилась у дверей книжной лавки. Она заглянула въ стекло и увидѣла въ глубинѣ большой залы ея хозяина.. Это было лицо, когда-то хорошо знакомое ей, часто видѣнное въ дни удачи и счастья, лицо мыслящее, честное и кроткое...

У стеклянныхъ дверей зазвенѣлъ колокольчикъ, Марта вошла въ книжный магазинъ, она остановилась на минуту неподалеку отъ порога и обвела быстрымъ, слегка тревожнымъ взглядомъ комнату. Она навѣрно боялась застать въ книжномъ магазинѣ покупателей, при которыхъ она не могла бы высказать того, для чего она пришла.

Одинъ книгопродавецъ стоялъ за конторкой, занятый сведеньемъ счетовъ въ большой книгѣ, раскрытой на небольшомъ возвышеніи. Когда двери отворились, онъ поднялъ голову и, при видѣ входящей женщины, принялъ полупривѣтственную, полувыжидательную позу. Марта медленно приблизилась и остановилась передъ человѣкомъ, очевидно ожидавшимъ отъ нея перваго слова.

Секунды двѣ-три вѣки ея оставались опущенными и блѣдныя губы слегка дрожали. Однако, она быстро подняла на книгопродавца

взглядъ, въ которомъ въ эту минуту сосредоточилась вся сила ея воли и все самосознанье.

— Вы меня не узнаете, панъ? сказала она голосомъ тихимъ, но увѣреннымъ.

Книгопродавецъ уже съ самаго входа ея присматривался къ ней съ большимъ вниманіемъ.

— Дѣйствительно! воскликнулъ онъ, — вѣдь я имѣю удовольствіе видѣть пани Свицкую? Мнѣ сначала казалось, что я узнаю васъ, пани, но... я не былъ увѣренъ.

Говоря это, онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ бѣдную одежду молодой женщины.

— Что прикажете, пани? проговорилъ онъ привѣтливо и съ легкимъ оттѣнкомъ печали въ голосѣ.

Марта молчала съ минуту, лицо ея было очень блѣдно, а взглядъ глубокъ и присталенъ, когда она заговорила:

— Я пришла къ вамъ, панъ, съ просьбой, которая навѣрно покажется вамъ странной, удивительной...

Голосъ у нея внезапно оборвался. Она подняла обѣ руки и провела ими по блѣдному лбу. Книгопродавецъ быстро вышелъ изъ за конторки и придвинулъ молодой женщинѣ обитый бархатомъ табуретъ, потомъ вернулся на свое прежнее мѣсто.

Онъ казался опечаленнымъ, и еще болѣе смущеннымъ.

— Пожалуйста, садитесь, пани! сказалъ онъ.—Я слушаю васъ внимательно...

Марта не сѣла. Она оперлась сплетенными ладонями на конторку и опять глядѣла въ лицо, стоящаго передъ ней человѣка, глубокимъ, но все болѣе прояснявшимся взглядомъ.

— Просьба, съ которой я пришла, дѣйствительно странная, удивительная просьба, говорила она,—но... я припомнила, что вы, панъ, были когда-то въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ мужемъ...

Книгопродавецъ поклонился.—Да, прервалъ онъ,—панъ Свицкій оставилъ дружеское и преисполненное уваженія воспоминаніе во всѣхъ, кто его зналъ ближе.

— Я припомнила, продолжала, Марта,—что я нѣсколько разъ принимала васъ у себя, какъ желаннаго гостя...

Книгопродавецъ опять поклонился почтительно.

— Я знаю, что вы, панъ, не только книгопродавецъ, но писатель, что слѣдовательно...

Голосъ ея постепенно слабѣлъ и затихалъ, она умолкла на минуту. Вдругъ она опять подняла голову, протянула нѣсколько впередъ сплетенныя руки и глубоко вздохнула раза два.

— Дайте мнѣ, панъ, какую нибудь работу... укажите мнѣ путь... научите меня, что мнѣ дѣлать!..

Книгопродавецъ, дѣйствительно, казался нѣсколько удивленнымъ. Онъ съ минуту смотрѣлъ на стоящую передъ нимъ женщину взглядомъ внимательнымъ, чуть ли не пытливымъ. Но красивое и молодое лицо Марты вовсе не представляло трудной для прочтенія загадки. Бѣдность, тревога, напрасныя стремленія и горячая мольба начертили на немъ очень удобочитаемые знаки. Умные, сѣрые глаза книгопродавца, сначала пытливо и даже нѣсколько сурово смотрѣвшіе изъ подъ благороднаго лба, постепенно смягчались, пока наконецъ не закрылись вѣками въ печальномъ раздумьи. Съ минуту между этими двумя людьми царило молчаніе. Книгопродавецъ прервалъ его первый.

— А, слѣдовательно, сказалъ онъ съ легкимъ колебаніемъ въ голосѣ—панъ Свицкій, умирая, не оставилъ послѣ себя никакого состоянія?

— Никакого! тихо отвѣтила Марта.

— У васъ былъ ребенокъ...

— У меня есть маленькая дочка.

— И вы, пани, до сихъ поръ не могли найти себѣ никакого занятія?

— Нѣтъ... я занимаюсь шитьемъ, за которое получаю сорокъ грошей въ день...

— Сорокъ грошей въ день! воскликнулъ книгопродавецъ,—на двоихъ! но вѣдь это нищета!

— Нищета? повторила Марта:—Если бы это и была нищета только и только для меня, и еще такая, изъ которой не существуетъ никакого исхода на землѣ! о, вѣрьте мнѣ, пане, что я съумѣла бы страдать отважно, жить безъ выклянчиванія и умереть безъ жалобы. Но я не одна, я мать! Если бы у меня не было материнскаго сердца, которое любитъ, я слышала бы въ себѣ голосъ совѣсти, который напоминаетъ о долгѣ, если бы у меня не было совѣсти, я слышала бы голосъ сердца. У меня есть и то и другое, пане! Мною овладѣваетъ отчаяніе, когда я гляжу на исхудалое лице моей малютки, когда я думаю объ ея будущемъ, но когда я вспомню, что до сихъ поръ не съумѣла для нея ничего сдѣлать, то мнѣ такъ стыдно, что я готова ежеминутно припасть лицомъ къ землѣ и пресмыкаться головой во прахѣ! Вѣдь существуютъ же бѣдные люди, которые умѣютъ съ дѣтьми выбиться изъ нищеты, почему же я не могу этого сдѣлать? О, пане! Конечно, трудно переносить нищету,

но чувствовать себя безсильной противъ нея, рваться ко всему и уходить отовсюду съ сознаніемъ собственной неспособности, страдать и видѣть дорогое существо страдающимъ сегодня и думать, что страданіе это будетъ продолжаться завтра, послѣзавтра, всегда, и сказать себѣ: „противъ этого страданія, я совершенно безсильна“. О, это такое мученіе, для котораго существуетъ единственное названіе: жизнь бѣдной женщины!

Марта проговорила это быстро и съ увлеченіемъ. При послѣднихъ словахъ голосъ ея сталъ тише и два ручья слезъ съ неудержимой силой хлынули по ея щекамъ. Она закрыла лицо платкомъ и съ минуту стояла неподвижно, очевидно борясь со слезами, которыя не переставали катиться, сдерживая рыданія, все сильнѣе потрясавшія ея грудь. Это было въ первый разъ, что она заплакала въ присутствіи свидѣтеля; въ первый разъ она высказала въ громкой жалобѣ то, что давно накипѣло у нея въ душѣ. Она уже не была ни такъ сильна, ни такъ горда, какъ тогда, когда въ домѣ Рудзинскихъ съ сухими глазами и спокойнымъ лицомъ она добровольно отрекалась отъ работы, которой не могла выполнить.

Книгопродавецъ стоялъ за конторкой съ скрещенными на груди руками въ неподвижной позѣ. Сначала слегка смущенный страстнымъ порывомъ чувствъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ, онъ минуту спустя, сталъ очевидно взволнованнымъ.

— Боже мой! сказалъ онъ вполголоса,—до чего измѣнчива судьба человѣческая на землѣ! Зная васъ прежде, пани, могъ ли я ожидать, что увижу васъ когда-нибудь въ такомъ горестномъ состояніи и въ такой бѣдности. Вы жили такъ обезпеченно, были такой любящей, счастливой четой!

Марта отняла платокъ отъ лица.

— Да! проговорила она подавленнымъ голосомъ,—я была счастлива... Когда любимый мною человѣкъ умиралъ, я полагала, что не переживу его... Пережила!.. Скорбь и тоска уцѣлѣли во мнѣ мучительныя, но я искала облегченія смертельно раненному сердцу въ исполненіи материнской обязанности, и до сихъ поръ не могла ее исполнить. Одинокой и печальной вступила я въ свѣтъ, чтобы бороться за небольшую долю спокойствія для себя, за жизнь и будущее моего ребенка—напрасно...

Глаза книгопродавца, серіозные и задумчивые, были устремлены въ пространство. У него была многочисленная семья. Онъ былъ братомъ, мужемъ, отцомъ. Быть можетъ, вызванные словами Марты передъ его глазами промелькнули образы любимыхъ имъ женщинъ: молодой сестры, малютки дочери, дорогой жены. Развѣ же каждая изъ нихъ не могла

когда-нибудъ подвергнуться такой участи, какая предстала передъ нимъ въ лицѣ этой осиротѣвшей женщины, безъ крова, съ сердцемъ наболѣвшимъ и губами, сожженными лихорадкой голода и отчаянія? Вѣдь онъ же самъ говорилъ за минуту о жестокой измѣнчивости судьбы!

Взглядъ его медленно опустился на лицо Марты, онъ протянулъ ей руку.

— Успокойтесь, пани! сказалъ онъ кротко и серіозно.—Присядьте и отдохните минуту. Вы вѣрно не сочтете за неделикатность съ моей стороны, если я, желая быть вамъ полезнымъ, спрошу у васъ о нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ подробностяхъ. Брались ли вы уже, пани, за какую-нибудь другую работу кромѣ той, которая приноситъ вамъ такое жалкое вознагражденіе? Къ какому занятію чувствуете вы себя наиболѣе расположенной, наиболѣе способной? Узнавъ это, я, можетъ быть, что нибудь придумаю... найду...

Марта усѣлась. Слезы осохли на ея лицѣ, глаза приняли то выраженіе разсудительности и самосознанія, которое имъ было свойственно всякій разъ, когда молодая женщина сосредоточивала силы своей воли и ума. Надежда проникла въ ея сердце; она поняла, что осуществленіе ея зависитъ отъ разговора, который ей предстояло вести; она почувствовала себя опять смѣлой и казалась спокойной.

Разговоръ этотъ, однако же, продолжался недолго.

Марта говорила искренно, но сжато, останавливалась только на фактахъ своего прошлаго. Руководимая гордостью, которая вновь откликнулась въ ней, она мало или почти ничего не говорила объ извѣданныхъ ею чувствахъ. Книгопродавецъ превосходно понималъ ее. Его проницательный взглядъ покоился на ея лицѣ, но было видно, что въ разсказѣ молодой женщины онъ усматривалъ больше, чѣмъ ее самое и участь только ея одной.

Великая общественная загадка, можетъ быть великая несправедливость, кѣдрящаяся въ лонѣ общества, предстали уму добраго и просвѣщеннаго человѣка, тогда, когда онъ, со вниманіемъ, участіемъ и волненіемъ слушалъ исторію бѣдной женщины, не могущей, несмотря на энергію, усилія, труды, найти для себя мѣсто на землѣ.

Марта поднялась съ табурета, на которомъ просидѣла нѣсколько минутъ, и, протягивая руку книгопродавцу, сказала:

— Я разсказала вамъ, панъ, все. Я не стыдилась признаться въ разочарованіяхъ, которыя я до сихъ поръ испытывала, потому что, если обманулась въ своихъ силахъ, то намѣренія мои были честны. Я дѣлала все, что умѣла; несчастіе мое заключается въ томъ, что я мало могла, ничего не знала достаточно. Но вѣдь сдѣланные мною до сихъ поръ

опыты еще не охватили всего круга разнообразной дѣятельности человѣческой, можетъ быть тутъ найдется что нибудь и для меня. Могу ли я имѣть какую-нибудь надежду? Скажите мнѣ, панъ, искренно и безъ колебанія, прошу васъ объ этомъ, во имя того, котораго вы когда-то дарили вашей дружбой, и котораго уже нѣтъ въ живыхъ; во имя дорогихъ вамъ существъ...

Книгопродавецъ пожалъ протянутую ему руку. По минутномъ раздумьи, онъ заговорилъ:

— Такъ какъ вы приказали мнѣ быть искреннимъ, пани, то я долженъ высказать печальную истину. Вы можете имѣть только незначительную и очень шаткую надежду улучшить свою участь съ помощью труда! Вы упомянули, пани, о кругѣ человѣческой дѣятельности, но вѣдь кругъ дѣятельности общечеловѣческой и кругъ дѣятельности женской, безконечно разнящіеся между собой по размѣрамъ, два круга. Послѣдній вы почти цѣликомъ прошли, пани, въ вашихъ безплодныхъ усиліяхъ.

Марта слушала эти слова съ опущенными глазами, стоя неподвижно. Книгопродавецъ смотрѣлъ на нее полнымъ сочувствія взглядомъ.

— Я сказалъ вамъ все это, пани, для того, чтобы вы не обманывали себя слишкомъ преувеличенной надеждой и не извѣдали новаго, можетъ быть болѣе другихъ прискорбнаго разочарованія. Однако, мнѣ не хотѣлось бы, пани, чтобы вы ушли отсюда, думая, что я не могу протянуть вамъ руки помощи. Вы были, пани, въ теченіе пяти лѣтъ ежедневной спутницей жизни человѣка образованнаго, это много значитъ. Я знаю, что у васъ былъ обычай читать вмѣстѣ въ осенніе и зимніе вечера; отсюда долженъ былъ накопиться нѣкоторый запасъ свѣдѣній. Кромѣ того, позвольте вамъ заявить, пани, что ваша манера выражаться также, какъ и ваши воззрѣнія на жизнь свидѣтельствуютъ объ умѣ, который нельзя назвать зауряднымъ. Поэтому-то я полагаю, что вы можете и должны попытаться еще работать на новомъ поприщѣ...

При послѣднихъ словахъ книгопродавецъ снялъ съ полки книжку небольшихъ размѣровъ. Глаза Марты заблестѣли.

— Это новое произведеніе одного изъ французскихъ мыслителей, переводъ котораго можетъ быть полезнымъ нашей публикѣ и моимъ интересамъ. У меня было намѣреніе поручить его кому-нибудь другому, теперь, однако, я счастливъ, что онъ можетъ пригодиться женѣ нашего любимаго и незамѣнимаго пана Яна.

Говоря это книгопродавецъ завертывалъ въ бумагу голубой томикъ.

— Это произведеніе, разрабатывающее одинъ изъ текущихъ общественныхъ вопросовъ; написанное ясно, доступно, оно не должно быть

слишкомъ труднымъ для перевода. Для того же, чтобы вы знали, пани для чего вы будете работать, я могу опредѣлить, что я буду въ состояніи заплатить вамъ 400 рублей гонорара (извините за это оффиціальное выраженіе, пани). Если это занятіе окажется подходящимъ для васъ, то, можетъ быть, потомъ найдется и что-нибудь другое для перевода. Наконецъ, вѣдь я не единственный издатель и стоитъ вамъ пріобрѣсти имя хорошей переводчицы, такъ васъ пригласятъ и другіе. О нѣмецкомъ языкѣ вы говорили мнѣ, пани, что вы владѣете имъ очень плохо. Очень жалко. Переводы съ нѣмецкаго языка были бы болѣе желательными и оплачивались бы лучше. Но если вамъ, пани, удастся выполнить успѣшно одну и другую работу, то вы, можетъ быть, будете въ состояніи взять нѣсколько десятковъ уроковъ... днемъ вы будете переводить французскія сочиненія, пани, а по ночамъ совершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ... таковъ долженъ быть трудъ женщины: шагъ за шагомъ и self-help... (самопомощь)...

Марта дрожащими руками взяла подаваемую ей книжку.

— О, пане! проговорила она, сжимая въ обѣихъ ладоняхъ руку книгопродавца,—да вознаградитъ васъ Богъ счастьемъ тѣхъ, которыхъ вы любите.

Она не въ состояніи была сказать ничего больше; черезъ нѣсколько секундъ, она очутилась уже на улицѣ. Растроганно думала она о благородномъ поступкѣ съ нею книгопродавца, о привѣтливости и помощи, которую онъ ей оказалъ. Изъ этой мысли развилась другая мысль. — Боже мой, говорила молодая женщина въ душѣ, — я встрѣтила на пути своемъ столько добрыхъ людей, почему же мнѣ такъ тяжко жить? Книжка, которую она несла, жгла ей руки. Ей хотѣлось бы стрѣлой домчаться до своей коморки, чтобы перелистать страницы, которыя, можетъ быть, должны были принести ей спасенье. По дорогѣ, однако, она вошла въ маленькую лавочку обуви и купила пару крохотныхъ башмачковъ. Когда, она наконецъ, вбѣжала въ ворота высокаго каменнаго дома, стоящаго на Пивной улицѣ, она не пошла прямо по лѣстницѣ, а направилась въ глубину двора къ маленькимъ дверцамъ дворницкой. Вѣдь тамъ, подъ оплачиваемымъ Мартой надзоромъ дворничихи, Янтя ежедневно проводила долгіе часы, въ теченіи которыхъ ея мать шила въ швейной Швейцовой. Въ наружности ребенка за это время произошли еще болѣе сильныя и глубокія перемѣны, нежели въ наружности матери. Щечки Янти впали и покрылись болѣзненной желтизной; траурное, порыжѣвшее и въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорванное платье ея, висѣло мѣшкомъ на исхудаломъ тѣльцѣ; черные глаза расширились, потеряли блескъ и подвижность, а въ выраженіи ихъ проглядывала та

безмолвная, скорбная жалоба, которой отличается взглядъ дѣтей, угнетенныхъ физически и нравственно.

Увидѣвъ мать, Янтя не бросилась къ ней на шею, не защебетала, какъ это бывало прежде, не хлопнула въ крошечныя ладоши. Съ поникнувшей головкой и худыми, озябшими ручками, запрятанными подъ шерстяной платокъ, въ который она куталась, она вошла въ комнату на чердакѣ вмѣстѣ съ матерью и тотчасъ усѣлась на полъ у пустой печи, скорчившись и пригорюнясь. Марта положила книжку на столъ и вынула полѣна два изъ-за печи. Янтя слѣдила за ней своими потухшими, расширенными глазами.

— Что ты сегодня уже никуда не пойдешь, мама? откликнулась она минуту спустя голосомъ, подавленный и серьезный звукъ котораго являлся рѣзкой противоположностью крохотной дѣтской фигуркѣ.

— Нѣтъ, дитя мое! отвѣчала Марта,—я уже никуда не пойду сегодня. Завтра большой праздникъ и намъ не велѣли приходить сегодня по полудни.

Говоря это Марта положила дрова на плиту и, опустясь на колѣни, хотѣла обнять маленькую дочурочку.

Но едва она дотронулась до ея плеча, какъ изъ ротика Янти вырвалось шипѣнье боли.

— Что это у тебя? воскликнула Марта.

— У меня тутъ болитъ, мама! безъ жалобы въ голосѣ, но очень тихо отвѣчала малютка.

— У тебя болитъ! почему? давно ли? заботливо разспрашивала мать.

Янтя молчала и сидѣла неподвижно опустивъ глаза. Только блѣдныя губы ея чуточку дрожали, какъ это обыкновенно бываетъ у дѣтей, когда они стараются удержаться отъ сильнаго плача. Марту упорное молчаніе ребенка безпокоило можетъ быть болѣе, нежели обнаруженная боль. Она быстро разстегнула маленькій лифъ и спустила его съ одной руки ребенка. На худомъ бѣломъ плечѣ, поглаженномъ рукой матери, чернѣло темно-синее пятно. Марта судорожно сплела руки. Должно быть, въ головѣ ея промелькнула какая-то ужасная мысль.

— Что ты упала, или стукнулась? спросила она тихо, устремивъ глаза на темное пятно.

Янтя молчала еще съ минуту, вдругъ она подняла опущенныя вѣки и открыла глаза, остекленные слезами. Однако, она продолжала удерживаться отъ плача, крохотная грудка ея порывисто вздымалась, тонкія губки дрожали, какъ листочки.

— Мама! прошептала она минуту спустя, склоняясь къ матери,—я сидѣла сегодня тамъ, у печки... мнѣ было холодно... Антоновна несла

воду согрѣть... задѣла за мое платье, разлила воду и отъ злости ударила меня такъ сильно... сильно...

Послѣднія слова она произнесла очень тихо, прильнула головой и грудью къ груди матери и дрожала всѣмъ тѣломъ.

Марта не испустила ни крика, ни стона; лицо ея казалось съ минуту окаменѣлымъ, но поблѣднѣвшія губы сжимались все крѣпче, а въ глазахъ, пристально засмотрѣвшихся въ пространство, разгорался все болѣе яркій и мрачный блескъ.

— Ахъ! простонала она наконецъ и охватила пылающій лобъ сплетенными руками.

Въ этомъ короткомъ стонѣ прозвучали глухой гнѣвъ и безграничная скорбь. Минуты двѣ мать и ребенокъ образовали группу изъ двухъ грудей, плотно прижавшихся другъ къ другу, двухъ лицъ, изъ которыхъ одно женское съ сухими и мрачно сверкающими глазами, склонялось надъ другимъ дѣтскимъ, блѣднымъ и залитымъ слезами. Только минуту спустя Марта отняла ладони отъ лба и опустила ихъ на голову дочери. Она откидывала со лба ея спутанные волосы, отирала слезы съ худыхъ щекъ, застегивала на груди маленькій лифъ, согрѣвала въ ладоняхъ крохотныя, озябшія руки. Все это она дѣлала молча. Раза два она раскрывала ротъ, точно хотѣла что-то сказать, но ей вѣрно не хватало голоса. Наконецъ, она встала съ пола и подняла Янтю. Она посадила ее на постель и вынула изъ кармана, завернутые въ бумагу, башмачки.

На губахъ ея теперь играла улыбка, странная улыбка! Въ ней было что-то искуственное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то очень возвышенное: на ряду съ усиліемъ воли, въ ней проглядывала и любовь и мужество матери, которая собственныя страданія перерабатываетъ въ улыбки, чтобы ими осушить слезы своего ребенка...

День кончился, городскіе часы возвѣстили полночь, а въ комнатѣ на чердакѣ еще горѣла лампа; эта комната казалась теперь еще болѣе печальной, нежели тогда, когда молодая вдова первый разъ переступила черезъ ея порогъ. Въ ней не было уже ни шкафа, ни комода, ни двухъ кожаныхъ чемоданчиковъ. Первые два предмета, вмѣстѣ съ двумя новыми стульями, жилица отдала управляющему, не будучи долѣе въ состояніи платить за прокатъ ихъ, вторые продала въ сильные морозы, чтобы увеличить запасъ дровъ. Въ комнатѣ осталась только одна постель, на которой въ эту минуту, окутанная чернымъ платкомъ матери, спала Янтя,—два хромыхъ стула и одинъ столъ, окрашенный черной краской. Облитое бѣлымъ свѣтомъ лампы и обрамленное густыми черными косами лицо сидящей у стола молодой женщины, красивыми и

суровыми очертаніями вырисовывалось въ полумракѣ. Марта еще не работала, хотя всѣ матеріалы ея будущей работы: книжка, бумага, перо, лежали передъ ней. Но ею овладѣло непреодолимое, непобѣдимое желаніе помечтать—неожиданныя, блестящія перспективы открылись передъ ея глазами, она не могла оторвать отъ нихъ своего, утомленнаго мракомъ, взгляда. Она не была уже такъ преисполнена увѣренности, какъ тогда, когда она усаживалась за тотъ же самый столикъ съ карандашемъ въ рукѣ, но у нея не было достаточно силы, чтобы прислушаться къ нашептываньямъ сомнѣнья; они возникали въ ней эти нашептыванья, но она отворачивала отъ нихъ слухъ и вмѣсто этого постоянно вслушивалась въ поглощающія ея мысль слова книгопродавца.

Изъ этихъ словъ вилась длинная пряжа золотыхъ грезъ женщины, матери. Быть въ состояніи заниматься работой пріятной, хотя и трудной, возвышающей душу и соотвѣтствующей самымъ глубокимъ потребностямъ ея, какое же это наслажденіе! Заработать въ теченіи нѣсколькихъ недѣль четыреста рублей — что за богатство! Когда она уже разъ станетъ такой богатой, знатной барыней, то первое, что она сдѣлаетъ, это найметъ какую-нибудь честную, немолодую прислугу, которая бы имѣла своихъ дѣтей, или по крайней мѣрѣ ихъ любила, а слѣдовательно, могла бы присматривать за Янтей заботливо, разумно. Потомъ... (тутъ Марта спросила себя, не слишкомъ ли она смѣла въ своихъ мечтахъ?) потомъ, покинетъ, можетъ быть, эту голую, холодную, мрачную комнату, въ которой ей самой такъ грустно, а ребенку ея такъ нездорово жить, и найметъ гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь маленькой, но чистой улицѣ, двѣ комнатки теплыя, сухія, на солнцѣ... Потомъ... если она пріобрѣтетъ имя хорошей переводчицы и ее пригласятъ и сюда и туда, если эти четыреста рублей, эта громадная сумма много разъ пройдетъ черезъ ея руки, то она поищетъ учителей языковъ и рисованья, будетъ учиться, о, будетъ учиться днемъ, ночью, безъ отдыха, съ увлеченіемъ и терпѣніемъ, потому-что вѣдь таковъ долженъ быть трудъ женщины, шагъ за шагомъ собственными силами... Потомъ... Янтя начнетъ подростать. Съ какой бдительностью глазъ матери будетъ слѣдить и угадывать ея врожденныя способности, чтобы не оставить ни одной изъ нихъ не разработанной, а наоборотъ, изъ каждой выковать для будущей женщины сокровище для души, оружіе для борьбы за существованіе... Ученіе Янти, ея воспитаніе, счастье и обезпеченіе всего будущаго будутъ плодомъ труда ея матери. Съ какимъ же спокойствіемъ будетъ она смыкать тогда глаза свои, чтобы уснуть подкрѣпляющимъ сномъ, съ какимъ наслажденіемъ откроетъ ихъ, привѣтствуя новый день трудовъ и обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и спокойствія и удовлетво-

ренія. Съ какой гордостью вступитъ она тогда въ общество людей, сознавая, что она равна имъ по силамъ и человѣческому достоинству! Съ какимъ облегченнымъ и блаженно растроганнымъ сердцемъ преклонитъ колѣни на могилѣ любимаго человѣка и скажетъ вѣчно сопутствующему ея взгляду образу его:

— Я стала достойной тебя! Я не покорилась горемычной долѣ! Я избѣжала голодной смерти и нищенства! Я съумѣла охранить и воспитать для будущаго твоего и моего ребенка! Потомъ...

Тутъ глаза Марты натолкнулись на висѣвшую рядомъ съ ней на стѣнѣ картинку. Это былъ тотъ рисунокъ, отвергнутый работодателями и возвращенный ей ими. Она украсила имъ жалкую, нагую каморку, а теперь вперила въ него свѣтящіеся глаза. Маленькій сельскій домикъ, развѣсистое дерево, птичка, распѣвающая надъ сиреневымъ кустомъ, прозрачный деревенскій воздухъ и глубокая тишина благоухающихъ полей...! О Боже! еслибы она могла заработать столько, что подобный уголокъ — скромный, свѣжій, зеленый, тихій, могъ стать ея собственностью! Тогда она уже будетъ пожилой женщиной, вѣтерокъ, шелестящій вѣтвями, охладитъ ея вспотѣвшій отъ житейскихъ трудовъ лобъ, усталые глаза ея будутъ упиваться яркой, свѣжей зеленью, а птичка, распѣвавшая, когда она была въ колыбелькѣ, надъ ея головой, засыпающей вѣчнымъ сномъ, пропоетъ послѣднюю для нея пѣсню земной жизни.

Такъ мечтала бѣдная женщина. Въ эту ночь лампа на чердакѣ не потухала вплоть до разсвѣта. Марта читала книжку, которую ей поручили перевести съ иностраннаго языка. Она читала сначала медленно, потомъ съ увлеченіемъ, чуть ли не съ лихорадочнымъ интересомъ. Она поняла мысль ея творца, ясный умъ ея вникъ въ смыслъ сочиненія и этотъ смыслъ предсталъ передъ ея глазами наглядно. Понятіе ея стало, какъ бы эластическимъ кругомъ и все обширнѣе все полнѣе охватывало цѣлое; наитіе, этотъ рѣдкій и возвышенный даръ, создающій изъ человѣка полубога, поднялось изъ глубины души молодой женщины и нашептывало ей на ухо рѣшеніе неизвѣстныхъ до той поры загадокъ.

Свѣтало, когда Марта потушила лампу и схватилась за перо. Она писала и порой, отрывая глаза отъ бумаги, переносила ихъ въ другую сторону комнаты, гдѣ стояла кровать, съ спящимъ на ней ребенкомъ. При бѣломъ свѣтѣ зимняго утра Янтя казалась блѣдной и болѣзненной. Когда первый лучъ солнца проникъ въ комнату, она открыла глаза. Тогда мать встала, опустилась на колѣни у кровати и охвативъ рукой тѣльце на половину проснувшагося ребенка, склонила на подушку горячую, усталую голову.

Въ эту самую минуту въ городѣ закипѣло движеніе. Загрохотали колеса, зазвонили церковные колокола, закипѣли разговоры, смѣхъ и крики. Варшава привѣтствовала новый годъ.

* * *

Съ того дня, когда Варшава привѣтствовала новый годъ, протекло шесть недѣль. Въ первомъ часу пополудни Марта по обыкновенію покинула мастерскую, чтобы вернуться домой и приготовить обѣдъ для себя и для ребенка. Она поцѣловала Янтю, которая, печальная и пріунывшая въ тѣсной дворницкой, слегка оживлялась при видѣ матери; и, поставивъ на маленькій огонь горшокъ съ кушаньемъ, молодая женщина выдвинула ящикъ стола и вынула изъ него нѣсколько десятковъ листовъ бумаги. Это былъ уже оконченный переводъ французскаго произведенія. Надъ этимъ переводомъ она работала пять недѣль, шестую она трудилась надъ перепиской его.

Теперь она съ улыбкой на губахъ просматривала страницы, исписанныя красивымъ чистымъ почеркомъ.

Въ теченіи истекшаго времени въ ея наружности произошли перемѣны, но совершенно непохожія на предшествующія. Она работала вдвойнѣ, днемъ и ночью. Днемъ она шила въ теченіи десяти часовъ, ночью писала девять, часъ проводила въ разговорѣ съ ребенкомъ, четыре часа спала. Это былъ образъ жизни, конечно, не совсѣмъ соотвѣтствующій правиламъ гигіены, однако же полосы болѣзненной желтизны исчезли съ лица Марты, лобъ ея разгладился, глаза блестѣли прежнимъ огнемъ. Она кашляла рѣже, смотрѣла здоровой и чуть ли не свѣжей. Душа ея, успокоенная и ободренная надеждой, подкрѣпила изнемогавшее тѣло; благородное довольство самою собой, вновь выпрямило стройный станъ, вернуло ясность лбу. Приготовивъ и съѣвъ обѣдъ, состоящій изъ одного очень простого кушанья и ломтя чернаго хлѣба, Марта завернула просмотрѣнную ею за минуту рукопись въ кусокъ бѣлой тонкой бумаги. Она дѣлала это съ какимъ-то особеннымъ стараніемъ, съ отражающимся на лицѣ чувствомъ заботливости и вмѣстѣ съ тѣмъ внутренняго глубокаго наслажденія. На одной изъ высокихъ башенъ города пробило два. Марта отвела Янтю въ дворницкую и вышла въ городъ. Въ три часа она должна была находиться на своемъ обычномъ мѣстѣ въ мастерской Швейцовой, но передъ тѣмъ еще ей хотѣлось зайти въ знакомый ей книжный магазинъ.

Книгопродавецъ-издатель стоялъ по обыкновенію за конторкой, занятый списываніемъ цифръ и замѣтокъ въ большую книгу. При входѣ

Марты онъ поднялъ голову. Онъ поклонился очень привѣтливо входящей.

— Вы уже окончили свою работу, пани? сказалъ онъ, взявъ рукопись изъ рукъ Марты,—это прекрасно, я ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ. Это сочиненіе должно быть издано теперь или никогда... вопросъ текущій, жгучій, ждать нельзя... сегодня онъ интересуетъ общество, завтра оно можетъ отнестись къ нему равнодушно. Я поспѣшу просмотрѣть рукопись. Пожалуйста, придите сюда, пани, завтра въ эту же пору и я уже дамъ вамъ рѣшительный отвѣтъ.

Въ этотъ день Марта немного наработала въ мастерской Швейцовой. Она старалась выполнить какъ можно лучше то, что она все-таки считала своимъ долгомъ, но не могла. Руки у нея дрожали, минутами густой туманъ застилалъ глаза, сердце билось съ силой, спирающей дыханіе въ груди. Теперь въ эту минуту, можетъ быть, книгопродавецъ-издатель развертываетъ ея рукопись, читаетъ ее, пробѣгаетъ, можетъ быть, глазами пятую страницу... О, еслибы онъ скорѣе пробѣжалъ ее, потому что именно тамъ-то и находится тотъ отрывокъ, который труднѣе всего было понять и который потому-то и вышелъ хуже всего въ переводѣ... За то конецъ рукописи, послѣднія страницы ея переведены превосходно: писавши ихъ, Марта сама чувствовала, что ее охватываетъ неподдѣльное вдохновеніе, что мысль художника отражается въ ея словахъ, какъ величавый обликъ мудреца въ прозрачномъ зеркалѣ.,. Въ квартирѣ Швейцовой часы пробили девять, работницы разошлись, Марта вернулась въ свою коморку. Въ полночь она вообразила себѣ, что книгопродавецъ-издатель именно теперь закрываетъ исписанную ею и прочитанную имъ тетрадь. Что бы она дала за то, чтобы видѣть въ эту минуту лицо его? Смотритъ ли оно довольнымъ, или нахмуреннымъ, суровымъ, или обѣщающимъ осуществленіе ея надежды? Бѣлый день проникалъ въ комнату, когда Марта, опершись о подушку, глазами, не смыкавшимися ни на минуту всю ночь, всматривалась въ виднѣвшійся за запотѣлыми стеклами клочокъ неба. Въ глазахъ этихъ, широко раскрытыхъ, пристально смотрящихъ изъ подъ блѣднаго лба, выражалась глубокая мольба; они чуть не брызгали безмолвной, но горячей молитвой. Въ восемь часовъ она должна была по обыкновенію отправиться въ швейную, но ноги ея такъ подкашивались, голова ея такъ пылала и грудь такъ болѣла, что она опустилась на табуретъ, охватила ладонями лобъ и сказала себѣ—не могу. Вставая, расчесывая свои длинные шелковистые волосы, надѣвая траурное поношенное платье, приготовляя утренній напитокъ для ребенка и даже разговаривая съ Янтей, она постоянно думала одно;

— Приметъ ли онъ мою работу или не приметъ? умѣю ли я заниматься этимъ трудомъ или не умѣю? „Любитъ не любитъ", шептала прелестная Гретхенъ, обрывая поочередно лепестки полевой маргаритки. „Умѣю... не умѣю"...—думала бѣдная женщина, растопляя плиту двумя жалкими полѣнами, стряпая жалкое кушанье и прижимая къ груди свою блѣдную любимую малютку. Кто можетъ навѣрно рѣшить, въ которой изъ двухъ спрашивающихъ женщинъ таилась болѣе глубокая, болѣе страшная драма, которую судьба должна была жесточе сразить своимъ отвѣтомъ, которая изъ нихъ была несчастнѣе и, требуя менѣе отъ земли, болѣе жестоко обездолена?

Часу въ первомъ по полудни Марта была опять на тротуарѣ Краковскаго предмѣстья. Чѣмъ больше она приближалась къ той цѣли, къ которой стремилась, тѣмъ болѣе она замедляла шагъ. Она уже очутилась у дверей книжной лавки и не вошла еще; шагнула въ противоположномъ направленіи, оперлась рукой о перила одного изъ величавыхъ дворцовъ и стояла съ минуту, поникнувъ головой.

Только нѣсколько минутъ спустя, она переступила порогъ за которымъ ее ожидала радость или отчаяніе.

На этотъ разъ кромѣ хозяина въ книжной лавкѣ былъ немолодой мужчина въ очкахъ съ полысѣвшей головой, съ большимъ лицомъ и широкими, пухлыми щеками. Онъ сидѣлъ въ глубинѣ обширной залы надъ нѣсколькими десятками томовъ, разбросанными на большомъ столѣ, съ книжкой въ рукѣ. Марта не обратила ни малѣйшаго вниманія на незнакомаго ей человѣка, она почти не видѣла его. Всѣ силы ея души сосредоточились въ ея глазахъ, которые сейчасъ же съ порога натолкнулись на лицо книгопродавца и вперились въ него. Книгопродавецъ сидѣлъ на этотъ разъ за конторкой и читалъ газету. Передъ нимъ лежалъ свертокъ бумаги, Марта узнала свою рукопись и почувствовала дрожь, охватывающую ее съ ногъ до головы. Почему эта рукопись была тутъ и была свернута такъ, точно она должна была тотчасъ быть отдана кому-нибудь? Быть можетъ, книгопродавецъ собирается тотчасъ пойти въ печатню и потому положилъ передъ собой эту тетрадь; быть можетъ, впрочемъ, онъ не прочиталъ ее еще, у него не было времени... Во всякомъ случаѣ не для того лежитъ она тутъ, чтобы быть врученной той, которая просидѣла надъ ней нѣсколько десятковъ ночей, возлюбила ее, взлелѣяла, вложила въ нее самую дорогую свою надежду... единственную надежду! Нѣтъ, этого не могло быть! клянусь милосерднымъ Богомъ, этого не могло быть! Эти мысли снопомъ жгучихъ молній въ нѣсколько секундъ пролетѣли въ головѣ Марты.

Она подошла къ книгопродавцу, который всталъ и, озираясь на находящагося въ книжной лавкѣ немолодого мужчину, протягивалъ ей руку. Это смущеніе Марта подмѣтила, но тотчасъ приписала его присутствію свидѣтеля. Однако, этотъ послѣдній, казалось, былъ погруженъ въ чтеніе; отъ того мѣста, гдѣ стояла Марта напротивъ книгопродавца, его отдѣляло нѣсколько шаговъ.

Марта вздохнула изъ глубины груди и спросила тихо:

— Прочитали вы мою рукопись, панъ?

— Прочиталъ, пани, отвѣчалъ книгопродавецъ.

Господи!—что же можетъ означать этотъ звукъ голоса, которымъ онъ произнесъ эти два слова?

Въ пониженныхъ тонахъ его звучало, какъ бы неудовольствіе, смягченное честнымъ сожалѣніемъ.

— И какое же извѣстіе получу я отъ васъ, панъ? еще тише прежняго, проговорила женщина и съ спирающимся дыханіемъ широко открытыми глазами всматривалась въ лицо книгопродавца.

О, еслибы зрѣніе ее обманывало! Вѣдь на этомъ лицѣ виднѣлось замѣшательство, соединенное съ тѣмъ самымъ сочувствіемъ, которое звучало въ голосѣ.

— Извѣстіе, пани, началъ книгопродавецъ вполголоса и медленно, извѣстіе неблагопріятное... Мнѣ прискорбно, мнѣ очень прискорбно, что мнѣ приходится сказать это вамъ, пани... но я издатель, отвѣтственный передъ публикой, промышленникъ, вынужденный оберегать свои выгоды. Ваша работа, пани, имѣетъ много достоинствъ, но... не пригодна для печати...

Губы Марты слегка зашевелились, однако, не испустили никакого звука. Книгопродавецъ, помолчавъ съ минуту и очевидно ища мысленно словъ, соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ, заговорилъ:

— Говоря, что вашъ переводъ, пани, не лишенъ извѣстныхъ достоинствъ, я сказалъ правду; мало того, насколько я понимаю въ этомъ толкъ, я могу сказать навѣрно, что вы, пани, очевидно обладаете способностями къ литературному труду. Вашъ слогъ носитъ на себѣ довольно яркій отпечатокъ этихъ способностей, онъ сжатъ, оживленъ и мѣстами полонъ остроумія и увлеченія... но... насколько я могъ замѣтить изъ вашего труда, пани, эти безспорныя способности ваши остались въ состояньи, простите, что я такъ выражусь, пани, зародышномъ, необработанномъ, имъ недостаетъ подпоры науки, помощи, какую можетъ дать только знаніе техники писательскаго искуства. Оба языка, съ которыми вы имѣли тутъ дѣло, пани, вы знаете слишкомъ мало, что-бы быть въ состояніи овладѣть ими, какъ того требуетъ предметъ и научные

термины. Кромѣ того, вы очевидно почти не знакомы съ возвышеннымъ литературнымъ языкомъ, употребляющимъ множество выраженій, не существующихъ въ обыденной рѣчи. Отсюда частая замѣна словъ, неподходящія выраженія и путаница въ слогѣ. Однимъ словомъ, способности у васъ есть, пани, но вы учились слишкомъ мало; писательское искуство, хотя бы оно ограничивалось только переводами, требуетъ неизбѣжно извѣстной, довольно обширной сферы уже законченныхъ занятій и изученья, извѣстнаго довольно обширнаго знанія, какъ общенаучнаго, такъ и спеціально техническаго.

Высказавъ все это, книгопродавецъ умолкъ и только минуту спустя прибавилъ.

— Вотъ вся правда, которую я высказалъ съ грустью. Какъ вашъ знакомый, пани, я сожалѣю, что вы не пріобрѣли себѣ желанной возможности работать; какъ человѣку мнѣ грустно, что вы не развили достаточно вашихъ способностей. Вы безспорно обладаете способностями, пани, жаль только, очень жаль, что вы не учились больше, обширнѣе, основательнѣе...

При послѣднемъ словѣ, книгопродавецъ взялъ со стола свертокъ бумаги и подалъ его Мартѣ. Но она не протянула руки, не сдѣлала ни малѣйшаго движенія, она все еще стояла, выпрямившаяся, неподвижная, какъ бы окаменѣлая, и только на блѣдныхъ губахъ ея дрожала странная улыбка. Это была одна изъ тѣхъ улыбокъ, которыя въ милліонъ разъ печальнѣе слезъ, потому что въ нихъ проглядываетъ душа, начинающая издѣваться надъ собой и жизнью.

Слова книгопродавца, судящаго о литературномъ трудѣ Марты были почти дословнымъ повтореніемъ словъ литератора, изрекшаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ смертельный приговоръ ея рисунку. И вѣрно это-то сопоставленіе и искривило судорожной улыбкой, дрожавшія губы женщины.

— Все одно и тоже! прошептала она минуту спустя, потомъ склонила голову и проговорила громче:

— Боже мой, Боже! Боже!

Этотъ стонъ вырвался изъ ея устъ быстрый, подавленный, но пронизывающій. Итакъ, она уже нетолько плакала при свидѣтеляхъ, но и испускала стоны. Куда же дѣвалась прежняя гордость ея и мужественная сдержанность? Эти качества, свойственныя характеру Марты, улетучились отчасти въ постепенно пріобрѣтаемой привычкѣ къ непрерывно переносимымъ униженіямъ, однако, въ ней еще уцѣлѣло ихъ настолько, что по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, она была въ состояніи поднять голову, сдержать слезу подъ вѣками и взглянуть на книгопродавца

взглядомъ, даже довольно яснымъ. Взглядъ этотъ выражалъ мольбу, увы! Опять мольбу, а слѣдовательно—униженіе!

— Пане! сказала она, — вы были такъ добры ко мнѣ, а что я не могла извлечь изъ вашей доброты пользы, это уже моя вина...

Вдругъ она остановилась. Взглядъ ея сталъ стекляннымъ и заглянулъ въ глубину души.

— Моя ли? прошептала она очень тихо, тономъ вопроса.

Этотъ вопросъ она, очевидно, задавала самой себѣ; общественная загадка, одною изъ представительницъ и изъ жертвъ которой она была, сжимала ее все крѣпче въ своихъ страшныхъ объятіяхъ и заставляла заглядывать въ свое ужасное лицо. Однако, она быстро очнулась отъ невольнаго раздумья. Она подняла вновь прояснившійся взглядъ на лицо стоящаго передъ нею человѣка.

— Не могла ли бы я учиться теперь еще? Неужели нѣтъ никакого мѣста на свѣтѣ, гдѣ бы я могла чему-нибудь выучиться? Скажите мнѣ, панъ, скажите, скажите!

Книгопродавецъ былъ наполовину смущенъ, наполовину взволнованъ...

— Пани, отвѣтилъ онъ, дѣлая движеніе сожалѣнія,—я не знаю никакого такого мѣста. Вы женщина, пани.

Въ эту минуту изъ сосѣдней залы вышелъ и къ книгопродавцу подошелъ одинъ изъ приказчиковъ съ какимъ-то длиннымъ спискомъ или счетомъ въ рукѣ.

Марта взяла свою рукопись и отошла. Когда она протянула книгопродавцу на прощаніе руку, пальцы ея были холодны, какъ ледъ и оцѣпенѣли, лицо отличалось неподвижностью мрамора и только на губахъ ея продолжала дрожать мимолетная, пронизывающая улыбка, кажется, безконечно повторяющая только-что произнесенныя слова: все одно и тоже!.. Едва двери закрылись за Мартой, немолодой мужчина съ лысой головой и большимъ лицомъ бросилъ на столъ книжку, въ которую до сихъ поръ, казалось, былъ погруженъ, и разразился громкимъ смѣхомъ.

— Чему вы смѣетесь, панъ? съ удивленіемъ спросилъ книгопродавецъ, поднимая глаза изъ-за списка, поданнаго ему за минуту.

— Какъ же тутъ не смѣяться? воскликнулъ мужчина, а глаза его сверкали изъ-за толстыхъ и тусклыхъ стеколъ искренней веселостью,— какъ же тутъ не смѣяться! захотѣлось барынькѣ, сдѣлаться литераторшой, сочинительницей.

Ну, скажите пожалуйста, ха, ха, ха! но вы отправили ее съ носомъ! Мнѣ, право, хотѣлось соскочить со стула и обнять васъ за это.

Книгопродавецъ глядѣлъ на своего гостя нѣсколько суровымъ взглядомъ.

— Вѣрьте мнѣ, панъ, отвѣтилъ онъ съ оттѣнкомъ неудовольствія,—что я съ неподдѣльнымъ неудовольствіемъ, скажу съ сожалѣніемъ опечалилъ эту женщину...

— Какъ это! воскликнулъ человѣкъ, сидящій надъ грудой книгъ,—и вы не шутя говорите мнѣ это, панъ?

— Совершенно серьезно, это вдова человѣка, котораго я зналъ, любилъ и уважалъ...

— Ба! ба! ручаюсь вамъ, что это какая нибудь искательница приключеній! Порядочныя женщины не шляются по городу, ища того, чего онѣ не теряли; онѣ сидятъ дома, хозяйничаютъ, няньчаютъ дѣтей и славятъ Бога...

— Но помилуйте, пане Антоній, у этой женщины нѣтъ никакого хозяйства, она въ нуждѣ...

— Ахъ! полноте, пане Лаврентій! Удивляюсь, что вы можете быть такъ легковѣрны! Это не нужда, сударь, но честолюбіе! честолюбіе! Хотѣлось чѣмъ-нибудь блеснуть, прославиться, занять высшее мѣсто въ обществѣ и такимъ образомъ добыть себѣ свободу дѣлать, что вздумается, и прикрывать свои выходки воображаемымъ превосходствомъ, ложнымъ трудомъ.

Книготорговецъ пожалъ плечами.

— Вы, вѣдь, все-таки литераторъ, пане Антоній, и должны были бы сказать что-нибудь еще о вопросѣ женскаго воспитанія и труда...

— Женскій вопросъ! — подскакивая на стулѣ съ разгорѣвшимся вдругъ лицомъ и сверкающими глазами крикнулъ мужчина.—Знаете ли вы, панъ, что такое этотъ женскій вопросъ?

Онъ умолкъ на минуту, потому что запыхавшійся отъ сильнаго увлеченія, принужденъ былъ глубже вздохнуть. Минуту спустя, онъ прибавилъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ говорить вамъ, что я думаю объ этомъ вопросѣ. Прочтите мои статьи.

— Читалъ, читалъ и ничуть не былъ убѣжденъ ими, чтобы...

— Ну! такъ если вы не вѣрите мнѣ, прервалъ его литераторъ въ большихъ очкахъ, — вы не станете по крайней мѣрѣ пренебрегать всѣмъ тѣмъ, что объ этомъ высказываютъ авторитеты, великіе авторитеты... Вотъ недавно докторъ Бишофъ... вѣдь вы знаете, кто это Бишофъ?

— Бишофъ, сказалъ книготорговецъ, — конечно, великій ученый, но кромѣ того, что вы злоупотребляете его словами и преувеличиваете

ихъ значеніе, я не думаю, чтобы онъ могъ быть оракуломъ, обрекающимъ тысячи несчастныхъ существъ.

— Искательницъ приключеній! перебилъ опять литераторъ,—повѣрьте мнѣ, что только искательницъ приключеній, существъ честолюбивыхъ, надменныхъ и безнравственныхъ.

На что намъ, скажите пожалуйста, женщины ученыя, какъ выражаются нѣкоторые, независимыя? Красота, кротость, скромность, покорность: вотъ качества, свойственныя женщинѣ; домашнее хозяйство—вотъ сфера ея труда; любовь къ мужу — вотъ единственная подходящая и полезная для нихъ добродѣтель! Прабабки наши...

Въ эту минуту въ книжную лавку вошло двое покупателей, и разсказъ о прабабкахъ застрялъ неоконченнымъ на открытыхъ, пухлыхъ губахъ литератора. Но какія сильныя доказательства для только-что провозглашенной имъ теоріи онъ бы почерпнулъ, какъ много новаго онъ могъ бы сказать и написать о честолюбіи и зависти, заставляющихъ женщину перешагнуть границы, предначертанныя ей природой и великими авторитетами, еслибы онъ могъ въ эту минуту проникнуть мысли, идущей по улицѣ Марты!

По выходѣ изъ книжной лавки, она была сначала какъ бы оглушена и пришиблена. Она не думала ни о чемъ и не чувствовала ничего, первая сознательная мысль, зародившаяся въ ея головѣ, выразилась въ словахъ, какіе они счастливые! Первымъ чувствомъ, ясно въ ней пробуждавшимся, была—зависть.

Она шла тогда тротуаромъ, противоположнымъ тому, за которымъ возвышались широкія величавыя зданія Казиміровскаго дворца. На обширномъ дворцовомъ дворѣ толпились юноши съ оживленными лицами и въ почтенныхъ мундирахъ питомцевъ университета. Одни изъ этихъ юношей несли подъ мышкой большія книги въ простомъ переплетѣ, или безъ переплета, истрепанныя, наполовину оборванныя отъ употребленія, другіе завертывали въ бумагу эластическіе, или блестящіе стальные предметы, навѣрно научные приборы, которые они несли къ себѣ домой, что-бы съ помощью ихъ производить опыты и наблюденья. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, они наполняли дворъ гуломъ разговоровъ тихихъ и громкихъ. Они разсуждали, оживленно размахивали руками, отъ времени до времени изъ той или другой группы доносилась гамма юношескаго смѣха, или раздавалось болѣе громкое восклицаніе, изобличающее восторгъ, увлеченье молодой груди и любимый предметъ занятій пылкой головы. Черезъ нѣсколько минутъ группы разсѣялись; видно было, какъ молодые люди протягивали другъ другу руки и одни съ веселой улыбкой на губахъ, другіе въ раздумьи, третьи же, еще ведя оживленный разговоръ,

поодиночкѣ или попарно покинули университетскій дворъ и смѣшались съ толпой, заливающей широкой тротуаръ.

Марта шла очень медленно, постоянно оборачивая голову къ большому зданію, которое теперь приняло въ ея воображеніи значенье храма, имѣющаго таинственную притягательную силу. Молодые люди съ книжками подъ мышкой, съ ясными или серіозно задумчивыми лицами, казались ей существами, обладающими преимуществами, значеньемъ и счастьемъ чуть-ли не полубоговъ. Бѣдная женщина вздохнула изъ глубины груди.

— Счастливые! охъ, счастливые прошептала она, и, снова окидывая взглядомъ величественное зданіе, которое она оставила уже позади себя, прибавила:—почему тебя тамъ не было? Почему же я теперь не могу быть тамъ? Не могу—думала она далѣе—почему же не могу? Не имѣю права! Почему не имѣю права?

Какія же такія безграничныя различія существуютъ между мною и этими людьми.

Почему получаютъ они то, безъ чего жить такъ трудно, а я этого не получила и получить не могу?

Первый разъ въ жизни Марты, въ груди ея всколыхнулась волна жгучаго возмущенья глухого гнѣва, горькой зависти; въ то-же время она ощутила чувство невыразимой, гнетущей приниженности. Ей казалось, что она сдѣлала бы лучше всего, если бы въ эту минуту упала ницъ на каменныя плиты троттуара подъ ноги прохожихъ!

— Пусть бы меня топтали подумала она—я ничего больше не стою, я—безпомощное, ни къ чему неспособное, негодное существо!

Послѣднее слово этой мысли прозвучало у ней въ головѣ, когда свертокъ бумаги, который она несла, выскользнулъ изъ ея руки и упалъ къ ея ногамъ.

Падая тетрадь раскрылась, она нагнулась что-бы поднять и на одной написанной ею страницѣ увидѣла двѣ трехъ-рублевыя бумажки.

Это было подаянье сострадательнаго книгопродавца, который отвергая неудачный трудъ женщины, желалъ дать ей однако осязательное доказательство своего состраданья. Марта выпрямилась съ тетрадью въ одной рукѣ, съ шуршащими бумажками въ другой. Глаза ея въ эту минуту сверкали рѣзкимъ и пронизывающимъ огнемъ, грудь вздымалась подавленнымъ, глухимъ смѣхомъ.

— Да,—проговорила она почти вслухъ,—имъ наука и трудъ, мнѣ—милостыня...

Слова шипѣли на ея губахъ, почти стольже бѣлыхъ, какъ та бумага, которую она держала въ рукѣ.

— Хорошо, — прошептала она минуту спустя, — пусть такъ и будетъ! Почему мнѣ не дали того, чего теперь требуютъ? Почему требуютъ отъ меня того, чего мнѣ не дали! Пусть теперь даютъ деньги.. да.... деньги... даромъ... буду брать... пусть даютъ...

Быстрымъ, нервнымъ движеньемъ засунула она бумажки въ карманъ поношеннаго платья и пошатнулась. Только теперь, когда душа ея вновь была ввергнута въ страшный водоворотъ, тѣло напоминало ей, что она была голодна, что она провела нѣсколько десятковъ ночей надъ работой, которая оказалась ни на что непригодной. Она не могла идти дальше. Сквозь туманъ, застилавшій ей взглядъ, она увидѣла передъ собой ступени—это были ступени церкви Св. Креста: она опустилась на нихъ, подперла голову рукой и закрыла глаза. Вскорѣ оцѣпенѣлыя черты ея смягчились, ледъ, заморозившій чувства въ ея груди, оттаивалъ, изъ подъ опущенныхъ вѣкъ по мраморно бѣлымъ щекамъ покатились слезы, капля за каплей, крупныя, тяжелыя, падали онѣ на исхудалыя руки и исчезали въ складкахъ траурнаго платья.

Въ то время, какъ это происходило съ Мартой, по тротуару Краковскаго предмѣстья шли двое людей: женщина и мужчина. Они шли быстрой и легкой поступью, разговаривали между собой очень оживленно. Женщина была молода, нарядна и красива, мужчина также молодъ; одѣтъ изящно и очень красивъ.

— Говорите, панъ, что хотите, клянитесь, чѣмъ хотите, а я не повѣрю вамъ, что-бы вы когда-нибудь въ жизни могли быть не на шутку влюблены!

Говоря это, молодая женщина смѣялась губами и глазами, изъ за ея коралловыхъ губокъ виднѣлись два ряда бѣлыхъ, крохотныхъ зубовъ, каріе глаза блестѣли и бросали вокругъ бойкіе взгляды. Мужчина вздохнулъ это была пародія на вздохъ, заключавшая въ себѣ больше шутки, веселости, нежели смѣхъ женщины.

— Вы не вѣрите мнѣ, красавица Юльтя, однако же Богъ мнѣ свидѣтель, что я цѣлый день былъ влюбленъ не только не нашутку, но безумно, безъ памяти! За то и представьте себѣ такое божественное существо! Высокая, какъ тополь, глаза большіе, черные, кожа какъ алебастръ, волосы, что воронье крыло, густые и не фальшивые, а собственные—ужъ я въ этомъ знаю толкъ... печальная, блѣдная, несчастная... о, богиня! Но все это еще ничего, правду сказать она мнѣ сразу понравилась, однако я сказалъ своему сердцу: молчи! Потому что я зналъ, что сестра моя не на шутку привязалась къ ней, порѣшила беречь ее отъ меня, какъ отъ огня... Однако тогда, когда она пришла къ

моей сестрѣ и этимъ чуднымъ, милымъ, соловьинымъ голоскомъ своимъ сказала;—я не могу учить вашей дочери, пани...

Но я вамъ, моя красавица Юльтя, разсказывалъ уже эту исторію... вотъ тогда-то именно я влюбился въ нее не на шутку. Послѣ этого я цѣлый день ходилъ по всѣмъ улицамъ, какъ одурѣлый, ища моей богини...

— И вы не нашли ее, панъ?

— Не нашелъ....

— Не знали, гдѣ она живетъ?

— Не зналъ. Сестра моя знала, но, ба!... Всякій разъ, какъ я спрашивалъ у нея адресъ красавицы вдовушки, она всегда отвѣчала мнѣ:—отчего ты не идешь въ контору, Олесю?

Женщина фыркнула отъ смѣха.

— Ваша сестра, панъ, должно быть ужасно солидная особа, воскликнула она.

— Мужчина на этотъ разъ не засмѣялся и не вздохнулъ.

— Не станемъ говорить о моей сестрѣ, панна Юлія, сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ звучала извѣстная рѣшимость. — Лучше послушайте продолженіе моей жизненной драмы. Ахъ! это была драма... вообразите себѣ, что въ этотъ день, встрѣтивъ на улицѣ панну Мальвину я, я только поклонился ей издали, мимо двери Стенпкося я прошелъ съ поникшей головой и со вздохомъ въ груди; увидѣлъ на афишѣ „Прекрасную Елену“ и не пошелъ въ театръ, однимъ словомъ былъ погруженъ въ такое мрачное отчаяніе, что еслибы милый Боленъ не ввелъ меня на слѣдующій день въ нѣкую квартиру въ Королевской улицѣ, гдѣ я узрѣлъ прекраснѣйшую изъ земныхъ богинь...

— О! о! на половину со смѣхомъ, на половину съ кокетливымъ негодованіемъ прервала женщина,—безъ комплиментовъ только, безъ комплиментовъ...

— То я бы уже до сихъ поръ, продолжалъ мужчина,—я бы уже до сихъ поръ... нашелъ ту, которая скрылась изъ глазъ моихъ...

— И, которой вы болѣе не искали, панъ...

— Не искалъ.

— И забыли о ней...

— Не забылъ, охъ, не забылъ, но рана сердца, какъ-то зажила... Что же дѣлать? vivre cest souffrir (жить это страдать). Проговоривъ послѣднія слова, молодой человѣкъ возвелъ къ небу грустный взглядъ и сталъ тихонько насвистывать арію Калхаса изъ „Прекрасной Елены“.

Вдругъ онъ пересталъ свистать, остановился и воскликнулъ:

— Ахъ!

Женщина, идущая съ нимъ рядомъ, посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Взглядъ веселаго Олеся былъ устремленъ на одну точку, и, о чудеса! съ губъ его улетучилась вѣчная улыбка. Изящная и тонкая линія этихъ губъ, точно также, какъ и всѣ линіи юношескаго лица измѣнялись и волновались, какъ это бываетъ обыкновенно у людей впечатлительныхъ при внезапномъ потрясеніи.

— Что же тамъ такого, спросила красивая женщина слегка недовольнымъ голосомъ,—право, прибавила она кокетливо—я должна была бы обидѣться на васъ, панъ, пане Олесю! Вы идете со мной, панъ, а смотрите, не знаю на кого...

— Это она! прошепталъ Олесь:—Ахъ, какъ она хороша!

Съ минуту молодая и нарядная женщина, носившая имя Юліи. искала глазами той точки, на которой такъ упорно покоился взглядъ ея спутника. Вдругъ она слегка нагнулась и, протянувъ впередъ руки, запрятанныя въ собольей муфточкѣ, воскликнула:

— Вѣдь это Марта Свицкая.

Они находились всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ступеней церкви Св. Креста, на которыхъ сидѣла женщина въ траурномъ платьѣ, въ черномъ шерстяномъ платкѣ, накинутомъ на голову и скрещенномъ на груди.

Марта уже не плакала; со слезами, которыя за минуту порывисто, но безмолвно хлынули изъ ея глазъ, она видно выплакала долю тѣхъ жгучихъ чувствъ, буря которыхъ обезсилила ее и почти въ безпамятствѣ бросила сюда на ступени; теперь лицо ея было бѣло, какъ мраморъ, и возведено вверхъ, а глаза сухіе, съ горячимъ блескомъ и глубокимъ выраженіемъ, были пристально устремлены на голубое небо. Вся же фигура ея вообще была неподвижна. Ни малѣйшая дрожь не оживляла ни ея поднятыхъ вѣкъ, ни сжатыхъ губъ, ни озябшихъ рукъ, сложенныхъ среди грубыхъ складокъ платка. Издалека ее можно было бы принять за святую, украшающую входъ въ какой-нибудь величавый храмъ,—статую, изображающую душу, молящуюся, или вопрошающую, или же молящуюся и вопрошающую одновременно.

Марта смотрѣла на небо, въ глазахъ ея была горячая молитва, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и какой-то глубокій, страстный, чуть-ли не неотступный вопросъ.

— Какъ она хороша! тихо повторилъ веселый Олесь и, нагнувшись къ своей спутницѣ, прибавилъ еще тише: — еслибы ее перенести такъ вмѣстѣ съ этими ступенями въ театръ, на сцену... вотъ былъ бы эффектъ!

— Правда, что она хороша, отшепнула спутница веселаго Олеся,—но вѣдь я ее отлично знаю... что съ ней случилось?.. Зачѣмъ она тутъ сидитъ? и какъ одѣта? нищая она, или что?..

Обмѣниваясь этими словами, молодая пара, все болѣе приближалась къ женщинѣ, обратившей на себя ея вниманіе.

Марта не примѣтила, что она служитъ предметомъ чьего-то вниманія. Съ той поры, какъ безсильная и обуреваемая вихремъ чувствъ, она усѣлась сюда на минутный отдыхъ, можетъ быть, многіе изъ людей, проходившихъ по улицѣ, смотрѣли на нее, но она не видѣла никого. Вся душа ея устремлялась въ эту лазурь, въ которой утопали ея глаза, она искала тамъ какой-нибудь доброй и могучей силы, которая могла бы побѣдить угнетающій ее рокъ. Но вотъ надъ головой погруженной въ раздумье женщины послышались два голоса.

— Пани! говорилъ одинъ голосъ—мужской и пониженный волненіемъ, или почтеніемъ.

Марта не услышала этого голоса.

— Марта! Марта! воскликнулъ второй, женскій голосъ.

Этотъ голосъ Марта услышала, въ немъ раздавались звуки, извѣстные ей хорошо давно. Мартѣ показалось, что въ эту минуту ея прошлое окликнуло ее по имени. Медленно и какъ бы съ трудомъ глаза ея оторвались отъ высокой лазури и опустились на лицо женщины, которая стояла передъ ней, бросила свою соболью муфточку на снѣгъ къ своимъ ногамъ, а къ ней протянула обѣ крошечныя ручки, затянутыя въ лиловыя, блестящія перчатки.

— Каролина! прошептала Марта, только сначала съ удивленіемъ, однако, минуту спустя болѣе ясный лучъ промелькнулъ по ея лицу и неподвижность ея чертъ оттаяла.

— Карольтя! проговорила она громче и встала. Она схватила обѣ протянутыя ей руки женщины.—Карольтя? повторила она:—Боже мой, ты ли это въ самомъ дѣлѣ?

— Ты ли это, Марта, въ свою очередь спросила женщина въ атласѣ и въ соболяхъ, и съ минуту печально всматривалась своими блестящими глазами въ блѣдное исхудалое лицо, которое при видѣ ея дрогнуло радостію. Но видно грусть не могла долго гостить въ этихъ глазахъ.

Женщина въ атласѣ засмѣялась и, обернувшись къ своему спутнику, сказала.

— Видите ли, пане Александръ, какъ люди сталкиваются на свѣтѣ? Вѣдь мы съ Мартой знакомы съ дѣтства!

— Да, съ дѣтства! повторила Марта, теперь только примѣтивъ веселаго Олеся и привѣтствуя его поклономъ.

— По комъ ты носишь трауръ?—спрашивала женщина въ соболяхъ, окидывая быстрымъ взглядомъ жалкій нарядъ Марты.

— По мужѣ.

— По мужѣ! а, значитъ ты овдовѣла! это жалко! красивый парень былъ твой Ясь! значитъ ты вдова. Гдѣ же ты живешь постоянно: въ деревнѣ, или тутъ?

— Тутъ, въ Варшавѣ.

— Тутъ? а почему ты не вернулась въ деревню?

— Имѣніе моего отца черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моей свадьбы продали съ молотка.

— Съ молотка! да! это жаль, значитъ у тебя нѣтъ никакого состоянія, потому что этотъ славный Ясь любилъ тебя безумно и должно быть тратилъ на тебя все, что получалъ. Что же ты дѣлаешь теперь? Чѣмъ существуешь?

— Я швея.

— Тяжелая работа, засмѣялась женщина въ атласѣ,—и я отчасти извѣдала ее, но мнѣ не удалось...

— Ты, Карольтя! ты была швеей? въ свою очередь воскликнула, удивленная Марта.

Женщина въ атласѣ опять засмѣялась.

— Пыталась быть швеей, но мнѣ какъ-то не удалось! Что же дѣлать, такова была воля судьбы, на которую я вовсе не жалуюсь, однако...

И она снова засмѣялась. Такъ часто повторяющаяся улыбка ея, наполовину легкомысленная, наполовину кокетливая, казалось вытекала скорѣе изъ привычки постоянно смѣяться, нежели изъ веселости. Теперь Марта окинула взглядомъ богатый нарядъ, стоящей передъ нею женщины.

— Что ты вышла замужъ? спросила она.

Женщина опять засмѣялась.

— Нѣтъ! воскликнула она,—нѣтъ, нѣтъ! Я не вышла замужъ, моя дорогая! т.-е, какъ мнѣ сказать тебѣ это... но нѣтъ, нѣтъ! замужъ я не вышла.

Она не переставала смѣяться, говоря это, но смѣхъ ея на этотъ разъ имѣлъ уже непріятный, принужденный оттѣнокъ. Веселый Олесь, не сводившій глазъ съ Марты, при послѣднемъ вопросѣ ея взглянулъ на Каролину, покрутилъ усъ и улыбнулся.

— Что я за недогадливая такая? воскликнула женщина въ атласѣ,—своей болтовней я задерживаю васъ на холоду, господа, въ то время, какъ мы могли бы усѣсться на дрожки и тотчасъ поѣхать ко мнѣ на квартиру? Ты поѣдешь со мной, Марта? не правда ли? Мы побесѣдуемъ съ тобой долго и разскажемъ другъ другу исторію нашей жизни...

Она опять засмѣялась и бросая вокругъ быстрые, сверкающіе взгляды, прибавила:

— О, эти исторіи нашей жизни! какія онѣ забавныя? Мы разскажемъ ихъ другъ другу, Марта, неправда ли?

Марта, казалось, колебалась съ минуту.

— Не могу, сказала она,—моя дочурка ожидаетъ меня.

— А! у тебя есть ребенокъ! такъ, что-же изъ этого? дѣвочка подождетъ еще чуточку.

— Не могу...

— Ну, такъ приди ко мнѣ черезъ часъ... согласна? Я живу въ Королевской улицѣ...

Она назвала номеръ дома, сжимая въ своихъ ладоняхъ руку Марты.

— Приходи! приходи! повторяла она,—я тебя буду ждать... Мы вспомнимъ прошлыя времена.

Прошлыя времена имѣютъ всегда великую прелесть для тѣхъ, кому настоящее не принесло ничего кромѣ слезъ и скорби.

Марта чувствовала себя ободренной и оживленной неожиданной встрѣчей съ подругой ея юности.

— Черезъ часъ, сказала она,—я приду къ тебѣ, Карольтя.

Если бы кто-нибудь обратилъ тогда пристальное вниманіе на группу изъ этихъ трехъ лицъ, стоящихъ на троттуарѣ, то онъ могъ бы подмѣтить, что когда Марта произнесла слово „приду", Олесь чувствовалъ чуть-ли не неудержимое желаніе подпрыгнуть высоко и воскликнуть: „Victoria!" (Побѣда!) Однако, онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого; онъ только слегка откинулся назадъ и щелкнулъ пальцами. Его черные глаза горѣли, какъ раскаленные угли, и утопали въ блѣдномъ лицѣ Марты, прояснившемся въ эту минуту улыбкой.

Наконецъ, когда молодая женщина ушла, вѣчно смѣющійся человѣкъ обратился къ своей спутницѣ.

— Во всю свою жизнь, воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ,—я не видалъ такого милаго, привлекательнаго созданія! Какъ ей къ лицу этотъ противный платокъ, который она носитъ на головѣ! О, я-бы ее нарядилъ въ атласъ въ бархатъ, въ золото.

Пани Каролина вдругъ подняла голову и взглянула въ разгорѣвшееся лицо молодого человѣка.

— Правда? спросила она протяжнымъ голосомъ.

— Правда! отвѣтилъ Олесь и въ свою очередь многозначительно заглянулъ въ глаза своей спутницѣ.

Женщина въ атласѣ засмѣялась отрывистымъ, сухимъ смѣхомъ.

* * *

Зимній день близился къ концу. Въ гостинной, окна которой выходили на Королевскую улицу, въ изящномъ каминѣ, окруженнымъ желѣзной, искусно вырѣзанной рѣшеткой, горѣли угли въ такомъ количествѣ, чтобы не утомляя излишнимъ жаромъ, они могли только разливать вокругъ пріятную теплоту.

Передъ каминомъ стояла кушетка, обитая малиновымъ штофомъ и низкая качалка, на которую былъ накинутъ яркій и цвѣтистый коверъ, съ подножкой, а на этой подножкѣ была вышита шерстями прелестная, длинноухая гончая собака.

На кушеткѣ полулежала стройная женщина въ черномъ платьѣ съ широкой, бѣлой тесьмой на подолѣ.

На креслѣ, опираясь крохотными и изящно обутыми ножками о подножку, легко качалась другая женщина въ модномъ платьѣ изъ фіялковаго атласа, роскошно отдѣланномъ бархатомъ и бахромой того же цвѣта, въ бѣломъ какъ снѣгъ гипюровомъ воротничкѣ, застегнутомъ большой, оправленной въ золото камеей, съ свѣтлорусыми волосами, высоко зачесанными, присыпанными едва замѣтнымъ слоемъ пудры и длинными, вьющимися прядями, ниспадающими на плечи, грудь, шею и крошечныя бѣлыя руки, высовывающіяся изъ гипюровыхъ манжетъ, сложенныя на атласномъ тюникѣ платья и сверкающія крупнымъ брилліантомъ единственнаго, но дорогого кольца.

Гостинная, въ которой находились эти двѣ женщины, была не велики, поэтому изящество ея обстановки бросалось еще больше въ глаза; шелковыя занавѣси спускались надъ двумя большими окнами и украшали высокія двери, въ широкомъ зеркалѣ отражались группы низенькой мебели, стоявшей у стѣнъ, на каминѣ красовались большіе бронзовые часы, а на столахъ и столикахъ стояли хрустальныя чаши, наполненныя цвѣтами, серебряные колокольчики, рѣзныя бомбоньерки, канделябры, изъ раскрытыхъ настежъ дверей, виднѣлась погруженная въ полумракъ, сосѣдняя комната, съ полированнымъ круглымъ столомъ посрединѣ и висящимъ надъ нимъ большимъ стеклояннымъ шаромъ,

зажженный въ которомъ огонь долженъ былъ принимать розовый оттѣнокъ. Тонкое благоуханіе оранжерейныхъ растеній, цвѣтущихъ у оконъ, наполняло эту небольшую квартирку; поблизости отъ камина, заслоненнаго зеленымъ экраномъ, стоялъ столъ съ фарфоровымъ сервизомъ и остатками, видно, только-что съѣденныхъ лакомствъ.

Сидящія у камина женщины молчали. Лица ихъ, освѣщенныя розовымъ отблескомъ пламени, имѣли совершенно различный характеръ.

Марта склоняла голову на подушку мягкой кушетки, глаза ея были полузакрыты, руки безпомощно свѣшивались на черномъ платьѣ. Первый разъ послѣ многихъ мѣсяцевъ, она насытилась вкусной и обильной пищей, очутилась въ атмосферѣ достаточно нагрѣтой, была окружена предметами красивыми и гармонически подобранными. Теплота комнаты и тонкое благоуханіе цвѣтовъ опьянили ее какъ вино. Только теперь она почувствовала, какъ она была утомлена, сколько силъ отняли у нея холодъ, голодъ, печаль, тревога и борьба.

Полулежа на мягкой мебели, охваченная волной тепла, согрѣвающей ея долго зябнувшіе члены, она дышала медленно и глубоко. Глядя на нее, можно было бы подумать, что она подавила въ себѣ всякую мысль, отогнала отъ себя мучительные призраки тревоги и скорби, и удивленная тишиной, благоуханіемъ, теплотой и красотой того невѣдомаго рая, въ который она вступила, отдыхала передъ тѣмъ, чтобы опять спуститься въ мрачную бездну своей доли...

Каролина широко открытыми, внимательными, проницательными глазами, смотрѣла на свою подругу. На бѣлыхъ щекахъ ея игралъ свѣжій румянецъ, губы обладали цвѣтомъ коралла, а темные глаза — молодымъ и живымъ блескомъ. Однако, полной свѣжести не было въ этой женщинѣ. Въ ней все было молодо и, на видъ по крайней мѣрѣ, безоблачно, кромѣ лба. На этомъ лбѣ, глазъ, привыкшій читать на человѣческихъ лицахъ, могъ бы подмѣтить слѣды длинной и еще неоконченной исторіи жизни сердца, а можетъ быть и совѣсти. На ряду съ лицомъ молодымъ, свѣжимъ, красивымъ, этотъ лобъ одинъ былъ увядшимъ и наполовину состарѣвшимся, поперекъ его пробѣгали едва замѣтныя, но густыя нити морщинъ; между темными бровями на немъ лежала неподвижная борозда, которая навѣрно навсегда уже прорѣзалась тамъ. Несмотря на свѣжесть щекъ, алый цвѣтъ губъ, блескъ глазъ и богатство наряда этой женщины, выраженіе ея лба могло бы возбудить въ внимательномъ и смышленномъ изслѣдователѣ лицъ человѣческихъ три чувства: недовѣріе, любопытство и состраданіе.

Между этими двумя женщинами уже нѣсколько минутъ царило молчаніе. Марта первая прервала его. Она подняла голову съ подушки,

на которую опиралась за минуту и, устремивъ взглядъ на подругу, сказала:

— Твой разсказъ, Карольтя чрезвычайно удивилъ меня. Кто же могъ бы предположить, что пани Герминія поступитъ съ тобой когда-нибудь такъ жестоко! Она, которая все-таки тебя воспитала, близкая родственница твоя, вѣроятно...

Каролина оперлась спиной о выгнутую спинку кресла, и, крѣпче прижавъ крохотной ножкой собачку, вышитую на подножкѣ, начала быстрѣе раскачиваться въ своемъ изящномъ креслѣ. Съ легкой улыбкой на губахъ и глазами, устремленными въ потолокъ, она заговорила:

— Близкой родственницей пани Германія мнѣ не была, наоборотъ, довольно дальней, но я носила по отцу одну фамилію съ нею. Этого было достаточно для гордой, богатой барыни, чтобы она соблаговолила воспитать сироту въ своемъ домѣ и сдѣлать изъ нея потомъ приживалку или компаньонку. Она оказала мнѣ дѣйствительно большое благодѣяніе, потому-что до конца жизни и чтобы ни было потомъ я могу хвалиться тѣмъ, что воспитывалась вмѣстѣ съ собачками, любимицами извѣстной въ великосвѣтскомъ обществѣ пани Герминіи. Наше воспитаніе и образъ нашей жизни, т.-е. моей и собачекъ, были совершенно схожи: я и онѣ, спали на мягкихъ подушкахъ, бѣгали по натертымъ воскомъ поламъ, кушали отборныя лакомства, и между нами существовало всегда и подъ конецъ проявилось только то различіе, что онѣ носили шелковые салопчики и золотые ошейники, я же шелковыя платья и золотые браслеты, что онѣ наконецъ, остались въ раю, меня же изгналъ изъ него мстительный ангелъ материнской гордости...

При послѣднихъ словахъ, женщина въ фіялковомъ платьѣ засмѣялась отрывистымъ, сухимъ смѣхомъ, звукъ котораго, противорѣча всей ея свѣжей наружности, согласовался съ увядшимъ лбомъ и подобно ему могъ возбудить къ ней недовѣріе или состраданіе. Марта должно быть ощутила послѣднее чувство.

— Бѣдная Каролина! сколько же ты должна была выстрадать, очутясь на свѣтѣ такъ одна одинешенька безъ всякихъ средствъ къ жизни...

— Прибавь къ этому, моя дорогая, воскликнула Каролина, продолжая смотрѣть въ потолокъ,—прибавь къ этому, что я очутилась на свѣтѣ съ несчастной любовью въ сердцѣ...

— Да, прибавила она, выпрямившись и устремивъ взглядъ на подругу, — вѣдь ты знаешь, что я дѣйствительно любила, любила сына Герминіи, этого пана Эдуарда, который (ты навѣрно его помнишь) распѣвалъ такъ нѣжно: „О, ангелъ, который съ этой земли!“ и у кото-

раго были голубые глаза, заглядывающіе, кажется, въ самую глубину души... да, я его очень любила... была такъ безразсудна, что любила...

Она говорила все это шутливымъ тономъ, при последнихъ словахъ она разразилась громкой, длинной, звучной гаммой смѣха.

— Да, воскликнула она, смѣясь, — я была такъ безразсудна... любила!.. О, какъ же безразсудна я была!..

— А онъ? съ грустью спросила Марта, — любилъ ли онъ тебя также искренно? Что онъ сдѣлалъ, когда его мать велѣла тебѣ оставить ея домъ и обрекла тебя на бѣдность и скитальчество?..

— Онъ! съ преувеличеннымъ паѳосомъ проговорила Каролина, — онъ смотрѣлъ на меня цѣлый годъ своими сапфировыми глазами такъ, точно онъ желалъ пробраться въ глубину моей души и завоевать ее своимъ взглядомъ, и распѣвалъ подъ фортепіано пѣсни, отъ которыхъ у меня таяло сердце, сжималъ мнѣ руку въ танцахъ, потомъ уже цѣловалъ обѣ мои руки и клялся небомъ и землею, что онъ будетъ любить меня до гроба, потомъ писалъ мнѣ изъ комнаты въ комнату пылкія и страстныя письма, потомъ... когда его мать, случайно прочитавъ одно изъ этихъ писемъ, приказала мнѣ идти куда глаза глядятъ, уѣхалъ на масляницу въ Варшаву. Встрѣтивъ мена на улицѣ, а я была тогда голодна, въ отчаяньи, одѣта чуть ли не въ лохмотьяхъ, онъ покраснѣлъ, какъ піонъ, опустилъ глаза, прошелъ мимо, какъ бы не узнавъ, а нѣсколько дней спустя, въ костелѣ Сестеръ Визитокъ, клялся передъ алтаремъ въ вѣчной вѣрности и любви красивой и богатой помѣщицѣ... Вотъ какъ онъ меня любилъ и вотъ что онъ сдѣлалъ для меня...

И она опять засмѣялась, но на этотъ разъ отрывисто и сухо.

— Негодяй! тихо проговорила Марта.

Каролина пожала плечами.

— Преувеличиваешь, моя дорогая, проговорила она вполнѣ равнодушно.— Негодяй! почему? потому ли, что онъ воспользовался правомъ, которое, какъ ему было извѣстно, принадлежитъ и будетъ принадлежать на свѣтѣ ему и всѣмъ товарищамъ его? Потому ли негодяй, что предметомъ забавы онъ избралъ молодую и бѣдную дѣвушку, такую глупую, что она повѣрила, что является для него предметомъ любви? Ничуть не бывало, моя дорогая. Панъ Эдуардъ, конечно, не былъ ни святымъ, ни особеннымъ какимъ-нибудь героемъ, но онъ не былъ также, какъ ты выразилась, негодяемъ. У него были свои крупныя достоинства, увѣряю тебя, и онъ дѣлалъ только то, что общество вполнѣ дозволяло ему, пользовался дарованнымъ ему правомъ, былъ такимъ, какими являются всѣ молодые, ба! часто и немолодые мужчины.

Она говорила это вполнѣ серьезно, безъ малѣйшаго оттѣнка шутки или насмѣшки, голосомъ вполнѣ убѣжденнымъ; потомъ она скрестила руки на груди и, не спуская взгляда съ потолка, начала тихо напѣвать пѣсенку изъ „Десяти невѣстъ". Марта уставила на нее изумленные глаза.

Минуту спустя женщина въ атласѣ перестала напѣвать, полулежащую позу смѣнила на сидящую и, опираясь локтемъ о колѣни и подперевъ лицо ладонью, слегка нагнулась къ своей подругѣ.

Вѣдь, наконецъ, заговорила она прежнимъ разсудительнымъ тономъ,— въ сужденіяхъ о людяхъ все-таки слѣдуетъ принимать въ соображеніе ихъ привычки и ту точку зрѣнія, съ которой они смотрятъ на жизнь и ея отношенія. Если бы и цвѣта бѣлый и черный обладали способностями думать, чувствовать, то первый, привыкнувъ къ превосходству, которое люди непрерывно признаютъ за нимъ надъ вторымъ, могъ бы отлично вообразить себѣ, что черный цвѣтъ былъ созданъ только для того, чтобы доставлять всякаго рода удовольствія, развлеченія и забавы бѣлому. Самое важное въ человѣческихъ отношеніяхъ, моя дорогая, это различія, существующія между людьми; между мною же и паномъ Эдуардомъ существовали громадныя различія...

— Конечно, прервала съ живостью Марта, онъ былъ человѣкъ богатый, а ты бѣдная дѣвушка, но развѣ же богатство даетъ право помыкать тѣми, которые не обладаютъ имъ.?

— Отчасти, отвѣтила Каролина.—Не о богатствѣ, однако, и бѣдности я думала, говоря о различіяхъ, потому-что, вѣдь, если бы я была не бѣдной женщиной, но бѣднымъ мужчиной, панъ Эдуардъ, у котораго, повторяю, много хорошихъ свойствъ характера, не подумалъ бы даже обидѣть меня или поступить со мной недобросовѣстно. Мужчина богатый и вмѣстѣ съ тѣмъ честный, не поступаетъ недобросовѣстно и не обижаетъ бѣднаго мужчины, если же онъ поступитъ такъ, то это набрасываетъ пятно на него, подвергаетъ его бичеванію общественнаго мнѣнія. Но я не была мужчиной, а была женщиной; оскорбленіе же, недобросовѣстный поступокъ съ женщиной въ такихъ обстоятельствахъ, какъ это случилось между мной и паномъ Эдуардомъ, дѣло совершенно другое, нежели обида и недобросовѣстный поступокъ съ мужчиной. Ça, ne tire pas à consequence (это не влечетъ за собой послѣдствій), наоборотъ, это приноситъ славу, называется удачей, молодечествомъ, дѣлаетъ молодого человѣка интереснымъ, придаетъ ему извѣстную очаровательность. „Молодецъ парень этотъ Едзё"! „Что за чертовскій сердцеѣдъ"! „Въ сорочкѣ родился"! „Имѣетъ успѣхъ у женщинъ"! „Ему дѣвушкѣ голову вскружить, что орѣхъ раскусить" и т. д. и т. д. Каждый

человѣкъ, моя дорогая, необычайно любитъ, когда его хвалятъ. а порицанія боится какъ огня. Множество людей не дѣлаютъ зла изъ опасенія порицанія, и дѣлаютъ добро изъ жажды похвалы. Панъ Эдуардъ чувствовалъ ко мнѣ влеченіе, не удивительно: мнѣ было восемнадцать лѣтъ и я была красива; онъ далъ поблажку этому влеченію, что ему было конечно пріятно—тоже неудивительно, онъ хорошо зналъ съ дѣтства, что такая поблажка его неотъемлемое право, что если онъ не воспользуется имъ, то въ свѣтѣ его прозовутъ нюней и рохлей, если же воспользуется, то его признаютъ молодцомъ и интереснымъ юношей. Онъ сдѣлалъ то, что на его мѣстѣ сдѣлалъ-бы каждый; поэтому я вовсе не сѣтую на него, и, наоборотъ, благодарна ему... онъ меня вытолкнулъ въ свѣтъ, научилъ меня жизни и великимъ истинамъ ея...

Она протянула руку, взяла со стоящаго на столѣ хрустальнаго блюдечка розовую конфетку и, грызя ее бѣлыми зубками, снова прижала крѣпче крохотной ножкой вышитую шерстями гончую. Полозья задвигались быстрѣе и женщина, лежащая въ длинномъ креслѣ, начала качаться, глаза ея медленнымъ взглядомъ, окидывающимъ окружающіе предметы, походили въ эту минуту на крупный алмазъ, сверкающій у ней на пальцѣ при отблескѣ огня, яркія, радужныя краски мелькали въ нихъ, какъ въ отполированныхъ морозомъ ледяныхъ кристаллахъ.

Но глаза Марты, всматривающіеся въ лицо прежней подруги дѣтства и юности, выражали глубокое раздумье, соединенное съ жгучей тревогой.

— Толкнулъ тебя въ свѣтъ, говоришь ты,—произнесла она минуту спустя медленно и понизивъ голосъ:—что же это за благодѣяніе? Этотъ свѣтъ для бѣдной женщины является такимъ страннымъ... Научилъ тебя истинамъ жизни? Тѣмъ ли, которыя показываютъ существу всетаки же человѣческому, бездонныя пропасти, раздѣляющія однихъ людей отъ другихъ. Это ужасныя истины! ихъ не создалъ Богъ, но выработали люди.

— А намъ какое дѣло до этого? воскликнула Каролина съ своимъ сухимъ отрывистымъ смѣхомъ.—Богъ ли ихъ создалъ, люди ли ихъ выработали, достаточно, что онѣ существуютъ эти истины, говорящія мужчинѣ: ты будешь учиться, работать, пріобрѣтать и наслаждаться! женщинѣ: ты будешь игрушкой и служить забавой мужчинѣ? Божественныя или человѣческія, намъ надо знать эти истины, чтобы не терзать своихъ сердецъ напрасною ловлею недающихъ себя уловить солнечныхъ лучей, чтобы отказаться отъ того, что не для насъ существуетъ на свѣтѣ, и въ погонѣ за добродѣтелью, любовью, уваженіемъ людскимъ и тому подобными прекрасными вещами не умереть съ голоду.

— Да, едва слышнымъ голосомъ проговорила Марта: не умереть съ голоду,—вотъ величайшее благо, о которомъ дозволено мечтать, котораго можетъ достигнуть бѣдная женщина!

— Правда? протяжнымъ тономъ спросила Каролина, и, указывая именно тѣмъ пальцемъ, на которомъ сверкалъ алмазъ, на окружающіе ее предметы, прибавила.

— Однако же... взгляни, обернись...

Марта не обернулась, она только открыла ротъ, точно желая задать своей подругѣ какой-то вопросъ, однако быстро удержалась. Обѣ женщины довольно долго молчали. Каролина продолжала качаться, грызла конфету за конфетой и не отрывала взгляда отъ лица Марты, которая, погруженная въ раздумье, сидѣла подперши високъ рукой и опустивъ глаза.

— Знаешь ли, Марта, прервала молчаніе женщина въ атласѣ, что ты дѣйствительно хороша. Что за великолѣпный ростъ! Ты должна быть по крайней мѣрѣ на полъ-головы выше меня. Бѣдность до сихъ поръ вовсе не обезобразила тебя, хотя розовый отблескъ пламени, который въ эту минуту падаетъ на твое лицо и походитъ на нѣжный румянецъ, очень усиливаетъ твою красоту и прелестенъ при этихъ черныхъ, какъ воронье крыло, густыхъ волосахъ! Чтожъ бы это было, если бы вмѣсто этого безобразнаго шерстяного, порыжѣвшаго платья, ты бы надѣла нарядъ яркаго цвѣта и изящнаго покроя, вмѣсто этого полотняннаго воротничка, ты окружила бы свою шею прозрачнымъ кружевомъ, если бы ты подняла немного повыше твои косы и украсила ихъ пунцовой розой, или золотыми булавками. Ты была бы очаровательна, моя дорогая, и стоило бы тебѣ только раза два показаться въ ложѣ перваго яруса на представленіи какой-нибудь модной комедіи, что бы молодежь всей Варшавы спросила единогласно: Кто она? Гдѣ живетъ? Позволитъ ли она, чтобы мы повергли дань къ ея ногамъ.

— Каролина! Каролина! прервала Марта, выпрямляясь и глядя на подругу недоумѣвающимъ взглядомъ,—зачѣмъ ты говоришь все это? Какую же связь могутъ имѣть твои слова съ положеніемъ, въ которомъ я нахожусь, со скорбію вдовы, съ тревогой матери? На что мнѣ красота! Къ чему мнѣ роскошные наряды.

— На что? На что? О! о! о!

Эти восклицанія улетѣли въ пространство вмѣстѣ съ отрывочными звуками короткой, сухой гаммы смѣха и вмѣстѣ съ ней умолкли.

Обѣ женщины опять молчали дольше прежняго.

— Марта, сколько тебѣ лѣтъ?

— Недавно пошелъ двадцать пятый.

— А мнѣ двадцать четвертый. Значитъ, я годомъ моложе тебя, насколько же я опытнѣе тебя! Насколько я зашла далѣе тебя въ жизни, бѣдная жертва мечтаній и заблужденій!

Онѣ опять молчали съ минуту. Марта съ выраженіемъ рѣшимости на лицѣ подняла голову.

— Да, Каролина, я вижу сама, что ты должно быть опытнѣе меня, что зашла далѣе въ жизни. Ты обладаешь достаткомъ, конечно спокойна за свое завтра; если бы у тебя, какъ у меня былъ маленькій ребенокъ, то тебѣ не пришлось бы отдавать его на помыканіе людямъ, ни смотрѣть, какъ онъ у тебя на глазахъ слабѣетъ, блѣднѣетъ, исчезаетъ... Я знаю тебя такъ давно, какъ только могу припомнить, мы вмѣстѣ были дѣтьми и молодыми дѣвушками, мы любили другъ друга... Однако же я до сихъ поръ не смѣла спросить тебя, откуда у тебя взялся тотъ достатокъ, который тебя окружаетъ? Какимъ образомъ удалось тебѣ выбиться изъ бѣдности, изъ нужды, о которой ты мнѣ упоминала въ твоемъ разговорѣ? Я не смѣла спросить тебя объ этомъ потому, что ты избѣгала моихъ вопросовъ; но, прости меня, Каролина, это нехорошо съ твоей стороны... прежней подругѣ твоихъ дѣтскихъ игръ, недавней повѣренной твоихъ юныхъ грезъ, ты обязана сказать, какъ ты поборола этотъ рокъ, который неотступно слѣдуетъ по пятамъ и клонитъ головы бѣдныхъ женщинъ... это можетъ быть прольетъ и на мой путь какой-нибудь свѣтъ...

— О, это прольетъ, несомнѣнно прольетъ на твой путь очень ясный, ярко освѣщающій свѣтъ, проговорила женщина съ распущенными русыми волосами; глаза ея снова походили на два обломка холоднаго кристалла, въ которыхъ отражаются радужныя краски, на крошечномъ ротикѣ заиграла мимолетная улыбка, но голосъ звучалъ увѣренно и спокойно.

— Марта продолжала:

— Когда я впервые очутилась одна одинешенька на свѣтѣ и мнѣ пришлось бороться за существованіе свое и ребенка, мнѣ сказали, что женщина только тогда можетъ выйти побѣдительницей изъ такой борьбы, когда она обладаетъ въ совершенствѣ какимъ-нибудь знаніемъ, неподдѣльнымъ и выработаннымъ талантомъ... обладала ли ты какимъ-нибудь знаніемъ, Каролина?

— Нѣтъ, Марта, не обладала никакимъ. Я умѣла только танцовать, занимать гостей и хорошо одѣваться.

— Я никогда не слыхала, чтобы у тебя былъ какой-нибудь талантъ... Можетъ быть у тебя были богатые родственники, которые дали тебѣ состояніе?

— У меня были богатые родные, но они не дали мнѣ ничего.

— А слѣдовательно—начала Марта...

— А слѣдовательно—прервала женщина въ атласѣ и вдругъ поднялась съ своей качалки. Вышитая шерстями собачка порывисто заколыхалась, полозья качалки со стукомъ ударились о полъ. Она же стояла, выпрямившись передъ кушеткой, на которой сидѣла Марта.

— Я была красива, проговорила она, и... и поняла какое положеніе въ свѣтѣ является единственно возможнымъ для меня.

— Ахъ!—шопотомъ воскликнула Марта и сдѣлала такое движеніе, точно она хотѣла соскочить съ мѣста, но стоящая передъ ней женщина приковала ее къ мѣсту силой своего взгляда. Она стояла съ неподвижнымъ станомъ и лицомъ, русые волосы ея и гибкій станъ были озарены розовымъ отблескомъ пламени. Она слегка подняла брови и глядѣла въ лицо Марты глубоко и упорно глазами, въ которыхъ теперь горѣлъ мрачный огонь.

— Что же?—начала она спустя минуту,—ты испугалась, наивное созданіе?—ты хочешь бѣжать.—Хорошо, ступай съ Богомъ!—ты имѣешь полное право поднять съ земли пригоршню грязи и швырнуть ее мнѣ въ лицо,—кто же можетъ отказать тебѣ сегодня въ этомъ правѣ?—сегодня ты еще обладаешь имъ...

Марта заслонила глаза рукой.

— Ты заслоняешь глаза, не хочешь смотрѣть на меня, ты спрашиваешь себя мысленно: дѣйствительно ли я та невинная, наивная, идеальная Каролина, которая бѣгала съ тобой по цвѣтущей лужайкѣ твоего отца и порхала въ вихрѣ вальса по вылощеннымъ воскомъ поламъ въ домѣ пани Герминіи, страстно любила бѣлыя розы и запахъ ландышей, а въ сіяніи лунныхъ лучей видѣла сапфировые глаза пана Эдуарда?.. О, это я, я сама... но если мой видъ тебя слишкомъ оскорбляетъ, можешь не смотрѣть на меня... послушай только. Она сдѣлала два шага и усѣлась на кушеткѣ рядомъ съ Мартой.

— Послушай, повторила она! — Спрашивала ли ты себя когда-нибудь и отдала ли ты себѣ когда-нибудь ясный отчетъ въ томъ, что такое женщина на свѣтѣ? Ну вотъ я тебѣ скажу: не знаю уже, какъ тамъ по законамъ Божескимъ, о которыхъ ты говорила минуту тому назадъ, но по законамъ и обычаямъ людскимъ — женщина не человѣкъ, женщина—это вещь. Не отворачивайся отъ меня. Я говорю истину, можетъ быть относительную, но истину. Если ты хочешь видѣть людей, взгляни на мужчинъ. Каждый изъ нихъ живетъ на свѣтѣ самъ по себѣ, не нуждается въ томъ, чтобы къ нему присоединили какую-нибудь цифру для того, чтобы перестать быть нулемъ; женщина нуль, если рядомъ съ

ней не станетъ мужчина въ качествѣ дополнительной цифры. Женщинѣ даютъ блестящую оправу для того, чтобы подобно искусно отполированному алмазу въ лавкѣ ювелира, она привлекала къ себѣ взоры возможно большаго числа покупателей. Если она не найдетъ на себя покупателя или, найдя, потеряетъ его, то она покрывается ржавчиной вѣчной скорби, пятнами безпомощной нужды, снова превращается въ ноль, но въ ноль исхудалый отъ голода, дрожащій отъ холода и распадающійся въ лохмотья, въ тщетныхъ усиліяхъ выбиться и приподняться. Припомни всѣхъ старыхъ, покинутыхъ или овдовѣвшихъ женщинъ, которыхъ ты знала въ своей жизни, взгляни на своихъ товарокъ въ мастерской Швейцовой, взгляни на самое себя... Что вы всѣ значите на свѣтѣ? какія у васъ надежды? какая возможность представляется вамъ выбиться изъ болота и итти туда, куда стремятся люди. Вы растенія, стебли котораго, вскормленные въ теплицахъ, не имѣютъ силы сопротивляться вѣтрамъ и бурямъ, и, вѣроятно, такъ должно быть, если поэты и ученые прозвали женщину „прекраснѣйшимъ изъ цвѣтовъ мірозданія“. Женщина—это цвѣтокъ; женщина, это ноль, женщина, это предметъ, не надѣленный силой самостоятельнаго движенія. Для нея нѣтъ ни счастія, ни хлѣба безъ мужчины; женщина непремѣнно должна прицѣпиться, какимъ бы то ни было способомъ прицѣпиться къ мужчинѣ, если хочетъ жить. Иначе она идетъ въ мастерскую Швейцовой и медленно умираетъ. А какъ она поступитъ тогда, если ею овладѣетъ страстное желаніе жизни? Угадай! угадываешь? хорошо! прикрой же себѣ глаза и второй рукой, чтобы не видѣть уже и края моего платья, но выслушай меня дальше...

— Я была молода, красива, пріучена къ роскоши и праздности, Когда меня выгнали изъ дома богатыхъ родственниковъ, все мое имущество состояло изъ двухъ-трехъ платьевъ, золотого браслета отъ матери и того колечка съ голубой эмалью, которое ты мнѣ подарила, Марта, въ день твоей свадьбы. Я продала браслетъ и колечко. Я думала, что мнѣ этого хватитъ до тѣхъ поръ, пока я не найду себѣ заработка. Я вообразила себѣ, что я человѣкъ и изъ-за этой глупой ошибки терпѣла въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ адскія муки; я терпѣла бы ихъ, можетъ быть, еще дольше, если бы, къ счастію, не встрѣтила пана Эдуарда на тротуарѣ Новаго Свѣта. Я еще любила его. Когда онъ прошелъ мимо меня не поздоровавшись, я убѣдилась окончательно въ томъ, что я вещь, которую дозволяется брать и швырять по произволу. Развѣ же кто-нибудь поступилъ бы такъ съ человѣкомъ, какъ поступилъ со мною тотъ, о комъ я мечтала въ дни спокойствія, черты котораго я вызывала въ своей памяти въ часы голода и мученій? Съ той минуты, какъ я потеряла вѣру въ свою человѣчность, окончились мои

страданія. Ты можетъ быть слышала о молодомъ панѣ Виталисѣ, у котораго старая жена, большія помѣстья подъ Варшавою и роскошный домъ въ Варшавѣ. Онъ часто заходилъ въ лавку въ Птичьей улицѣ, въ которой я замѣняла хозяйку, продавая свѣчи и мыло, получая отъ нея взамѣнъ сѣнникъ, постланный ночью въ углу дѣтской, тарелку каши и стаканъ молока. Правду говоря, работа моя стоила гораздо бо́льшаго вознагражденія, но честная женщина эксплоатировала работницу, которую она подобрала съ мостовой усталую, голодную и въ лохмотьяхъ. Черезъ два дня послѣ этой встрѣчи съ паномъ Эдуардомъ, черезъ двѣ ночи, о которыхъ я теперь не сумѣла бы разсказать, я перестала продавать свѣчи и мыло... пану Виталису сказала: согласна! покинула лавку и комнату, въ которой визжали и дрались пятеро грязныхъ ребятишекъ, и поселилась тутъ...

Марта сидѣла, какъ окаменѣлая, изъ-подъ ладони, которою она прикрывала себѣ глаза, виднѣлось ея лицо мраморно-бѣлое и неподвижное. Едва замѣтная дрожь пробѣгала по ея тѣлу съ ногъ до головы, когда почти надъ ея ухомъ прозвучалъ отрывистый, сухой смѣхъ, походившій теперь на трещотку ночного сторожа.

— Я уже не знаю, какъ это случилось, но я замѣчаю, что впадаю въ декламацію! воскликнула, смѣясь, женщина съ распущенными русыми волосами.—Это твое траурное платье, Марта, такъ омрачило мою гостиную. Я не люблю темноты, люблю блескъ, люблю смѣяться на комедіи, а дома ѣсть конфеты... повѣрь, мнѣ такъ лучше... Она взяла вдову за руку, висѣвшую среди складокъ чернаго платья, и придвинулась ближе къ ней.

— Послушай, Марта, начала она, наклоняясь почти къ самому уху подруги,—я тебя когда-то любила, теперь мнѣ тебя очень жаль... колечкомъ, которое ты мнѣ подарила, я просуществовала въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, теперь я тебя поддержу совѣтомъ и помощью... До сихъ поръ я высказывала тебѣ только однѣ теоріи, теперь перехожу къ практикѣ...

— Рядомъ съ моей квартирой отдаются въ наймы три комнаты, почти такія какъ эти... хочешь завтра мы будемъ сосѣдками. Ты перевезешь сюда своего ребенка, ему будетъ тепло и удобно... послѣзавтра ты снимешь это траурное безобразное платье...

Марта отняла ладонь отъ глазъ и подняла голову.

— Каролина! сказала она, вставая, — довольно ужь, не говори ни слова больше...

— Что же, воскликнула женщина въ атласѣ,—развѣ нѣтъ?

Женщина въ трауръ съ минуту не отвѣчала, на лицѣ ея смертельная блѣдность смѣнялась кровавымъ румянцемъ, голосъ дрожалъ и обрывался въ груди, когда она заговорила:

— Недавно, еще недавно, если бы кто-нибудь осмѣлился говорить такъ, какъ ты говорила, Каролина, я почувствовала бы себя смертельно обиженной... можетъ быть разразилась бы бѣшенымъ гнѣвомъ... теперь же я ничего не чувствую кромѣ великой скорби и еще бо́льшаго стыда. Дѣйствительно, я должна быть чѣмъ-то менѣе нежели человѣкомъ, если, не провинившись ни въ чемъ, не сдѣлавъ ни на волосъ ничего дурного, не ища на свѣтѣ ничего, ничего кромѣ честнаго труда, натолкнулась на это... Охъ, какже низко, низко я пала... и за что же? и за какую же вину?

Она стояла съ минуту неподвижно съ угрюмо устремленными въ землю глазами... Минуту спустя, она сказала нѣсколько мягче:

— Я не презираю тебя, Каролина, не швырну въ тебя, какъ ты говорила, пригоршню грязи. Боже мой! вѣдь я же знаю, что такое жизнь бѣдной женщины... я живу нѣсколько мѣсяцевъ... сегодня я проглотила самую горькую каплю ея. И такъ я не презираю тебя, но пойти по твоимъ слѣдамъ не могу... нѣтъ, никогда... никогда!..

Она опять умолкла и на этотъ разъ яснымъ взглядомъ смотрѣла въ одну точку пространства. Тамъ, глазами своего воображенія, она узрѣла одну изъ картинъ своего прошлаго. Однако, это не была ни одна изъ картинъ минувшаго веселья и счастія, наоборотъ, ей рисовалась минута безграничной скорби. Марта увидѣла покоившимся на ложѣ болѣзни единственнаго человѣка, котораго она любила на землѣ. Лицо его цѣпенѣло подъ рукою смерти, дыханіе замирало въ наболѣвшей груди, но глаза его покоились на ея лицѣ, сіяющіе послѣднимъ блескомъ жизни, рука, подергиваемая предсмертной судорогой, коченѣющими пальцами сжимала ея руку. „Моя бѣдная Марта, какъ ты будешь безъ меня!“—съ этими словами на посинѣвшихъ губахъ онъ покинулъ ее навѣки.

— О! какъ же я любила его! какъ люблю его еще! прошептала вдова, и въ это время ея сжатыя руки опустились на черное платье, а грудь всколыхнулась глубокимъ вздохомъ.— Нѣтъ, Каролина! клянусь Богомъ, нѣтъ!—воскликнула она, высоко поднявъ лицо, облитое лучезарной блѣдностью:—я была счастливѣе тебя. Человѣкъ, котораго я полюбила, не сдѣлалъ изъ меня вещи, онъ повѣнчался со мной, любилъ меня, уважалъ. Умирая, онъ думалъ обо мнѣ, о моемъ будущемъ. Я люблю его еще, хотя его уже нѣтъ на землѣ, уважаю имя его, которое ношу. Любовь къ нему и память о немъ возвышаютъ во мнѣ, какъ

алтари, передъ ними горитъ лампада, наполненная слезами сердца моего, и освѣщаетъ мой печальный путь...

— Шествуя которымъ, ты вскорѣ очутишься въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ бѣлые ангелы соединятъ тебя съ твоимъ покойнымъ мужемъ! прозвучалъ пронзительный и сливающійся съ гаммой рѣзкаго смѣха голосъ Каролины.

Марта стояла уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и накидывала на голову свой черный шерстяной платокъ.

— Прощай, бѣдная Каролина, прощай! воскликнула она подавленнымъ голосомъ и выбѣжала въ сосѣднюю комнату, гдѣ надъ круглымъ столомъ краснаго дерева уже горѣла розовая лампа. Она была близко отъ дверей, когда почувствовала, что ее держатъ за плечо. Подлѣ нея стояла Каролина съ губами, дрожащими отъ смѣха, съ своимъ увядшимъ лбомъ, волнующимся мелкими морщинами и съ мрачнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Послушай! сказала она—мнѣ право хочется смѣяться надъ тобой! ты восторженна, удивительно наивна, ты, моя дорогая, еще—взрослый ребенокъ. Однако же мнѣ жаль тебя! не знаю даже почему... потому, что... наконецъ, что же мнѣ за дѣло, что тамъ случится съ тобой! мнѣ же лучше, что ты не будешь моей сосѣдкой, ты слишкомъ красива... но... я кормилась твоимъ колечкомъ недѣли двѣ... вѣдь моя профессія не обязываетъ меня непремѣнно быть неблагодарной.

— Одной рукой она крѣпко держала молодую женщину за плечо, другую она протянула къ окну.

— Подумай, говорила она—тамъ такъ холодно, много людей и вмѣстѣ съ тѣмъ пусто; толпы тебя растопчутъ, пустота тебя потопитъ. Вернись...

— Пусти меня—прошептала порывисто Марта—я не осуждаю тебя, но говорить съ тобой не могу... я пришла сюда за минутой дружбы и отдыха, я нашла новую скорбь и величайшій позоръ жизни... пусти меня!

— Ты должна выслушать еще одно слово... этотъ молодой человѣкъ, который сегодня шелъ со мной по улицѣ, безумно влюбенъ въ тебя... онъ отдастъ все, что имѣетъ...

— Пусти меня! громко уже со стономъ крикнула Марта и съ судорожной силой рванула свое плечо, охваченное рукой нагнувшейся къ ней женщины. Эта рука соскользнула, Марта бросилась къ дверямъ.

Она прошла уже нѣсколько ступеней ярко освѣщенной лѣстницы, когда услышала позади себя шуршанье атласа.

— Вернись! Окликнулъ ее голосъ сверху,—ты будешь нищей.

Женщина въ трауръ бѣжала по лѣстницѣ, не отвѣчая.

— Ты будешь красть! Повторилъ голосъ.

Женщина не обернулась и спустилась нѣсколькими ступенями ниже.

— Ты умрешь съ голоду вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ.

При звукѣ послѣдняго слова женщина остановилась, обернулась смертельно блѣднымъ лицомъ и вперила сверкающіе мрачнымъ огнемъ глаза въ фигуру, стоящую на площадкѣ лѣстницы. Яркое газовое освѣщенье обливало эту фигуру, серебря ея фіолетовое платье, крупная камея свѣтилась у шеи голубоватымъ оттѣнкомъ, золотыя серьги дрожали среди гривы густыхъ, длинныхъ волосъ, слегка приподымающихся отъ дуновенья вѣтра, проникающаго въ отворенныя на улицу двери. Она стояла съ склоненной впередъ головой и станомъ, съ дрожащими отъ смѣха губами, съ холодными глазами, мечущими радужныя искры изъ-подъ увядшаго лба. Марта съ минуту всматривалась въ нее сухимъ, сверкающимъ и мрачнымъ взглядомъ, потомъ внезапно отвернулась, ринулась впередъ и въ одно мгновенье исчезла въ полумракѣ улицы.

Прошло едва нѣсколько минутъ, какъ въ тѣ же самыя двери, за которыми исчезла Марта, вбѣжалъ веселый Олесь, нѣсколькими прыжками поднялся онъ по лѣстницѣ и вбѣжалъ въ квартиру Каролины.

— И что же, спросилъ онъ, стоя со шляпой въ рукѣ на порогѣ гостиной.—Ушла? Мнѣ кажется, что я узналъ ее идущую по противоположному тротуару. Когда же вернется?

Онъ задавалъ эти вопросы голосомъ отрывистымъ, поспѣшно; въ черныхъ глазахъ его выражалось нетерпѣніе человѣка безъ воли и разсудка, поддающагося испытанному впечатлѣнію.

— Вовсе не вернется, отвѣчала женщина, сидящая передъ каминомъ на томъ самомомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ сидѣла Марта; руки ея были скрещены на груди, глаза устремлены на раскаленные уголья. Она не взглянула на входящаго молодого человѣка и на нетерпѣливые разспросы его отвѣчала тономъ короткимъ, болѣе чѣмъ равнодушнымъ, потому что недоброжелательнымъ.

— Не вернется? воскликнулъ Олесь, бросая шляпу на ближайшій стулъ и направляясь въ глубину комнаты,—какъ это не вернется? развѣ вы, барынька, не подруги съ самого дѣтства?

Женщина молчала; молодой человѣкъ все болѣе выходилъ изъ терпѣнія.

— Что-же она сказала? спросилъ онъ настойчиво.

— Сказала, отвѣтила медленно женщина, не измѣняя ни позы, ни направленія взгляда,—сказала, что до сихъ поръ еще любитъ своего мужа...

Олесь широко открылъ глаза.

— Мужа? проговорилъ онъ, какъ бы не довѣряя собственнымъ ушамъ,—покойнаго мужа?

Онъ разразился смѣхомъ, поднялъ лицо къ потолку и смѣялся громко и долго.—Мужа! повторилъ онъ—и чего же она еще ждетъ отъ этого бѣдняги? вѣдь его уже нѣтъ въ живыхъ! О! вѣрное сердце... неутѣшная вдова, какъ это нѣжно! Онъ продолжалъ смѣяться, но въ смѣхѣ его зазвучали подъ конецъ фальшивыя ноты. Въ немъ дрогнуло что-то въ родѣ сожалѣнія и непріятнаго раздраженія...

— Ей Богу! началъ онъ, снова бѣгая по гостиной широкими шагами—это необычайная женщина! Любитъ еще покойного мужа черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти? Какъ это возвышенно, что-жъ бы это было, если бы она полюбила теперь кого-нибудь изъ живущихъ! О, если бы я могъ быть этимъ счастливцемъ!

— Очень возможно, что вы, панъ, могли бы быть этимъ счастливцемъ, откликнулась женщина, сидя передъ каминомъ. Говоря это она не обернулась и не пошевельнулась. Онъ подбѣжалъ къ ней. Яркій румянецъ выступилъ на его щекахъ.

— Могъ бы быть... а слѣдовательно она не отняла у меня всякой надежды! О прелестная, обворожительная, золотая, брилліантовая, пани Кароля, смилуйтесь надо мной! Я въ самомъ дѣлѣ безумно влюбленъ! Я могъ бы быть этимъ счастливцемъ, если бы... скажите мнѣ пани, умоляю, заклинаю: если бы что?!.

Женщина первый разъ подняла на него глаза, на днѣ ихъ, въ слегка приподнятыхъ бровяхъ, въ подвижныхъ углахъ изящныхъ губъ мелькало выраженіе насмѣшки.

— Если бы вы, панъ, проговорила она медленно,—если бы вы панъ посватались за нее и пожелали бы на ней жениться.

Эти слова имѣли оглушительное и одуряющее вліяніе на Олеся. Онъ съ минуту стоялъ неподвижно, остолбенѣлый, съ слегка разинутымъ ртомъ и вперивъ глаза въ лицо смотрящей на него пристально женщины.

— Жениться! повторилъ онъ сдавленнымъ голосомъ. Губы его дрогнули, точно онъ тотчасъ же готовился засмѣяться; однако онъ не засмѣялся, только махнулъ рукой, пожалъ плечами и полусердито, полуравнодушно проговоривъ: вы шутите, пани!—отошелъ отъ камина. Женщина съ минуту слѣдила за нимъ холоднымъ и насмѣшливымъ взглядомъ. По лицу ея въ одну минуту промелькнула тысяча улыбокъ плутовскихъ насмѣшливыхъ, презрительныхъ. Веселый Олесь опять стоялъ передъ нею.

— Вы жестоки, пани Каролина! воскликнулъ онъ,— „вы говорите мнѣ о женитьбѣ"; существуетъ ли что нибудь нелѣпѣе? связать себя на всю жизнь съ личностью, которую я еле знаю, съ вдовой, которая еще любитъ своего покойнаго мужа! сдѣлаться сразу отцомъ какого-то ребенка, лишиться своей свободы, взвалить себѣ на плечи столько отвѣтственности, столько хлопотъ! и въ моемъ возрастѣ? при моемъ счастливомъ положеніи въ свѣтѣ? это—намѣреніе, достойное честнаго мѣщанина, тоскующаго по вкусной домашней кухнѣ и дюжинѣ пухленькихъ ребятишекъ. Я полагаю, что вы, пани, не сказали этого серьезно; я знаю, что вы любите шутить! это одна изъ вашихъ главныхъ прелестей.

Каролина пожала плечами.

— Само собой разумѣется, я шутила, сказала она коротко, и снова уставилась на раскаленныя уголья.

Веселый Олесь волновался все болѣе.

— Въ какомъ же настроеніи вы сегодня, пани, пробормоталъ онъ,—неужели же я не узнаю уже ничего больше?

— Вы смертельно надоѣдаете мнѣ, панъ, отвѣтила женщина.

— Гдѣ она живетъ? приставалъ молодой человѣкъ.

— Не знаю, забыла спросить ее объ этомъ.

— Отлично! что же мнѣ теперь дѣлать? Придется мнѣ ее искать, но городъ, что лѣсъ, прежде чѣмъ я ее найду, я опять забуду о ней...

Онъ проговорилъ это съ необычайнымъ волненіемъ, почти съ негодованіемъ и сожалѣніемъ въ голосѣ. Онъ опасался, чтобы непостоянство памяти и ежедневное безчисленное количество впечатлѣній не отняли того, что въ данную минуту страстно занимало его. Вдругъ онъ щелкнулъ пальцами, испустилъ крикъ радости и опять побѣжалъ по направленію къ камину.

— Эврика нашелъ! воскликнулъ онъ,—вѣдь она же швея! гдѣ, или въ какой мастерской? прелестная, обворожительная, золотая, пани Карольтя! скажите...

Женщина встала и широко зѣвнула.

— А тамъ... въ улицѣ Фрета, въ мастерской Швейцовой, сказала она съ выраженіемъ необычайнаго утомленія,—теперь вамъ пора уже идти, такъ какъ мнѣ надо одѣваться въ театръ. Олесь казался осчастливленнымъ.

— У Швейцовой? знаю! знаю! я бываю у нея! Одна дочь, та, которая кроитъ,—пугало, но другая молоденькая бабеночка, замужемъ за пивоваромъ — панна Елеонара—ничего себѣ... Значитъ тамъ-то пребываетъ моя богиня! О, завтра... завтра... бѣгу, мчусь, лечу.

Онъ схватилъ шляпу и стоялъ уже на порогѣ.

— До свиданія! воскликнулъ онъ изъ-за порога; и опять вернулся.

— Вы идете сегодня въ театръ, пани Карольтя? А что даютъ?

Женщина стояла у дверей своей спальной съ зажженной свѣчой въ рукѣ.

— Фликъ и Флокъ, сказала она.

— Фликъ и Флокъ! воскликнулъ вѣчно смѣющійся человѣкъ—я долженъ быть и увидѣть Лору въ египетскомъ танцѣ! Но не поздно ли? мнѣ надо еще зайти къ Болеку! До свиданія! до свиданія, бѣгу, мчусь, лечу!

* *
*

Всѣ большіе города вообще, Варшава же въ особенности насчитываетъ въ своихъ нѣдрахъ извѣстное количество мужчинъ различнаго возраста, пользующихся вполнѣ упроченной и широко распространенной славой сердцеѣдовъ и разрушителей женской добродѣтели. Эти люди, съ той поры, какъ только мать природа одѣнетъ ихъ верхнюю губу пушкомъ усиковъ, до той минуты, а иногда и послѣ той минуты, въ которую таже всеобщая мать убѣлитъ имъ голову инеемъ сѣдины, создаютъ себѣ, какъ бы ремесло и ежедневное занятіе въ жизни изъ восхищенія женскими прелестями, платоническаго—гдѣ иначе нельзя, неплатоническаго вездѣ, гдѣ только можно. Это люди—очень пріятные, оживленные, остроумные, веселые, услужливые; въ обществѣ они желанные гости, въ кружкахъ товарищей имъ поклоняются. У нихъ очень часто не только нѣжныя, но и добрыя сердца; обдуманно, намѣренно и умышленно они ни за что бы не захотѣли повредить никому; если же при всемъ этомъ они часто причиняютъ вредъ, то снисходительный и ясно понимающій ихъ умъ судья не можетъ безъ несправедливости примѣнить къ нимъ другихъ словъ кромѣ евангельскихъ: Господи, отпусти имъ, потому что они не вѣдаютъ, что творятъ! Впрочемъ, судя по обыденности того явленія, представителями котораго они служатъ, по всему, что они обыкновенно дѣлаютъ и тому, чего они достигаютъ въ общественной жизни, — это вообще фигурки очень малозначащія въ обществѣ и для общества крохотныя пѣшки на громадной шахматной доскѣ человѣчества, микроскопическія насѣкомыя, свободно скользящія на распростертыхъ крылышкахъ по шероховатой для другихъ корѣ жизни. Итакъ, принявъ въ соображеніе эту ничтожность ихъ, въ обозрѣніи общественныхъ явленій можно было бы совершенно обойти этихъ веселыхъ малыхъ, и даже съ улыбкой пародировать при видѣ ихъ знаменитое восклицаніе поэта о суетномъ

пухѣ, если бы этотъ суетный пухъ, эти крохотныя пѣшки, вѣчно подвижныя, эти невинныя насѣкомыя, вѣчно радостныя, не были бы смертельно опасными для извѣстнаго разряда человѣческихъ существъ; этимъ разрядомъ являются бѣдныя женщины. Тутъ уже даже дѣло идетъ не о сердцахъ, которыя какъ подъ шелковыми, такъ и подъ шерстяными и ситцевыми лифами являются у такъ называемаго прекраснаго пола воспріимчивымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ незащищеннымъ мѣстомъ, всякая мелочь можетъ ихъ ранить, всякая бездѣлица побѣдить. Отсюда страданія и горести, слезы и стоны, рванье волосъ и скрежетъ зубовный, какъ въ гостинныхъ, такъ и на чердакахъ. Но предметъ, который неизмѣримо рѣдко бываетъ въ гостиныхъ поврежденнымъ этими милыми шалунами, на чердакахъ же, въ подвалахъ, въ швейныхъ и различныхъ мастерскихъ находится вполнѣ въ ихъ власти и смертельно страдаетъ черезъ нихъ,—это честь женщины. Въ этомъ отношеніи между ними бываютъ такіе могущественные властители, что нерѣдко безъ долгихъ ухаживаній, неумышленно иногда, однимъ приближеніемъ, нѣсколькими шагами, пройденными рядомъ съ женщиной, нѣсколькими взглядами, брошенными на нее, они убиваютъ ихъ добрую славу, вызываютъ въ головахъ людскихъ дурныя подозрѣнія. Это счастливый плодъ хорошо упрочившейся и громогласной славы властителей. Дѣйствительно счастливый для нихъ, потому что онъ доказываетъ свѣту ихъ истинно мужественную энергію, гигантскую силу вліянія, оказываемаго на людей, неотразимость впечатлѣній, производимыхъ совершаемыми ими подвигами; но неособенно, можетъ быть, счастливый для тѣхъ, на которыхъ случайно остановится взглядъ владыки міросозданія...

Владыка міросозданія идетъ по улицѣ большого города, размахиваетъ гибкой тросточкой, какъ скипетромъ. Блеститъ на головѣ его шляпа, блестятъ на рукахъ перчатки съ двойнымъ швомъ, блеститъ на груди золотая цѣпочка и грандіозно колышется на темномъ фонѣ тужурки, сшитой достойными руками знаменитаго портного Шабу. Что за великолѣпіе! онъ напѣваетъ вполголоса пѣсенку изъ „Прекрасной Елены“, быстрыми глазами осматривается вокругъ. Онъ часто прикасается рукой къ краямъ шляпы, всѣмъ кланяется, всѣ ему кланяются, онъ знаетъ всѣхъ, всѣ его знаютъ. Что за почетное положеніе въ обществѣ. Онъ перестаетъ пѣть, вытягиваетъ шею и держитъ ногу на воздухѣ на подобіе гончей, почуявшей дичь, напрягаетъ зрѣніе, улыбается... Тамъ, на углу улицы, промелькнула хорошенькая рожица, засвѣтилось бѣлое личико, засверкали черные глаза... Далѣе! далѣе въ погоню! Вниманіе! дичь уже близко! надо какъ можно скорѣе заполонить ее, потому что она готова ускользнуть! Онъ заходитъ сбоку, приподнимаетъ шляпу,

отвѣшиваетъ преисполненный почтенія (о, иронія!) поклонъ и спрашиваетъ голосомъ, который является вѣрнымъ эхомъ, вчера слышаннаго имъ со сцены голоса Париса:—позволите ли вы проводить васъ, пани? Позволяетъ, идетъ съ ней; не позволяетъ, идетъ также. Развѣ же онъ не владыка міросозданія? По дорогѣ онъ встрѣчаетъ знакомыхъ (у него ихъ столько, сколько въ морѣ капель воды), плутовски подмигиваетъ и указываетъ глазами на спутницу, минутами сердце сильнѣе бьется у него въ груди, это первыя содроганія пробуждающейся мотыльковой любви или, можетъ быть, упоеніе торжества? Чаще всего и то и другое. Владыка міросозданія всякій разъ, какъ онъ увидитъ красивое или даже хотя бы хорошенькое женское личико, клянется всѣмъ и прежде всего самому себѣ, что онъ безумно, смертельно влюбленъ. Дѣлаетъ это онъ вполнѣ искренно. Сердце его—это вулканъ, который нѣсколько разъ въ день извергается. На ряду съ этимъ онъ прекрасно сознаетъ, что людскіе глаза съ любопытствомъ слѣдятъ за новымъ эпизодомъ великой эпопеи его жизни. Эти людскіе глаза такъ привыкли видѣть его непобѣдимымъ, что тотчасъ же, съ первой страницы, угадываютъ побѣду на послѣдней!

Подошелъ, слѣдовательно, восхитилъ. Взглянулъ, слѣдовательно, побѣдилъ. Ни онъ, никто изъ тѣхъ, которые его знаютъ, не допускаютъ, чтобы могло быть иначе. Слава отважнаго молодца растетъ, репутація бѣдной женщины гибнетъ. Въ вѣнкѣ, увѣнчивающемъ его веселую голову, выростетъ новый лавръ, на ея грустномъ челѣ выступаетъ пятно... Такимъ былъ веселый Олесь, одинъ изъ многихъ... Одно приближеніе его компрометировало женщину, разговоръ съ нимъ обрекалъ ее на позорную молву.

У Швейцовой было три дочери и нѣсколько молодыхъ внучекъ, слѣдовательно, она знала Олеся. Онъ бывалъ у нея въ домѣ, и даже она сама провозглашала, что одна изъ дѣвицъ Швейцовыхъ, та, которая вмѣстѣ съ матерью занималась кройкой, изъ-за него осталась старой дѣвой. Она, хотя и будучи некрасивой, имѣла хорошенькую фигуру и острый язычекъ и обратила на себя когда-то вниманіе владыки міроздания. Что же удивительнаго, что при такихъ обстоятельствахъ Швейцова близко надвинула себѣ на глаза очки и приклеилась лицомъ къ стеклу, увидѣвъ однажды утромъ одну изъ своихъ работницъ, проходящую по двору въ обществѣ непобѣдимаго Олеся? Дѣвушки въ оборванныхъ платьяхъ, съ желтыми лицами и полинялыми кокардами въ волосахъ тоже заглядывали въ стекла и глазами и пальцами дѣлали другъ другу знаки и улыбались. Все это замѣтила и дочь Швейцовой, стоящая за круглымъ столомъ. Она поднялась на цыпочки и выглянула

изъ окна. Съ того мѣста, гдѣ она стояла, она могла видѣть усики и бородку Олеся... а такъ какъ это были его усики и бородка, то она почувствовала себя охваченной воспоминаніемъ и впечатлѣніемъ. Она еще больше вытянула шею и на этотъ разъ увидѣла черный шерстяной платокъ, очевидно, покрывающій женскую голову.

— Мама! съ которой это изъ работницъ идетъ панъ Александръ?

Швейцова отняла лицо отъ окна.

— Съ пани Свицкой, проговорила она, подходя къ столу.

Чело величавой Матроны покрылось густыми облаками; *с.* и *ц.*, входившія въ составъ фамиліи Марты, зашипѣли протяжно, исходя изъ ея устъ.

Работницы помоложе украдкой обмѣнялись взглядами. Выраженіе лица и звукъ голоса хозяйки не предвѣщали ничего пріятнаго.

Одна изъ нихъ проговорила тихо:

— Будетъ стычка!

— Можетъ быть она ее прогонитъ? спросила вторая еще тише.

— Ого! прошептала третья тише всѣхъ:—она теперь уже, можетъ быть, и не заботится объ этомъ.

Въ эту минуту въ мастерскую вошла Марта. Уже одно выраженіе ея лица было въ этотъ день таково, что могло бы направить на нее взгляды всѣхъ присутствующихъ, если бы эти взгляды и безъ того уже не приготовились смотрѣть на нее съ любопытствомъ. Глаза ея были окружены темной синевой и потухли. На впалыхъ щекахъ выступилъ круглыми пятнами кровавый румянецъ, брови раздѣляла глубокая борозда. Входя, она подняла тяжелыя опухшія вѣки и встрѣтилась съ устремленными на нее взглядами большинства работницъ. Однако, она не выказала ни удивленія и никакого другого чувства, сняла платокъ съ головы и, взявъ работу, которая уже лежала приготовленной на ея табуретѣ, молча усѣлась. Руки ея дрожали, какъ въ лихорадкѣ, когда она развертывала холстъ и вдѣвала нитку въ иголку. Она низко склонила голову, обрамленную сегодня нѣсколько растрепанными косами, и погрузилась въ свою работу. Дрожащая и покраснѣвшая отъ холода рука ея поднималась и быстро опускалась какъ подъ тактъ лихорадочной, головоломной мысли. Она дышала быстро и тяжело, нѣсколько разъ открывала ротъ, чтобы вдохнуть воздуха, котораго, видно, постоянно не хватало ея груди. За круглымъ столомъ двѣ пары ножницъ звенѣли рѣзко и протяжно.

Швейцова бросала изъ подъ очковъ косые взгляды на недавно пришедшую работницу. Углы оттопыренныхъ губъ ея свисли и показывали, что она не въ духѣ. Она перестала кроить, и не выпуская изъ

морщинистыхъ пальцевъ ножницъ, проговорила протяжнымъ и сдержаннымъ голосомъ:

— Пани Свицкая не была у насъ вчера.

Марта, услыхавъ, что произнесли ея фамилію, подняла голову.

— Вы мнѣ что-то сказали, пани?

— Вы не были у насъ вчера, пани Свицкая.

— Да, пани, я устраивала свои дѣла въ городѣ и не могла прійти.

— Неисправность работницъ въ приходѣ на работу очень вредитъ мастерской.

Марта низко склонила голову. Она опять шила и молчала.

Уже одна только пара ножницъ звенѣла и скрипѣла за круглымъ столомъ, но все рѣзче.

Барышня, которая не вышла замужъ благодаря непобѣдимому Олесю, видно все болѣе негодовала.

Мать ея стояла, обернувшись лицомъ къ группѣ работницъ, неподвижно держа ножницы въ смуглой рукѣ.

— Я вчера видѣла васъ въ городѣ, пани Свицкая. Вы стояли тогда у ступеней костела Святого Креста съ двумя личностями.

Марта еще не отвѣчала. Что-жъ ей было говорить?

Фактъ, о которомъ говорила пани Швейцова, былъ полнѣйшей истиной.

— Я знаю также личностей, съ которыми вы разговаривали вчера на улицѣ, пани Свицкая. Одна изъ нихъ года два тому назадъ даже работала нѣкоторое время въ нашей мастерской, недолго однако, недолго, потому-что я тотчасъ подмѣтила, что общество ея можетъ быть опаснымъ примѣромъ для нашихъ работницъ. Хорошо ли вы знаете эту женщину, пани Свицкая? Ея общество можетъ быть очень опаснымъ.

— Не для меня, пани, первый разъ откликнулась Марта.

Она не подняла головы изъ-за работы, но въ дрожащемъ голосѣ ея звучало глухое и сдерживаемое возмущеніе женской гордости, чувствующей, что ее унижаютъ.

— Ахъ! протяжно вздохнула Швейцова, — нельзя такъ довѣрять себѣ. Гордость—матерь всѣхъ грѣховъ. Лучше, гораздо лучше избѣгать опаснаго общества... А панъ Александръ Лонцкій также вашъ близкій знакомый, пани Свицкая?

— Должно быть, мама, хорошій и близкій знакомый, если пани Свицкая ежедневно прогуливается съ нимъ.

Можно было бы подумать, что эти слова были змѣями, обвившими Марту съ ногъ до головы и вонзившими жала во всѣ члены ея тѣла,

такъ внезапно выпрямилась она, подняла голову отъ куска холста, развернутаго у нея на колѣняхъ, и устремила широко открытые глаза въ лицо говорившей дѣвушки.

— Что это значитъ? произнесла она тяжелымъ, подавленнымъ шепотомъ. Въ то же время она обвела взглядомъ вокругъ. Всѣ работницы, даже тѣ, которыя обыкновенно казались наиболѣе неподвижными и безчувственными, сидѣли теперь, поднявъ головы и устремивъ глаза. На лицахъ ихъ выражались самыя различныя чувства: сожалѣніе, любопытство, насмѣшка. Марта осталась съ минуту какъ бы нѣмой. Пунцовыя пятна, выступившія на ея щекахъ, постепенно расширялись, наконецъ окрасили пурпуромъ лобъ и шею.

— Не за что сердиться, сударыня моя, не за что сердиться, начала Швейцова, — я уже двадцать слишкомъ лѣтъ была хозяйкой мастерской, въ которой работало по двадцати и болѣе молодыхъ особъ, такъ что я пріобрѣла большой опытъ. При томъ же я знаю, какія у меня обязанности по отношенію къ дамамъ, ввѣреннымъ Провидѣніемъ моему попеченію; я не могу смотрѣть равнодушно, если которая-нибудь изъ нихъ добровольно подвергается опасности. Къ тому же еще у меня дочери, молоденькія внучки. Что-жъ бы люди могли подумать о нихъ, если бы наша мастерская, Боже сохрани, подавала бы какія-нибудь примѣры испорченности? Наконецъ, на дворъ выходятъ окна квартиры одной богатой и богобоязненной дамы, которая является истинной покровительницей и благодѣтельницей нашей мастерской. Святая женщина! что она бы подумала, если бы она увидѣла одну изъ моихъ работницъ, прохаживающейся тутъ же подъ ея и моими окнами съ молодымъ и свѣтскимъ кавалеромъ? Впрочемъ, можетъ быть ужъ и увидѣла! Право мною овладѣваетъ страхъ при мысли, что я скажу нашей покровительницѣ, когда она спроситъ меня объ этомъ? Сообщу ли я ей, что я отказала работницѣ? Но можетъ быть это не будетъ согласоваться съ христіанскимъ милосердіемъ?

— Вы скажете ей, пани, что работница, имѣвшая несчастіе встрѣтить на этомъ дворѣ этого молодого и свѣтскаго кавалера, ушла отсюда сама и добровольно.

Эти слова разнеслись по большой комнатѣ, произнесенные звучнымъ и пронзительнымъ голосомъ.

Марта встала со своего мѣста и, поднявъ голову, съ дрожащими губами, смотрѣла прямо въ лицо Швейцовой.

— Я женщина бѣдная, очень бѣдная, продолжала она—но я честна, и вы, пани, не имѣли никакого права говорить со мной такимъ образомъ. Не Провидѣніе ввѣрило меня вашему попеченію, пани, и при-

вело меня сюда, но собственная моя неспособность. Я пришла сюда потому, что не умѣла работать ни въ какомъ другомъ мѣстѣ: вы это очень хорошо знаете, и сумѣли извлечь для себя хорошую выгоду изъ моего положенія. Моя работа стоитъ гораздо больше того, что вы даете мнѣ за нее, пани... Но не объ этомъ хотѣла я говорить. Я добровольно заключила договоръ и выполнила его условія. Нужду терпѣть я должна, но переносить оскорбленія... несмотря на все... не могу... нѣтъ, еще не могу! Прощайте, пани!

При послѣднихъ словахъ она накинула на голову платокъ и направилась къ дверямъ. Работницы провожали ее взглядомъ; тѣ, которыя были помоложе съ сочувствіемъ и своего рода торжествомъ на лицахъ, старшія съ сожалѣніемъ и съ еще большимъ изумленіемъ.

Все, что произошло съ Мартой со вчерашняго дня,—разочарованіе, испытанное у книгопродавца, горькое чувство зависти, овладѣвшее ею впервые при видѣ Казимировскаго дворца и учащихся, преисполненныхъ надеждъ, юношей; посѣщеніе квартиры въ Королевской улицѣ, беззастѣнчивое предложеніе, которое ей было тамъ сдѣлано, безсонная ночь, проведенная въ потокахъ слезъ и пламени стыда, главное же встрѣча съ человѣкомъ, который, какъ ей было извѣстно, поджидалъ ее тамъ съ позорящей ее мыслью въ головѣ,—все это повергло ея душу въ то состояніе лихорадочнаго напряженія, которое не можетъ долго таиться и при каждомъ прикосновеніи разражается неудержимою бурей.

Прикосновеніе же, сдѣланное словами Швейцовой и ея дочери, было далеко не изъ бережныхъ. Въ груди Марты струна чувствъ, напряженная до крайности, треснула и испустила жалобный стонъ возмущенія. Хорошо ли она поступила, подчиняясь непреодолимому порыву женской гордости и человѣческаго достоинства и бросая къ ногамъ оскорбившей ее женщины свой послѣдній кусокъ хлѣба? Она не думала объ этомъ, не отдавала себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, когда она бѣжала по длинному двору къ воротамъ, ведущимъ на улицу.

Однако, едва она вступила въ эти ворота, какъ она шатнулась, какъ бы отъ какого-то омерзительнаго призрака, лицо ея приняло выраженіе смертельнаго оскорбленія. Въ воротахъ еще стоялъ веселый Олесь и бесѣдовалъ вполголоса съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, стоящимъ на нижней площадкѣ лѣстницы, съ которой онъ очевидно за минуту спустился, чтобы отправиться въ городъ. Марта ринулась въ сторону. Было очевидно, что она старалась проскользнуть вдоль стѣны незамѣченной; но развѣ же гибкая лань сумѣетъ ускользнуть отъ взгляда опытнаго охотника?

— Пани! воскликнулъ Олесь, оборачиваясь;—что за неожиданность! Я не думалъ, что вы сегодня такъ рано покинете эту трущобу, ставшую для меня (тутъ онъ понизилъ голосъ) съ нѣкоторыхъ поръ раемъ, о которомъ я тоскую!

Мужчина, съ которымъ Олесь разговаривалъ за минуту, сбѣжалъ съ послѣднихъ ступеней и выбѣжалъ на улицу, бросивъ мимолетный взглядъ на женщину, къ которой обращался его товарищъ и прикрывая двусмысленную улыбку пѣсенкой изъ Фликъ и Флокъ. Марта стояла у стѣны, блѣдная какъ мраморъ, съ выпрямившимся станомъ и молніями въ глазахъ. Веселый Олесь подходилъ къ ней съ улыбкой на губахъ и мечтательнымъ взглядомъ.

— Что вамъ нужно отъ меня, панъ? воскликнула женщина.

— Пани! прервалъ ея рѣчь владыка мірозданія, — четверть часа тому назадъ вы оттолкнули меня отъ себя суровымъ словомъ, но я не теряю надежды, что мое постоянство...

— Что вамъ нужно отъ меня, панъ? повторила женщина, къ которой вернулся голосъ, утраченный минуту тому назадъ; да, продолжала она,— я покинула эту трущобу, въ которой, однако, былъ мой послѣдній заработокъ, послѣдній кусокъ хлѣба для меня и для моего ребенка. Я сдѣлала это изъ-за васъ; но по какому праву преграждаете вы, господа, путь намъ, которымъ и безъ того уже такъ тяжело итти? Есть ли въ васъ хоть чуточку сердца и совѣсти, если вы преслѣдуете существа, которыя и безъ того не знаютъ куда имъ дѣваться на свѣтѣ? О! вамъ, конечно, это не принесетъ никакого вреда! Васъ люди похвалятъ за это, намъ же швырнутъ оскорбленіе, мы потеряемъ честное имя, а часто и послѣдній кусокъ хлѣба, вы же превосходно позабавитесь!..

Она говорила все это поспѣшно, почти безъ передышки, съ пронизывающей насмѣшкой въ голосѣ и въ глазахъ.

— Вы позабавитесь, повторила она съ непріятнымъ смѣхомъ,—но позвольте, панъ, женщинѣ, которую вы удостоили избрать предметомъ своей забавы, повторить вамъ слова старой сказки: „скверно! о, скверно вы забавляетесь! вамъ это забава, намъ это стоитъ жизни!..

Сказавъ это, она прошла мимо остолбенѣвшаго юноши и исчезла за воротами.

Владыка мірозданія остался одинъ; онъ опустилъ голову, коснулся рукой усиковъ, вперилъ въ землю смущенный взоръ и стоялъ такъ долго. На лицѣ его выражались пристыженность и сожалѣніе. Онъ стыдился своего пораженія, сожалѣлъ о привлекательномъ и упрямомъ (тѣмъ болѣе привлекательномъ, благодаря тому что оно упрямо) созданьи, исчезнувшемъ у него изъ глазъ. Можетъ быть также при видѣ женщины съ

разгорѣвшимися глазами, съ облакомъ на челѣ, дрожащей отъ гордаго оскорбленія, въ немъ шевельнулось какое-нибудь болѣе серьезное чувство; можетъ быть, онъ почувствовалъ, что поступилъ дурно, что, не желая, кому-то причинилъ вредъ. О, да! не желая! „Намъ это стоитъ жизни!“ сказала она.

Что за мысль! неужели же онъ имѣлъ намѣреніе убивать кого-нибудь? Ничто на свѣтѣ не было болѣе чуждымъ нѣжному сердцу его, ничто болѣе недоступнымъ мысли, вовсе не склонной къ какимъ бы то ни было драмамъ, къ намѣренію какого бы то ни было убійства. Однако же съ какой силой она стыдила его! Какія скорбныя молніи метали ея глаза, какъ блѣдна она была и какъ хороша! Олесь въ эту минуту отдалъ бы безъ колебанія два года своей счастливой, вѣтренной жизни, что бы имѣть возможность увидѣть ее, молить о прощеньи, вознаградить за вредъ, если онъ причинилъ ей какой, и... проводить ее до ея квартиры.

Ба! но гдѣ же находилась эта квартира ея? онъ не зналъ. Онъ наморщилъ лобъ, нетерпѣливо щелкнулъ пальцами и, поднявъ голову, воскликнулъ почти со злостью:

— Теперь ужъ я ее навѣрно не найду!

Въ эту самую минуту съ улицы въ ворота вбѣжала молоденькая дѣвушка, почти подростокъ еще, въ узенькой шубкѣ и удивительно изящныхъ сапожкахъ. При видѣ ея, выраженіе лица Олеся внезапно измѣнилось. Онъ поспѣшно снялъ шляпу и, кланяясь хорошенькому подросточку, проговорилъ съ улыбкой.

— Какъ же давно я не имѣлъ счастья видѣть васъ, панна Елеонора.

Подростокъ не казался недовольнымъ встрѣчей.

— А! ужъ вы то, панъ Александръ, очень любезны, право! очень любезны! съ мѣсяцъ уже не были у насъ. Бабушка и тетя нѣсколько разъ говорили, что вы не любезны, панъ Александръ.

Панъ Александръ мечтательнымъ взглядомъ слѣдилъ за движеніемъ розовыхъ губокъ, щебечущихъ эти слова.

— Панп, сказалъ онъ,—сердце влечетъ меня къ вашему дому, но разсудокъ удерживаетъ.

— Разсудокъ! любопытно знать почему разсудокъ удерживаетъ васъ, панъ, бывать у насъ?

— Я опасаюсь за свое спокойствіе! прошепталъ владыка міозданія.

Подростокъ вспыхнулъ до волосъ и до ушей.

— Ну, не опасайтесь уже, панъ, и приходите къ намъ, потому что иначе и бабушка и тетя не на шутку разсердятся.

— А вы, панн?

Минута молчанія. Глаза подростка устремлены на гвоздь, торчащій въ помостѣ воротъ; глаза побѣдителя пересчитываютъ золотистые локончики, выбивающіеся изъ-подъ шляпочки на бѣлый лобъ.

— И я также разсержусь на васъ, панъ.

— О! если такъ, то приду, приду непремѣнно!

Подростокъ вбѣгаетъ во дворъ, куда владыка мірозданія не смѣетъ слѣдовать за нимъ. Съ бѣдной работницей дѣло другое, но съ внучкой женщины, въ домѣ которой бываешь, съ панной Швейцовой, у которой, какъ говорятъ, будетъ тысячъ сто гульденовъ приданаго, прогуливаться ни съ того ни съ сего по двору,—неприлично.

Олесь выходитъ на улицу, а передъ его глазами проносятся два женскія образа: бѣдной работницы съ огнемъ въ негодующихъ глазахъ и хорошенькаго подростка съ золотистыми кудрями вокругъ бѣлаго лба. Онъ уже самъ не знаетъ, которая изъ нихъ красивѣе и привлекательнѣе.—Первая, думаетъ онъ—это гордая и пылкая богиня; вторая, это прелестная, маленькая богинька! Правду говорятъ ученые! что за неисчислимыя богатства разсѣяны въ этомъ царствѣ природы! Сколько оттѣнковъ, сколько видовъ! Когда человѣку приходится дѣлать выборъ, то у него даже голова кружится, а сердце таетъ. Но къ чему тутъ выборъ? tous les genres sont tous hors le genre—vieux et laid! (всѣ виды хороши кромѣ вида—стараго и некрасиваго!)

Мужчина! суетный пухъ! ты—вѣтренное существо.

* *
*

А Марта?

Марта послѣ сильныхъ и горестныхъ потрясеній, опять была цѣликомъ погружена въ грошевые расчеты. Шесть рублей, полученные отъ книгопродавца, она отдала управляющему домомъ, уплативъ такимъ образомъ долгъ и пріобрѣтя право прожить въ комнатѣ на чердакѣ еще двѣ недѣли.

— Слѣдуетъ еще за мебель, сказалъ управляющій, взявъ деньги изъ ея рукъ.

— Вынесите ее изъ моей комнаты, панъ, потому что я не въ состояніи платить за пользованіе ею.

Какимъ-то зажиточнымъ господамъ, живущимъ въ первомъ этажѣ, понадобились для ихъ кухни или передней столъ, нѣсколько стульевъ и кровать. Подъ вечеръ этой мебели не было уже въ комнатѣ Марты. Она разложила свою порядкомъ отощавшую постель на голомъ полу, усѣлась на полъ передъ пустой печкой. По другую сторону печки усѣлась Янтя. Мать сидѣла неподвижно, какъ бы оцѣпенѣвъ, ребенокъ

скорчился и дрожалъ отъ холода, а можетъ быть и отъ горя. Да, блѣдныя лица, окутанныя полумракомъ нисходящаго вечера и глубокой тишиной одинокой комнаты, представляли печальное зрѣлище. Зрѣлище это было въ то же время и таинственнымъ. Двѣ несчастныя доли сидѣли тамъ передъ холоднымъ отверстіемъ ужасной печи. Какой конецъ предстоялъ имъ?

Въ эту ночь Янтя спала тревожнымъ и прерывистымъ сномъ.

До сихъ поръ, если она и часто плакала днемъ, то по крайней мѣрѣ ночью спала спокойно. Но въ этотъ вечеръ изъ комнаты вынесли послѣдній предметъ ея забавы:—два старыхъ, хромыхъ стула. Она сожалѣла о нихъ, какъ о добрыхъ друзьяхъ, съ которыми она забавлялась въ болѣе свободныя минуты, которымъ тихонько повѣряла свои горести и скорби, голодъ и холодъ и пинки Антоновны тогда, когда, руководимая инстинктомъ добраго ребенка, она не хотѣла жаловаться матери. Малютка горько плакала, видя, какъ выносятъ ея любимыхъ, увѣчныхъ старичковъ, потомъ она легла на полъ и припоминала, можетъ быть, свою прежнюю кроватку изъ краснаго дерева, окруженную перилами, прикрытую шерстянымъ одѣяломъ, по разноцвѣтнымъ полосамъ котораго она училась распознавать краски и восхищаться ихъ красотой.

Полночь была уже близка. Ребенокъ метался на своей низкой постели, иногда стоналъ и плакалъ во снѣ. Марта все еще сидѣла на полу у печки, погруженная во тьму и горько упрекала себя.

Она горько, скорбно упрекала себя за свой поступокъ съ Швейцовой. Зачѣмъ увлеклась она оскорбленной гордостью? Зачѣмъ покинула она то мѣсто, гдѣ имѣла какую-нибудь возможность что-нибудь заработать. Правда, оскорбленіе, которое ей тамъ швырнули въ лицо, было незаслуженнымъ, крупнымъ, кровнымъ, можетъ быть, но что же изъ этого? Развѣ же женщина въ ея положеніи имѣетъ право взамѣнъ оскорбленія швырнуть кому-нибудь въ лицо кусокъ чернаго хлѣба, черствый, горькій, но послѣдній? Не умѣть сдѣлать ничего для того, чтобы выбиться изъ унизительнаго положенія, и въ то же время не быть въ состояніи терпѣливо переносить удары и униженія этого положенія, что за непослѣдовательность! Благодаря собственной неспособности, отдавшись въ руки женщины, эксплуатирующей эту неспособность, требовать отъ этой женщины уваженія къ себѣ? Что за безразсудство!

— Нѣтъ!—думала Марта—одно изъ двухъ. Надо быть на свѣтѣ или сильной и гордой, или слабой и покорной. Надо умѣть выбиться и охранять свое личное достоинство, или же отречься отъ всякаго притязанія на него. Я слаба и потому должна быть покорной, я не могу

своими дѣйствіями возвыситься до такого положенія, чтобы внушить людямъ уваженіе ко мнѣ, поэтому мнѣ нечего его и требовать. И, наконецъ, за что же людямъ уважать меня? Уважаю ли я сама себя на самомъ дѣлѣ? Могу ли я безъ стыда и упрековъ совѣсти смотрѣть на этого ребенка, которому я обязана быть охраной и опорой, и для котораго я являюсь ничто! Могу ли я безъ глубочайшаго униженія думать, что подобно беззащитной и глупой овцѣ, я склоняю свою шею передъ безчестной рукой, позволяя, даже прося, чтобы изъ моей поденной работы, изъ пота моего лица, она создала богатство для себя и для дѣтей своихъ? За кого, наконецъ, меня считаетъ цѣлый міръ, люди? Одинъ отвергаетъ мой трудъ потому, что онъ является неумѣлымъ, другой заранѣе не принимаетъ его, въ убѣжденіи, что онъ долженъ быть неумѣлымъ, третій же подло эксплоатируетъ его именно потому, что онъ неумѣлъ; четвертый же, наконецъ, не видитъ во мнѣ даже человѣка, равнаго ему по чести и достоинству, а только не безобразную женщину, которую можно купить! Почему же я требовала отъ Швейцовой того, въ чемъ цѣлый міръ мнѣ отказываетъ, чего я не сумѣла снискать ни у людей, ни у самой себя?

Ночь уступала сѣрому, зимнему утру. Марта все еще сидѣла на одномъ мѣстѣ, опершись локтями на колѣни, охвативъ голову руками. Она чуствовала себя теперь покорной, очень покорной, она улыбалась про себя при мысли, что вчера еще она могла питать какія-то притязанія на людское уваженіе, она была увѣрена, что никогда уже не удивится собственному униженію и не возстанетъ противъ унижающей ее руки.

Вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ на чердакъ заглянули и напомнили о себѣ ежедневныя житейскія потребности. Марта вынула изъ кармана пятіалтынный. Больше денегъ у нея не было и никакого заработка.

— Надо итти просить, подумала она.

Она вышла въ городъ и направилась къ знакомой ей книжной лавкѣ. Она шла къ человѣку, сострадательная рука котораго, разъ уже надѣлила ее трудомъ, другой разъ милостыней.

Отворяя двери книжной лавки, Марта ощутила нѣкоторое удивленіе. Передъ тѣмъ, какъ выйти изъ дома, она воображала себѣ, что ей будетъ очень трудно переступить черезъ этотъ порогъ, что, по прежнему, передъ тѣмъ, какъ произнести слово просьбы, она вспыхнетъ стыдомъ, потеряетъ на минуту голосъ. Она ошибалась. Сердце ея не забилось сильнѣе, румянецъ не выступилъ на лбу, когда взглядъ ея встрѣтился съ глазами книгопродавца.

Онъ стоялъ по обыкновенію за конторкой, слегка нагнувшись надъ изрядной кипой записокъ и счетовъ. Когда, услыхавъ звонокъ, онъ поднялъ голову, лобъ его былъ менѣе яснымъ, чѣмъ прежде, въ глазахъ выражалась легкая тревога, или огорченіе. Очевидно онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ или опечаленъ. Можетъ быть ему не удалось какое-нибудь предпріятіе, отъ котораго онъ ожидалъ многаго, или кто-нибудь изъ семьи изъ друзей былъ боленъ? Съ явнымъ трудомъ оторвался онъ отъ своего занятія и устремилъ на входящую женщину взглядъ менѣе ясный, менѣе добрый и привѣтливый, нежели прежде. Марта замѣтила это. Нѣсколько дней тому назадъ, она бы отступила и вышла, или, по крайней мѣрѣ, утаила цѣль своего прихода, теперь, однакоже, она подошла къ конторкѣ и, обмѣнявшись поклонами, съ книгопродавцемъ, сказала:

— Вы были такъ добры, панъ, что помогли мнѣ совѣтомъ и пособіемъ, и такъ, я опять пришла къ вамъ, панъ...

— Чѣмъ же я могу служить вамъ, пани?

Онъ говорилъ вѣжливо, но холоднѣе прежняго. Разсѣянные глаза его ежеминутно устремлялись на лежащія на столѣ бумаги.

— Я потеряла работу въ швейной, въ которой я заработывала сорокъ грошей въ день; нѣтъ ли у васъ какого-нибудь мѣста, подходящаго для меня, какого бы то ни было...

Книгопродавецъ опустилъ глаза и съ минуту стоялъ молча.

Къ предшествующей озабоченности его теперь присоединилось легкое замѣшательство и даже нетерпѣніе.

— А! сказалъ онъ минуту спустя, дѣлая обѣими руками движеніе, выражающее сожалѣніе—трудно, пани! надо что-нибудь умѣть, непремѣнно надо что-нибудь умѣть...

Онъ не окончилъ своей мысли и умолкъ. Марта мяла въ обѣихъ рукахъ концы платка, который былъ у нея на головѣ.

— А слѣдовательно—сказала она минуту спустя—что же мнѣ дѣлать?..

Она произнесла это такимъ образомъ, что книгопродавецъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее внимательно. Въ голосѣ ея слышались отрывистые и нѣсколько рѣзкіе звуки, во впалыхъ глазахъ сверкалъ огонь, но не скорби, какъ прежде, не безмолвной трогательной мольбы, но какъ бы сдержаннаго, глухого гнѣва. Гляда на нее и слушая ея голосъ, можно бы сказать, что она чувствовала какую-то непріязнь къ этому человѣку, съ которымъ она разговаривала, что она считала его въ душѣ отчасти отвѣтственнымъ за то, что она испытывала.

Книгопродавецъ подумалъ еще съ минуту.

— Мнѣ грустно—сказалъ онъ—очень грустно видѣть въ такомъ положеніи жену человѣка, котораго я зналъ и уважалъ. Мнѣ кажется, что мнѣ удастся оказать вамъ еще одну услугу, пани... хотя это будетъ только новый опытъ. Моимъ знакомымъ, господамъ Жентковскимъ въ настоящую минуту именно нужна особа... особа... для должности горничной... если бы вы пани пожелали принять такое мѣсто...

— Я прошу васъ о немъ, панъ, не задумываясь ни минуты сказала Марта.

— Въ такомъ случаѣ я напишу нѣсколько словъ господамъ Жентковскимъ. Если вы желаете, пани, то вы отправитесь къ нимъ съ этой запиской...

— Конечно отправлюсь—проговорила женщина.

Книгопродавецъ поспѣшно написалъ нѣсколько словъ на маленькомъ листѣ почтовой бумаги и вручилъ записку ожидающей женщинѣ. Онъ торопился, былъ безпокойнымъ и все еще, какъ будто огорченнымъ. Передавъ записку, онъ тотчасъ поклонился.

Этотъ поклонъ былъ явно прощальнымъ; онъ обозначалъ то же, что выражали бы слова: У меня нѣтъ времени и я не могу ничего больше сдѣлать. Марта вышла изъ книжной лавки. Письмо, которое она держала въ рукѣ не было запечатано. Она развернула сложенный вдвойнѣ листикъ бумаги и нѣсколько разъ повертѣла его въ рукахъ. Казалось, что она чего-то искала между тонкими страничками. Дѣйствительно у нея въ головѣ промелькнула мысль, что подобно тому, какъ третьяго дня въ ея рукописи, такъ и теперь въ листкѣ почтовой бумаги книгопродавецъ, можетъ быть, далъ ей какое-нибудь денежное пособіе. Однако, подаянія не было. Марта подумала:

— Жаль, что ничего не далъ!

Книгопродавецъ былъ человѣкомъ добрымъ, а рука у него была очень сострадательная. Но сострадательныя руки тѣмъ неудобнѣе для тѣхъ, которые въ нихъ нуждаются, что не всегда бываютъ въ одинаковомъ настроеніи. Даже самый лучшій человѣкъ не можетъ каждую минуту своей жизни быть одинаково склоннымъ къ добрымъ дѣламъ. Добрыя дѣла, это своего рода роскошь для души, хлѣбомъ насущнымъ которой является обязанность. Сострадательная рука въ минуту усерднаго выполненія обязанности можетъ быть крайне нерасположена къ совершенію сострадательныхъ поступковъ.

Какая же перемѣна! нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Марта застонала отъ боли, отъ стыда, получивъ милостыню, теперь она сожалѣла о томъ, что ее не получила.

Она взглянула на адресъ записки, которую держала въ рукѣ, и свернула въ улицу Св. Креста. Нѣсколько минутъ спустя, она очутилась въ кухнѣ просторной и опрятной квартиры. Она застала тамъ кухарку, которой вручила записку, полученную отъ книгопродавца. Кухарка отправилась въ господскія комнаты, Марта же усѣлась на деревянную скамейку. Она просидѣла тамъ добрыхъ десять минутъ. Господа Жентковскіе видно раздумывали, или совѣщались! Черезъ десять минутъ въ кухню вошла немолодая женщина пріятной наружности, одѣтая такъ, какъ одѣваются люди состоятельные. Она подошла къ Мартѣ, вставшей при видѣ ея и нѣсколько секундъ пристально смотрѣла на нее.

— Извините, пани, сказала она съ легкимъ замѣшательствомъ въ голосѣ—нѣсколько дней тому назадъ, намъ дѣйствительно нужна была горничная, но теперь намъ уже не нужно... очень сожалѣю... извините.

Сказавъ это, немолодая барыня поклонилась стоящей передъ ней женщинѣ гораздо вѣжливѣе, нежели обыкновенно кланяются кандидаткамъ въ горничныя, и вышла изъ кухни.

Въ комнатѣ, въ которую она вошла, сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ мужчина съ просѣдью и двѣ молоденькихъ барышни вышивали у окна...

— Что же? спросилъ пожилой мужчина — ты не наняла ее?

— Само собою разумѣется, не наняла... Вдова чиновника навѣрное требовала бы какого-нибудь особаго обращенія съ ней... Такая худенькая, нѣжная, куда ей тамъ комнаты подметать, или по цѣлымъ часамъ за утюгомъ стоять... навѣрно даже не умѣетъ ни стирать, ни гладить. Пришлось бы намъ возиться съ ней и больше ничего.

— Это правда, сказалъ мужъ немолодой барыни,—однако же жаль, что ты ее такъ ни съ чѣмъ отправила. Должно быть она очень бѣдна, если такая нѣжная, какъ ты говоришь и вдова чиновника, она хочетъ служить горничной, можетъ быть слѣдовало бы сдѣлать опытъ.!.

— Но, мой милый Игнатій, вѣдь панъ Лаврентій пишетъ, что у нея есть ребенокъ. Уже, помимо всего остальнаго, можемъ ли мы брать прислугу съ ребенкомъ?

— Это правда, это правда! съ ребенкомъ нельзя, большіе расходы и хлопоты... Богъ вѣсть, какой ребенокъ еще... Только такъ какъ Лаврентій намъ ее рекомендовалъ, то я боюсь, чтобы онъ на насъ не обидѣлся за то, что мы ее такъ отправили ни съ чѣмъ, чтобы онъ не принялъ насъ за людей безсердечныхъ...

— Ну! такъ ей надо тамъ дать что-нибудь! Я предпочитаю ужь разъ дать ей, хоть-бы рубль, нежели постоянно возиться... и мучиться... и еще брать въ домъ чужого ребенка.

Марта была уже на лѣстницѣ, когда услышала за собой быстрые шаги и дважды повторенное восклицаніе:

— Пани! постойте, пани!

Она оглянулась и увидѣла хорошенькую, молоденькую барышню, которая, кутаясь въ теплую кофточку, бѣжала за ней.

— Постойте, пани—начала молоденькая барышня, останавливаясь передъ вдовой—мама велѣла мнѣ очень извиниться передъ вами за то, что вы напрасно трудились прійти къ намъ... сегодня такъ холодно, а вы потрудились прійти къ намъ... Мама велѣла очень извиниться...

Она говорила это быстро и съ замѣшательствомъ; при послѣднихъ словахъ, она нѣсколько робкимъ движеніемъ протянула руку съ рублевкой. Марта колебалась секунду, но только секунду,—потомъ взяла изъ руки хорошенькой барышни шуршащую бумажку и сказала:

— Благодарю.

И ушла. По дорогѣ домой, она купила вязанку дровъ, немного чернаго хлѣба, ржаной муки и молока, хлѣбъ она предназначала для себя, молоко и муку для ребенка.

Въ этотъ день, она уже не ходила въ городъ. Она изготовила кушанье, состоявшее изъ молока и муки, налила его въ глиняную чашку и посадила передъ ней Янтю.

Но дѣвочка ѣла мало. Она была молчалива и необычайно задумчива. Маленькая головка ея, видно, мучительно ее тяготила, потому что она постоянно подпирала ее худенькой ручкой, потомъ она усѣлась на полъ подлѣ матери, легла къ ней на колѣни и уснула тяжелымъ, долгимъ сномъ.

На слѣдующій день Марта испугалась, взглянувъ при утреннемъ свѣтѣ на лицо своего ребенка; Янтя была еще блѣднѣе вчерашняго, въ впалыхъ и окруженныхъ синевой глазахъ ея можно было прочесть безмолвную, но трогательную жалобу. Молодая женщина отвернулась къ окну и стала судорожно ломать руки.

— Если я не предоставлю ей большихъ удобствъ, думала она,— дѣвочка захвораетъ... большихъ удобствъ, что за безумная мысль!.. Черезъ два-три дня мнѣ не чѣмъ будетъ отопить комнату и изготовить для нея чего-нибудь теплаго покушать. А! сказала она себѣ минуту спустя,—нечего дѣлать! надо итти и извиниться передъ Швейцовой?

Она пошла въ улицу Фрета. Отворяя двери мрачной мастерской, она еще больше удивилась себѣ, нежели тогда, когда она входила въ книжную лавку.

Правда, она чувствовала себя нѣсколько униженной, но это чувство было ничтожнымъ, въ сравненіи съ господствующей въ ней жаж-

дой быть снова принятой въ ту мастерскую, которую она два дня назадъ добровольно покинула.

Швейцова не выказала при видѣ ея ни малѣйшаго удивленія. По отвисшимъ губамъ величавой матроны промелькнула только быстрая улыбка и глаза ея сверкнули изъ-подъ очковъ. Работницы подняли головы и смотрѣли на пришедшую: однѣ съ любопытствомъ, другія съ ироніей и злобнымъ довольствомъ; подъ взглядами двадцати слишкомъ человѣкъ Марта почувствовала жгучее пламя на щекахъ и на лбу.

Это была страшная пытка, но она длилась одну секунду. Хозяйка мастерской и ея дочь перестали кроить холстъ.

Видно онѣ ждали отъ своей прежней работницы, что она заговоритъ первая.

— Пани! обращаясь къ Швейцовой, сказала Марта,—два дня тому назадъ я погорячилась, поступила необдуманно... Я обидѣлась тѣмъ, что вы мнѣ говорили, пани, и отвѣтила вамъ невѣжливо. Извините, пани. Если возможно... я хотѣла бы опять работать у васъ, пани.

Какъ сначала удивленія, такъ и теперь торжества не было замѣтно на лицѣ Швейцовой, наоборотъ, она улыбнулась слащаво и привѣтливо кивнула головой.

— О! милая пани Свицкая! начала она слащавымъ, медоточивымъ голосомъ—я не сержусь, вовсе не сержусь... и что же это, милостивый Боже, за важность услышать какую-нибудь невѣжливость, перенести непріятное слово. Вѣдь Искупитель намъ повелѣлъ повторять утромъ и вечеромъ—и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ! Я была бы непослушна слову Божію, если бы я сердилась на васъ, пани Свицкая, но принять васъ въ мою мастерскую я не могу; очень сожалѣю, но право уже не могу, потому что ваше мѣсто, пани Свицкая, со вчерашняго дня заняла другая работница...

При послѣднемъ словѣ она указала ножницами на молодую женщину, сидѣвшую на прежнемъ мѣстѣ Марты.

— Наша мастерская пользуется, слава Богу, наилучшей репутаціей... притомъ же мы не употребляемъ машинъ, которыя такъ ужасно истощаютъ силы и портятъ здоровье работницъ. За то же работницы и толпятся къ намъ, толпятся, настоящій наплывъ. Не проходитъ дня, чтобы двѣ или три личности не обращались къ намъ съ просьбою о работѣ. Нѣтъ недостатка, слава Богу, нѣтъ недостатка въ работницахъ, слишкомъ же много набирать ихъ мы не можемъ потому, что я и моя дочь, мы не желаемъ слишкомъ отягощать себя трудомъ. Итакъ теперь, когда у насъ набранъ полный составъ работницъ, даже больше нежели полный составъ, для васъ, пани Свицкая...

— А можетъ быть, мама, нашлась бы еще работа и для пани Свицкой—прошептала некрасивая дѣвушка, наклоняясь къ Мартѣ.

Она внимательно и съ любопытствомъ присматривалась къ Мартѣ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Въ маленькихъ, слегка косыхъ глазкахъ ея промелькнуло нѣчто въ родѣ состраданія.

Но Швейцова пожала плечами.

— Нѣтъ, сказала она, — нѣтъ работы, нѣтъ! Вѣдь не можемъ же мы ради того, чтобы принять пани Свицкую, покинувшую насъ добровольно, отказать вчера принятой паннѣ Софіи?

Услыхавъ послѣднія слова, женщина, сидящая на прежнемъ мѣстѣ Марты, подняла голову изъ-за работы и взглянула на хозяйку мастерской чуть ли не съ ужасомъ.

— Вы меня уже не примете, пани? спросила Марта!—Я не могу имѣть никакой надежды?

— Никакой, милая пани Свицкая, никакой! я очень сожалѣю, но мѣсто уже занято... не могу.

Марта едва замѣтнымъ движеніемъ кивнула головой и вышла изъ мастерской. Отворяя двери, она услышала позади себя шорохъ, сотканный изъ очень тихихъ перешептываній и еще болѣе тихаго хихиканья. Она поняла, что является предметомъ насмѣшки или безцѣльнаго сожалѣнія двадцати слишкомъ человѣкъ и снова почувствовала пламя въ груди и на лбу. Однако, когда она очутилась на улицѣ, то ею тотчасъ овладѣла единственная, исключительная мысль:

— Вѣдь не могу же я вернуться такъ съ пустыми руками?

Я должна непремѣнно сегодня теплѣе натопить комнату, а завтра изготовить дѣвочкѣ какое-нибудь мясное блюдо... иначе... она захвораетъ...

Съ минуту она шла такъ, точно не знала хорошенько куда идетъ, сворачивала налѣво и направо, останавливалась посреди троттуара съ поникшей головой, размышляла. Потомъ, увѣреннѣе уже и въ прямомъ направленіи, она пошла по улицѣ домой. Идя, она останавливала болѣе долгіе и пристальные взгляды на витринахъ магазиновъ. Передъ однимъ изъ такихъ магазиновъ она остановилась.

Это былъ магазинъ ювелирныхъ издѣлій, не слишкомъ большой и не слишкомъ изящный. Такого видно и искала молодая женщина, потому что, послѣ минутнаго раздумья, она отворила стеклянныя двери, возвышающіяся нѣсколькими ступенями надъ уровнемъ земли. Внѣшность магазина обманула ее. Онъ не былъ такимъ скромнымъ, какимъ казался. Наоборотъ, въ довольно просторной комнатѣ находилось значительное количество издѣлій изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Только настоящая

зажиточность, благодаря неумѣнью выказать ее или же обдуманному намѣренію, не выставлялась на показъ прохожимъ.

Что внѣшняя простота магазина обусловливалась обдуманнымъ намѣреніемъ его хозяина, можно было почти навѣрно утверждать, видя, какъ окруженный своими помощниками и учениками, онъ работалъ собственноручно. Это былъ приземистый, румяный человѣкъ съ просѣдью, съ добродушной улыбкой и весьма сметливыми маленькими пѣгими глазками. При видѣ входящей женщины, онъ всталъ и вѣжливо спросилъ, что ей угодно.

— Извините, панъ, если я попала не туда куда слѣдуетъ, сказала Марта,—я полагала, что вы можетъ быть купите у меня одну золотую вещичку.

— Почему же бы нѣтъ? сударыня моя милостивая, почему бы нѣтъ? отвѣчалъ ювелиръ со сметливыми, блестящими глазами — какая же это вещичка?

Съ минуту не было отвѣта. Марта стояла посреди магазина, съ глазами неподвижно устремленными въ землю.

Лицо ея, облеченное мраморной блѣдностью было оцѣпенѣлымъ и напряженнымъ. Можно было подумать, что она окончила разговоръ, начатый съ своимъ внутреннимъ я, и что она собиралась произнести именно послѣднее слово этого разговора, долженствующее выразить добытое тяжкимъ усиліемъ рѣшеніе.

— Какая же это вещичка? спросилъ вторично ювелиръ и съ легкимъ нетерпѣніемъ взглянулъ на свою работу.

— Обручальное кольцо—отвѣчала женщина.

— Обручальное кольцо! повторилъ протяжно ювелиръ.

— Обручальное кольцо, поднявъ головы, тихо прошептали помощники ювелира.

— Обручальное кольцо — проговорила еще разъ Марта, высунула изъ-подъ толстаго платка озябшую руку и сняла съ тонкаго пальца золотое кольцо.

Въ то же время она пошатнулась и, какъ бы чувствуя близкій обморокъ, безсознательнымъ движеніемъ искала чего-нибудь, на что она могла бы опереться.

— Садитесь, сударыня моя милостивая, садитесь! воскликнулъ ювелиръ, съ губъ котораго безслѣдно исчезла добродушная улыбка.

Одинъ изъ помощниковъ ювелира пододвинулъ къ женщинѣ табуретъ. Но Марта не сѣла. Она пережила одну изъ самыхъ тяжкихъ, можетъ быть, самую тяжкую изъ всѣхъ минутъ, которыми изобиловало ея трудное странствованіе по пути нищеты. Когда она стаскивала съ

пальца золотое кольцо, ей показалось, что она еще разъ и окончательно разстается съ единственнымъ человѣкомъ, котораго она любила на землѣ, съ счастливымъ, незабвеннымъ прошлымъ. Сердце ея судорожно сжалось, въ головѣ зашумѣло.

Но она уже пережила эту минуту. Силой воли вернула она улетучивающееся сознаніе, совершенно очнулась и подала ювелиру обручальное кольцо.

— Неужели это необходимо?

Боже мой, неужели это необходимо? спросилъ ювелиръ тономъ сострадания.

— Необходимо, коротко и сухо отвѣчала женщина.

— А! если вы желаете этого, пани, то лучше уже, если вы продадите эту вещь мнѣ, нежели кому-нибудь другому. Вы получите покрайней мѣрѣ за нее все, что она стоитъ.

Говоря это, онъ стоялъ уже за столомъ, заставленнымъ коробочками со стеклами, въ которыхъ лежали ювелирныя издѣлія, и бросилъ обручальное кольцо на небольшіе мѣдные вѣсы. Два металла, столкнувшись между собою, испустили звукъ чистый и протяжный.

— Хорошее золото, прошепталъ ювелиръ.

Марта отвернулась отъ колыхающихся чашекъ вѣсовъ. Взглядъ ея былъ теперь устремленъ на зрѣлище, на которое она до сихъ поръ не обращала вниманія. Это было очень простое зрѣлище. По обѣимъ сторонамъ продолговатаго стола сидѣло пятеро молодыхъ людей отъ пятнадцати до двадцати пяти лѣтъ съ тонкими орудіями въ рукахъ. Одни изъ нихъ шлифовали и полировали драгоцѣнные камни разныхъ размѣровъ, другіе растапливали золото на небольшихъ огонькахъ, лижущихъ края желѣзныхъ треножниковъ, одинъ рисовалъ узоры цѣпочекъ, браслетъ, брошекъ, серегъ, брелоковъ и тому подобныхъ ювелирныхъ издѣлій. Марта вперивала взглядъ въ каждую поочередно пару рукъ, двигающихся за продолговатымъ столомъ. Глаза ея, потухшіе за минуту, засверкали сильнымъ огнемъ. Въ нихъ выразилось лихорадочное любопытство, чуть ли не алчная жажда. Посмотрѣвъ такимъ образомъ минуты двѣ-три, она подмѣтила больше подробностей ювелирнаго мастерства, лучше поняла его свойство и сущность, нежели кто-нибудь другой, находящійся въ другомъ положеніи, могъ бы подмѣтить и понять въ теченіе долгихъ часовъ.

— Пожалуйте, сударыня моя милостивая, откликнулся изъ-за стола ювелиръ, — ваше обручальное кольцо стоитъ три рубля съ полтиной.

При звукѣ этого голоса Марта отвернулась отъ работниковъ и быстро подошла къ тому столу, за которымъ стоялъ ювелиръ.

— Пане! сказала она,—вѣдь эти господа ваши помощники?

— Да, пани, слегка удивленный неожиданнымъ вопросомъ, отвѣчалъ ювелиръ.

— И ваши ученики, навѣрно...

— Да, пани, отчасти и ученики.

Марта глубоко всматривалась блестящими глазами въ лицо стоящаго передъ нею человѣка.

— Не можете ли вы меня принять ученицей вашей и помощницей?

Маленькіе глазки ювелира широко открылись.

— Васъ пани! пролепеталъ онъ—какже это... зачѣмъ же это... но вѣдь это...

— Да, меня, повторила женщина увѣреннымъ голосомъ. Я безъ всякихъ средствъ къ жизни, я вижу, что ювелирное мастерство не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что было бы мнѣ не подъ силу; наоборотъ, мнѣ кажется, что я хорошо выполняла бы эту работу, такъ какъ тутъ нуженъ хорошій вкусъ, а я когда-то имѣла возможость развить его въ себѣ... Правда, сначала вамъ, панъ, пришлось бы учить меня, но это продолжится не долго... Ручаюсь вамъ, панъ, что я бы работала усердно и со смысломъ... наконецъ, я согласилась бы на самую ничтожную плату, какую бы то ни было... какую бы то ни было...

Ювелиръ оправился отъ удивленія. Онъ уже понялъ, къ чему стремилась женщина, принесшая ему продавать обручальное кольцо. Низкій лобъ его, однако, довольно явно нахмурился, въ быстрыхъ глазахъ мелькало замѣшательство.

— Видите, сударыня моя милостивая, началъ онъ—у меня, собственно, учениковъ нѣтъ въ магазинѣ, эти господа уже подготовлены, выучены...

Марта взглянула по направленію къ столу, за которымъ сидѣли работники. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который рисовалъ только что, вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Я умѣю рисовать сказала Марта,—т. е. быстро поправилась она—умѣю рисовать настолько, чтобы быть въ состояніи составлять соотвѣтствующіе узоры для ювелирныхъ издѣлій.

Проговоривъ эти слова съ лихорадочной поспѣшностью, она подошла къ продолговатому столу и усѣлась на мѣстѣ, только что покинутомъ ювелирнымъ рисовальщикомъ. Молодые люди, работающіе за столомъ, слегка отодвинули свои стулья, прервали работу и смотрѣли

на усѣвшуюся среди нихъ женщину съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ проніей. Безъ проніи, но съ большимъ удивленіемъ также смотрѣлъ на нее ювелиръ. Она не обращала ни на что вниманія, ничего не видѣла. Она схватила карандашъ и на клочкѣ бѣлой бумаги, который она нашла передъ собой тутъ же на столѣ, начала рисовать. Полнѣйшая тишина царила въ магазинѣ.

На склоненномъ лицѣ женщины выступилъ румянецъ, грудь ея дышала медленно и глубоко, рука увѣреннымъ движеніемъ, безъ малѣйшаго содроганія набрасывала на бумагѣ легкіе, короткіе, или длинные штрихи.

Рисовальщикъ, который за минуту вышелъ въ сосѣднюю комнату, вернулся въ магазинъ, но, увидѣвъ свое мѣсто занятымъ, остановился на порогѣ; это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати можетъ быть, щегольски одѣтый, съ завитыми волосами и вылощенными усиками. Онъ засунулъ руки въ карманы, небрежно оперся объ уголъ стѣны и съ улыбкою на губахъ обмѣнивался съ товарищами шутливыми взглядами.

— Но, сударыня моя милостивая... откликнулся съ легкимъ нетерпѣніемъ ювелиръ.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчала Марта, не отрывая глазъ отъ своей работы.

Минуту спустя она встала и подала ювелиру листъ, на которомъ рисовала.

— Вотъ узоръ браслета, сказала она.

Ювелиръ вперилъ взглядъ въ рисунокъ. Узоръ былъ нарисованъ очень хорошо. Онъ состоялъ изъ вѣнка широкихъ, стройныхъ листьевъ, застегнутыхъ круглой, гладкой пряжкой, обвитой только извилистыми стеблями.

Браслетъ, изготовленный по этому узору, соединялъ бы въ себѣ два главныя достоинства такихъ издѣлій: простоту и изящество.

— Хорошо! нечего сказать! очень хорошо! говорилъ ювелиръ, сгибая голову на обѣ стороны и съ видомъ удовлетвореннаго знатока присматриваясь къ рисунку.—Хорошо! очень хорошо! повторилъ онъ, но на этотъ разъ съ легкимъ замѣшательствомъ. Ваши рисунки, пани, могли бы быть мнѣ очень полезны, но... но...

Онъ умолкъ и очевидно, силясь соотвѣтствующимъ образомъ выразить свою мысль, потеръ ладонью свой густой, начинающій сѣдѣть хохолъ.

Молодой человѣкъ, стоящій въ дверяхъ, продолжалъ улыбаться.

— О, Боже! проговорилъ онъ, пожимая плечами—если вы стѣсняетесь панъ принять эту даму въ рисоваль... какже это сказать... ну, въ рисовальщицы...

Сидящій у стола пятнадцатилѣній мальчуганъ фыркнулъ отъ смѣха. Молодой человѣкъ съ завитыми волосами продолжалъ:

— Итакъ, если вы стѣсняетесь, панъ, исполнить желаніе этой дамы изъ-за меня, то прошу васъ, не церемоньтесь. Вѣдь вы знаете, что я и безъ того проработаю у васъ не больше какъ недѣли двѣ, потому что я къ этому времени навѣрно получу мѣсто въ конторѣ архитектора города Варшавы...

Онъ говорилъ это съ легкой ироніей и полнѣйшей беззаботностью. Въ немъ было видно человѣка, для котораго ювелирный магазинъ являлся только станціей на пути къ должностямъ высшимъ и выгоднѣйшимъ.

— Да, да, сказалъ ювелиръ.— Я знаю, что вы, панъ, скоро покините меня... но вѣдь не могу же я, однако...

— Сколько вы, панъ, платите этому господину? прервала его слова Марта.

Ювелиръ назвалъ цифру платы, ежедневно получаемой отъ него завитымъ юношей.

— Я соглашусь на половину этой платы, сказала женщина.

На этотъ разъ ювелиръ уже обѣими ладонями потеръ хохолъ.

— Ай! ай! воскликнулъ онъ, переходя отъ одного стола къ другому—вотъ такъ задачу задали вы мнѣ, пани.

Онъ взглянулъ мимоходомъ на нарисованный Мартой узоръ браслета.

— Хорошо! нечего сказать! очень хорошо! Ай! ай! повторилъ онъ и его смѣтливые глаза тревожно окидывали магазинъ. Очевидно онъ боролся самъ съ собой, или въ немъ боролось желаніе заполучить хорошую и очень дешевую работницу, съ опасеніемъ ввести въ магазинъ до сихъ поръ небывалое нововведеніе.

Онъ остановился посреди магазина и, глядя на своихъ помощниковъ, проговорилъ вопросительнымъ тономъ:

— Га? что?

Вѣроятно краткіе эти вопросы онъ задавалъ самому себѣ, но, какъ бы съ нагляднымъ отвѣтомъ, встрѣтился съ глазу на глазъ съ четырьмя лицами сидящихъ за столомъ работниковъ. На этихъ лицахъ выражалось нѣкоторое удивленіе, но гораздо болѣе насмѣшка. Что же касается до юноши съ завитыми волосами, то тотъ засмѣялся почти вслухъ и,

какъ бы съ намѣреніемъ до-сыта нахохотаться, выскочилъ въ сосѣднюю комнату.

Чему эти люди улыбались и надъ чѣмъ смѣялись?

Трудно было бы на это отвѣтить, или вѣрнѣе долго бы пришлось объ этомъ говорить. Ювелиръ, однако же, въ этихъ улыбкахъ вѣрно увидѣлъ подтвержденіе своихъ опасеній и сомнѣній. Онъ сдѣлалъ обѣими руками выразительное движеніе и, глядя на Марту, воскликнулъ:

— Но, сударыня моя милостивая! Вѣдь вы, сударыня моя милостивая, женщина!

Это восклицаніе было вполнѣ добродушнымъ. Въ немъ зазвучало даже сожалѣніе промышленника, который ради соображеній, не имѣющихъ непосредственной связи съ дѣломъ, долженъ былъ отказаться отъ выгодной сдѣлки.

Марта улыбнулась.

— Я женщина, сказала она, — да, это правда. Но чтожъ изъ этого? Я умѣю рисовать узоры...

— Ну да! да! потирая хохолъ и усаживаясь между своими помощниками, воскликнулъ ювелиръ,—но видите пани, это было бы дѣло новое, совершенно новое... Я же, признаюсь, не особенно люблю всякія новшества!.. Какъ вы видите, пани, у меня тутъ работаютъ молодые люди... свѣтъ золъ... Вы понимаете пани?

— Понимаю, прервала Марта,—и благодарю васъ, панъ, за объясненія, которыя вовсе не новость для меня. Покупаете вы мое обручальное кольцо?

— Покупаю, сударыня моя милостивая, покупаю...

Онъ соскочилъ со стула, подбѣжалъ къ другому столу, выдвинулъ ящикъ и простоялъ надъ нимъ съ минуту задумавшись.

— Вотъ деньги, сказалъ онъ, подавая женщинѣ двѣ бумажки.

Марта кивнула головой и направлялась къ дверямъ. На порогѣ уже, она обернулась лицемъ къ ювелиру.

— Вы говорили мнѣ, панъ, что мое кольцо стоитъ три съ полтиной, а дали мнѣ четыре. Слѣдовательно, я получила лишній полтинникъ.

— Но, сударыня моя милостивая, пролепеталъ ювелиръ,—я думалъ... полагалъ... хотѣлъ... Вы, сударыня моя милостивая, нарисовали мнѣ узоръ...

— Понимаю, прервала его Марта, и благодарю васъ, панъ.

Который уже это разъ съ той поры, какъ она начала волочить отъ одной двери человѣческой до другой свою нищету и насущныя потребности, вмѣсто желаннаго труда, она получала милостыню.

Марта, покинувъ магазинъ ювелира, не плакала, не ускоряла и не замедляла шага.

Безъ слезы, безъ улыбки и безъ вздоха она шла прямо къ своей квартирѣ ровнымъ, постоянно одинаковымъ, шагомъ.

Часъ тому назадъ она думала, что по полученіи денегъ за проданное обручальное кольцо, она сегодня же купитъ дровъ для того, чтобы лучше истопить комнату на ночь, съѣстныхъ припасовъ, чтобы состряпать ребенку питательное блюдо. Однако, она не выполнила этихъ намѣреній своихъ, не пошла въ лавку за съѣстными припасами, можно было бы подумать, что она или забыла обо всемъ на свѣтѣ, или не имѣла силъ пойти дальше, или же мужества отправиться куда-нибудь, кромѣ этой, помѣщающейся высоко, голой и холодной норы, которая была ея жилищемъ. До этого дня, всякій разъ, возвращаясь домой, она всегда поспѣшно бѣжала по лѣстницѣ, теперь же она медленно поднималась по ней, раза два она споткнулась о крутую ступень, не видя ее среди ниспадающаго сумрака, или не видя ничего вокругъ себя. Безмолвная и холодная, какъ могила, вошла она въ комнату, бросила только мимолетный взглядъ на скорчившуюся у печки дѣвочку, не заговорила съ ней, сняла съ головы платокъ и подошла къ лежащей на полу постели. Глаза ея стеклянно смотрѣли въ пространство.

— Поддонокъ общества! прошептала она, опустилась на полъ и легла неподвижная, запрятавъ лицо въ подушки съ руками, сплетенными надъ головой.

Янтя скорѣе подползла, нежели подошла къ тому мѣсту, на которомъ покоилась ея молчащая мать, усѣлась у подножія постели, худыми, озябшими ручками обвила свои поднятыя колѣни и оперлась на нихъ, очевидно, тяготившей ее головкой.

Глубокое молчаніе царило въ комнатѣ, только за окномъ, внизу, на широкомъ пространствѣ шумѣлъ и гудѣлъ большой городъ, посылая глухой, волнующійся отголосокъ своего гула въ эту каморку, въ которой, покинутыя, повидимому, Богомъ и людьми, каменѣли въ объятіяхъ несчастія и медленно испускали духъ—женщина и ребенокъ.

Марта лежала на жесткой постели, неподвижная какъ статуя, безъ всякой мысли въ головѣ, не ощущая ничего, кромѣ смертельной усталости. Трудъ, умѣло выполняемый и справедливо вознаграждаемый, является самымъ дѣйствительнымъ, можетъ быть, единственнымъ дѣйствительнымъ предупредительнымъ лекарствомъ отъ болѣзней тѣла и души. Но ничто такъ быстро и до дна не истощаетъ физическихъ и нравственныхъ силъ, какъ метаніе на различные пути труда, лихорадочные поиски его и отчаяніе, когда его не находишь.

Марта теперь уже не видѣла передъ собой никакого исхода. Правда, былъ одинъ, всегда открытый для нея, но тотъ привелъ бы ее туда, въ эту квартиру въ Королевской улицѣ и заставилъ бы ее сказать этой женщинѣ съ увядшимъ лбомъ и распущенными волосами: „Я возвращаюсь! ты говорила правду! я не человѣкъ, я вещь!“ Но въ груди молодой женщины были инстинкты, чувства, воспоминанія, которые отталкивали ее отъ этого исхода, которые дѣлали его невозможнымъ для нея. Зато она и не думала о немъ, какъ и не думала ни о чемъ въ настоящую минуту. Вдругъ она услышала, какъ бы сквозь сонъ, хриплый, удушливый кашель. Этотъ звукъ заставилъ ее содрогнутся и въ одно мгновеніе вызвалъ изъ каменной неподвижности. Она соскочила съ постели и усѣлась, выпрямившись.

— Что это, ты кашляла, Янтя?

— Я, мама.

Голосъ матери былъ дрожащій и подавленный, ребенка—тихій и хриплый.

Она схватила дѣвочку на руки и посадила ее къ себѣ на колѣни. Рукой она дотронулась до лба, который горѣлъ, приложила ладонь къ груди, въ которой дѣтское сердечко билось съ судорожной, раздирающей силой.

— О, Боже мой! простонала женщина,—только не это! Все уже, все, только не это!

Въ глубокомъ сумракѣ она не могла ясно разглядѣть лица дочери. Она зажгла маленькую лампочку и, держа въ объятіяхъ четырехлѣтнюю дѣвочку, какъ груднаго младенца, выставила ея голову на свѣтъ; щеки ребенка горѣли румянцемъ лихорадки, расширенные зрачки смотрѣли съ глубокой, хотя и безмолвной жалобой, она закашляла второй разъ, и безпомощно склонила отяжелѣвшую голову на плечо матери.

Въ полночь съ высокой лѣстницы каменнаго дома сбѣгала женщина въ черномъ платкѣ на головѣ. Вокругъ нея царила почти полнѣйшая тьма, однако же, она не пошатнулась, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, не спотыкалась о крутыя ступени, и не останавливалась среди улицы, чтобы передохнуть. Можно было бы сказать, что у нея были крылья за плечами и это не было бы вовсе пустымъ преувеличеніемъ. Дѣйствительно, ее несли и чуть ли не надъ землей поднимали скорбь и ужасъ.

Не прошло и получаса, какъ она вернулась, но не одна.

Съ нею шелъ еще довольно молодой человѣкъ въ цилиндрѣ и хорошей шубѣ. Они вошли въ комнату и оба подошли къ розостланной на полу постели. Ребенокъ съ пылающимъ лихорадочно лицомъ метался на ней съ почти непрерывнымъ кашлемъ и несвязными жалобами.

Докторъ оглянулся, ища стула, и, не увидѣвъ его, онъ опустился на колѣни на полъ. Женщина стояла въ ногахъ у постели безмолвная и неподвижная съ мрачнымъ огнемъ къ глазахъ.

— Какъ тутъ холодно! сказалъ мужчина, вставая.

Женщина ничего не отвѣчала.

— На чемъ же я буду писать?

На окнѣ стояла банка чернилъ, лежали перо и листъ бумаги; докторъ, согнувшись, написалъ рецептъ.

— У ребенка воспаленіе дыхательнаго канала, иначе бронхитъ. Отопите комнату, пани, и давайте лѣкарство аккуратно.

Онъ сказалъ еще нѣсколько словъ и поднялъ съ полу шляпу.

Женщина полѣзла въ карманъ и молча протянула руку съ бумажкой въ ладони. Докторъ еще разъ окинулъ комнату быстрымъ взглядомъ и не протянулъ руки.

Не надо! сказалъ онъ уже у порога,—не надо! Ребенокъ слабъ и истощенъ. Болѣзнь затянется долго и навѣрно придется прописывать много лѣкарствъ.

Онъ ушелъ. Вдова упала на колѣни передъ низкой постелью, прильнула грудью къ дѣтской грудкѣ.

— О, мое дитя! единственное дитя мое! шептала она, — прости твоей матери, прости! Я не сумѣла обогрѣть тебя и накормить, отдала тебя на жертву холоду и голоду! Ты слаба, истощена... ты больна! О, дитя мое!..

Она безпомощно соскользнула съ постели, стукнулась лбомъ о полъ и запустила руку въ волосы.

— О! какая я подлая, негодная, преступная!

Часъ спустя, принесенное уже изъ города лѣкарство стояло подлѣ больного ребенка; въ то время какъ разсвѣло и открылись лавки, торгующія съѣстными припасами, веселый огонь горѣлъ въ печкѣ и наполнялъ комнату бодрящей теплотой.

Слова доктора оправдались. Болѣзнь Янти тянулась долго. Докторъ, ежедневно навѣщавшій больную, пришелъ уже въ десятый разъ. Ребенокъ былъ еще въ сильной лихорадкѣ; затрудненное и хриплое дыханіе его, подобное скрежету пилы, раздавалось въ каморкѣ.

Марта опять стояла безмолвная и неподвижная у подножія постели. Докторъ обратился къ ней.

— Не теряйте надежды, пани, сказалъ онъ кротко —ребенокъ можетъ выздоровѣть, но теперь, въ особенности сегодня, завтра ему нуженъ необыкновенно усердный уходъ. Сегодня тутъ опять слишкомъ холодно. Температура должна быть нагрѣта по крайней мѣрѣ нѣсколькими

градусами выше. Лѣкарство же, которое я прописалъ, принесите какъ можно скорѣе, пани, и давайте его ребенку всю ночь безъ перерыва. Можетъ быть оно чуточку дорого, но это уже единственное спасеніе.

Онъ ушелъ, Марта стояла посреди каморки, скрестивъ руки на груди и вперивъ глаза въ землю.

Нагрѣть температуру комнаты! чѣмъ? Купить лѣкарства! на что?

У нея уже не было ни гроша въ карманѣ. Въ первый день болѣзни ребенка у нея было четыре рубля и, эти сокровища поглотила печка, которую топили каждый день и аптека, въ которую Марта бѣгала нѣсколько разъ въ сутки.

Теперь она уже не рвала на себѣ волосъ, не падала на полъ и не ударяла себя въ грудь съ безграничной покорностью. Она была только тѣнью прежней Марты. Исхудалое и пожелтѣвшее лицо ея облеклось выраженіемъ страданія, которое, ставъ ея обычнымъ душевнымъ состояніемъ, проникнувъ въ самыя мелкія волокна тѣла, кипѣло въ груди и въ головѣ глухо, безмолвно, но непрерывно. Посинѣвшія губы женщины были крѣпко сжаты, какъ у такого человѣка, который привыкъ за стиснутыми зубами сдерживать стоны и вопли, потухшіе глаза ея стекляннымъ взглядомъ окидывали комнату.

Можетъ быть найдется еще что-нибудь продать.

Нѣтъ, ничего не было, кромѣ подушки, на которую опиралась голова больного ребенка, шерстяного одѣяла, подъ которымъ дышало его охрипшая грудь, двухъ рубашекъ и старыхъ дѣтскихъ платьевъ, за которыя никто не дастъ даже столько, чтобы заплатить за вязанку дровъ; женщина безпомощно опустила руки.

— Что же мнѣ дѣлать? прошептала она,—что же я могу сдѣлать? пусть умираетъ! я лягу рядомъ съ ней и умру съ ней вмѣстѣ.

Въ эту минуту ребенокъ заметался на постели и испустилъ слабый крикъ. Въ этомъ крикѣ зазвучалъ какъ бы радостный смѣхъ и несвязный стонъ скорби.

— Отецъ! воскликнула дѣвочка, протягивая въ воздухѣ обѣ худыя и пылающія ручки,—отецъ! отецъ!..

О, горе! убійственная лихорадка вызвала передъ глазами малютки образъ ея отца, она улыбнулась ему, застонала, жалуясь ему и взывала о помощи.

Марта подняла склоненную до этого голову, изъ глазъ ея, за минуту сухихъ и потухшихъ, внезапно хлынули слезы. Она начала ломать руки и сквозь стеклянную оболочку слезъ всматривалась въ дѣтское личико.

— Ты призываешь отца, прошептала она съ вздымающейся и волнующейся грудью,—онъ бы могъ навѣрно спасти тебя! Онъ заработалъ бы тебѣ раньше на тепло и пищу, а теперь на лѣкарство.

Она постояла съ минуту и молчала. Вдругъ она бросилась къ постели и остановилась надъ ней.

— А! воскликнула она—и я также не оставлю тебя безъ помощи! Отецъ работалъ бы для тебя... Мать пойдетъ просить милостыню. Пожелтѣвшія щеки ея покрылись жгучимъ румянцемъ, въ глазахъ засверкалъ огонь сильной рѣшимости.

Накинувъ на голову черный платокъ, она сбѣжала внизъ въ дворницкую. Тамъ у огня, на которомъ жарилось кушанье, сидѣла женщина въ большомъ чепцѣ и грубой обуви. Марта остановилась передъ ней, задыхаясь отъ усталости.

— Пани! воскликнула она—изъ жалости... изъ милосердія...

— Навѣрно денегъ! проворчала женщина — у меня ихъ нѣтъ, нѣтъ, откуда мнѣ ихъ взять...

— Нѣтъ, нѣтъ не денегъ! Я пойду за ними въ городъ; посидите пока у моего больного ребенка, пани!

Женщина скорчила гримасу, хотя уже не такую сердитую, какъ прежде.

— Развѣ у меня есть время сидѣть у вашего больного ребенка, сударыня...

Мать нагнулась, схватила большую, грубую, жесткую руку женщины и прижалась къ ней губами.

— Изъ жалости, пани, изъ милосердія! посидите у нее... она все пить хочетъ... мечется и соскакиваетъ, сегодня нельзя оставить ее одну...

Она цѣловала ту руку, которая еще недавно наносила удары ея ребенку.

— Ну, ну, что вы это дѣлаете, сударушка! пойду ужъ и посижу, только не мѣшкайте долго, потому что черезъ часъ у меня ребенокъ вернется изъ школы и мнѣ надо его накормить...

Темная фигура женщины мелькнула въ сумракѣ подъ сводами воротъ каменнаго дома.

— Пойду... протяну руку... выпрошу... шептала про себя Марта.

Она выбѣжала на улицу, остановилась, подумала еще съ минуту и помчалась по направленію къ Св. Юрьевской улицѣ. Огненныя крылья, изъ которыхъ однимъ была скорбь, другимъ ужасъ, опять несли ее съ изумительной быстротой. Слѣпая, глухая, не чувствуя толчковъ прохожихъ, не обращая вниманія на то, что они огрызались и оглядывались, какъ молнія пронизывала она, преграждавшія ей путь толпы и

мчалась по тротуарамъ туда, гдѣ находилась одна изъ сострадательныхъ рукъ, встрѣченныхъ ею. Наконецъ, она остановилась у воротъ, въ которыя она когда-то входила съ радостью, надеждой, гордостью, глубоко вздохнула, быстро поднялась по освѣщенной лѣстницѣ и дрожащей рукой нажала пуговку электрическаго звонка. Двери отворились, молодая нарядная, вертлявая горничная, стояла на порогѣ, въ то же время волна свѣта бросилась въ глаза и волна шума, состоящаго изъ человѣческихъ голосовъ, поразила слухъ пришедшей женщины. Передняя была ярко освѣщена, за ведущими въ залу дверями шептало, болтало, смѣялось нѣсколько, можетъ быть нѣсколько десятковъ человѣческихъ голосовъ.

— Что вамъ угодно, пани? спросила служанка.

— У меня дѣло къ пани Рудзинской.

— О, такъ придите завтра, пани. Сегодня у моихъ господъ назначенный день, гости только что собрались, моей барынѣ нельзя выйти изъ залы...

Марта отступила на лѣстницу. Служанка заперла за нею дверь. За этими дверями обитала дѣйствительно добрая, искренно сострадательная женщина. Сострадательная рука ея, однако, не могла въ данную минуту открыться для Марты, и это было очень естественное явленіе. Сострадательныя руки вообще отличаются жестокимъ свойствомъ ненадежности. Вѣдь даже лучшій изъ людей не можетъ посвятить каждой минуты своей жизни добрымъ дѣламъ. Нетолько неотложные труды и личныя заботы, но и невинные, отчасти обязательные, даже иногда общественные интересы отвлекаютъ къ другимъ цѣлямъ и дѣйствіямъ сострадательную руку, не дозволяя ей быть для человѣческой скорби и горести непоколебимой опорой.

Марта теперь шла, вѣрнѣе бѣжала къ Краковскому предмѣстью. Навѣрно ей вспомнился благодѣтельный книгопродавецъ. Однако, едва она очутилась у дверей книжной лавки и заглянула въ окна, какъ отступила на тротуаръ. Она увидѣла въ книжной лавкѣ нѣсколько человѣкъ: двухъ нарядныхъ барынь, двоихъ мужчинъ съ веселыми лицами, выбиравшихъ и покупавшихъ книги.

* * *

Это было между семью и восемью часами вечера, а слѣдовательно въ ту пору, когда внутри и извнѣ большой городъ кипитъ самымъ бурнымъ движеніемъ, блеститъ самыми роскошными нарядами, когда въ немъ ярче всего проявляются плоды цивилизаціи, царящіе во внутренности зданій и заливающіе улицы и широкія пространства яркимъ свѣтомъ, музыкой,

толпами, шумомъ. Вечерняя жизнь, это половина жизни, и можетъ быть, бо́льшая для населенія города, на небѣ котораго въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ солнце сіяетъ только нѣсколько часовъ въ день.

Краковское предмѣстье кишѣло движеніемъ, кипѣло жизнью и суетою, которымъ благопріятствовалъ ясный вечеръ. Мелкій мартовскій снѣжокъ выпалъ на замерзшую еще землю и очистилъ небо отъ бѣловатыхъ облаковъ. Теперь небесный шатеръ разстилался надъ городомъ, глубокій, темный, звѣздный.

Непрерывный стукъ колесъ, подобно безконечнымъ раскатамъ грома, раздавался посрединѣ широкой улицы. На тротуарахъ волновались тысячи головъ человѣческихъ. Тамъ было почти такъ же свѣтло, какъ днемъ, потому что, кромѣ часто разставленныхъ газовыхъ фонарей, многіе магазины изливали на широкое пространство потоки свѣта.

На тротуарахъ главныхъ улицъ Варшавы никогда не бываетъ такъ многолюдно, какъ именно въ эту пору. Вѣдь это пора и тружениковъ и праздношатающихся. Труженики спѣшатъ на отдыхъ или развлеченіе, праздношатающіеся наслаждаются свойственными имъ стихіями: суматохой, въ которую они вслушиваются безсмысленно, разнообразіемъ зрѣлищъ, на которыя они зѣваютъ, блескомъ, нѣжащимъ ихъ зрѣніе, а можетъ быть и таинственнымъ полумракомъ вечера. Въ этой бѣгущей, спѣшащей, шумливой толпѣ найдется, конечно, много сострадательныхъ душъ, но души эти заняты теперь чѣмъ-то другимъ, а не состраданіемъ. Ихъ охватилъ водоворотъ жизни; кончающійся день призывалъ къ поспѣшности; развлеченія, выгоды, чувства въ эту пору овладѣли воображеніемъ, заняли мысли, указали цѣль торопливымъ шагамъ. Кромѣ этого, при искусственномъ освѣщеніи, менѣе ясно, нежели при дневномъ, выступаютъ морщины на лицѣ страдающаго; въ потухшихъ глазахъ отражаются лучи лампъ, придавая блескъ здоровья и жизни, стукъ и суматоха заглушаютъ голосъ, вырывающійся изъ измученной груди. Сострадательныя же руки останавливаются преимущественно и всего дольше тамъ, гдѣ скелетъ нужды громче всего стучитъ обнаженными костями, ужаснѣе всего смотритъ мертвыми глазами.

Марта была уже четверть часа на Краковскомъ предмѣстьѣ.

Четверть часа! годъ, вѣкъ, съ начала временъ.

Она уже не бѣжала теперь, но шла медленно, оцѣпенѣлая, безмолвная съ неподвижнымъ лицомъ и глазами, окидывающими прохожихъ стекляннымъ взглядомъ.

Огненныя крылья, которыя, часъ тому назадъ она чувствовала за плечами, теперь повисли; ею снова овладѣла смертельная усталость. Однако, она шла по полосамъ свѣта; въ полумракѣ, передъ ней, надъ

ней, рядомъ съ ней, между звѣздами неба и человѣческими лицами на землѣ, носилось и съ молчаливой жалобой смотрѣло на нее лицо ея ребенка. Она шла потому, что при видѣ людей въ головѣ ея впервые ясно зародилась обвиняющая мысль. Обида на людей закипѣла въ ея груди всѣми слезами, застывшими въ ней, а теперь медленно превращающимися въ жгучій кипятокъ. Она въ первый разъ думала, что это люди виновны въ ея безграничномъ несчастіи, что они обязаны нести бремя жизни ея и ея ребенка. Въ эту минуту въ ней окончательно потухло чувство личной отвѣтственности. Она чувствовала себя слабой, какъ ребенокъ, безсильной и утомленной, какъ умирающій.

— Эти сильные, думала она—эти умѣлые, эти счастливые—пусть они дѣлятся со мной тѣмъ, что имъ дало общество, со мной, которой оно не хотѣло ничего дать.

Однако же она еще ни разу не протянула руки.

Каждый разъ, какъ она проходила мимо какой-нибудь стройной, нарядной женщины, она высовывала руку изъ-за складокъ своего грубаго платка, но не протягивала, открывала ротъ, но ничего не произносила. Ослабѣвшій голосъ ея робко отступалъ передъ уличнымъ шумомъ, въ которомъ ему пришлось бы утонуть неуслышаннымъ, по рукѣ ударяла невидимая сила и она опускалась внизъ.

Была ли это еще сила стыда?

Однако-же онъ стоналъ тамъ бѣдный, больной ребенокъ бѣдной женщины, метался на своей жесткой постели и сожженными лихорадкой губами, охрипшей и изнывающей грудью призывалъ отца!

Двѣ барыни въ бархатныхъ накидкахъ, шли рядомъ, и поспѣшно и весело разговаривали. Одна изъ нихъ была молода и прекрасна, какъ ангелъ.

Марта преградила имъ путь.

— Пани! проговорила она,—пани.

Голосъ ея былъ тихъ, но не плаксивъ. Она не умѣла настроить его, не думала, можетъ быть, о томъ, чтобы придать ему нищенскій тонъ. Поэтому-то и идущія барыни не поняли значенія ея восклицанія. Поспѣшно прошли онѣ мимо нея шага два, но потомъ остановились, и одна изъ нихъ, оборачиваясь, спросила:—А что тамъ случилось, сударыня моя? потеряли мы что-нибудь, что ли?

Отвѣта не было, потому что Марта свернула въ противоположную сторону и пошла далѣе такъ быстро, точно хотѣла убѣжать и отъ этихъ барынь и отъ того мѣста, гдѣ она окликала ихъ.

Она замедлила шагъ: на пожелтѣвшихъ, увядшихъ щекахъ ея начали выступать кровавыя пятна румянца; это былъ отпечатокъ сожи-

гающей ее лихорадки. Въ потухшихъ глазахъ мелькали рѣзкія, пронизывающія искры. Это было зарево того пожара мрачныхъ мыслей, который охватывалъ ея голову.

Она замедлила шагъ, опять остановилась. По троттуару шелъ мужчина, слегка сгорбившійся подъ излишней для него вѣроятно тяжестью теплой шубы. Марта заглянула проницательнымъ взглядомъ въ лицо прохожаго. Это было добродушное, кроткое лицо съ густыми, какъ молоко бѣлыми усами.

Она опять высунула руку изъ-за складокъ платка, однако, не протягивая ее, громче прежняго проговорила: пане! пане!

Мужчина собирался пройти мимо, однако внезапно остановился, заглянулъ въ лицо женщины, на которое падалъ отблескъ лампъ изъ широкаго окна, понялъ, что ей было нужно. Онъ засунулъ руку въ карманъ сюртука, вынулъ оттуда маленькій кошелекъ, казалось, искалъ чего то среди мелочи, нашелъ то, чего искалъ, сунулъ въ руки женщины мелкую монетку и отошелъ. Марта взглянула на полученное подаяніе и глухо засмѣялась. Она выкляньчила десять грошей.

У сѣдого, сгорбленнаго прохожаго была сострадательная рука. Но могъ ли онъ знать какія потребности были у взывающей къ его помощи женщины? А если бы онъ и зналъ о нихъ, захотѣлъ ли бы онъ, могъ ли бы ихъ удовлетворить? Сколько же разъ нищенствующей женщинѣ придется протянуть руку, прежде чѣмъ изъ подобныхъ подачекъ составится величайшее теперь богатство для нея—вязанка дровъ, склянка лѣкарства.

Просящая милостыни женщина шла далѣе, оцѣпенѣлая, безмолвная съ мелкой монеткой въ судорожно сжатой ладони. Она опять остановилась. Не на прохожихъ глядѣла она теперь, но заглядывала въ прозрачное, широкое, сверкающее свѣтомъ окно. Это было окно магазина, который при искусственномъ освѣщеніи казался заколдованнымъ дворцомъ.

Въ глубинѣ этотъ магазинъ былъ украшенъ мраморными колоннами, среди которыхъ свѣшивались роскошныя складки пурпуровыхъ занавѣсей, развѣшанные по стѣнамъ узорчатые ковры нѣжили взглядъ красками розъ и зеленью травы, на фонѣ ихъ бѣлѣли мраморныя статуи. На изящныхъ подставкахъ тамъ возвышались вѣтвистые канделябры, серебряныя вазы и кубки, фарфоровыя корзины и хрустальные колпаки, прикрывающіе группы мраморныхъ статуэтокъ.

Однако, не на всю эту красоту и богатство устремлялись черные, разгорѣвшіеся глаза, заглядывающіе съ улицы внутрь магазина.

За длиннымъ палисандровымъ столомъ, увѣшаннымъ какъ бы вѣнками гигантскихъ цвѣтовъ, узорчатыми и пушистыми коврами, стояло двое

мужчинъ. Одинъ изъ нихъ былъ продавцемъ, другой покупателемъ. Они разговаривали съ оживленіемъ; у продающаго было повеселѣвшее лицо, покупатель казался задумчивымъ и нѣсколько озабоченнымъ, вѣроятно—выборомъ, который ему предстояло сдѣлать между предметами, изъ которыхъ каждый являлся образцовымъ произведеніемъ искусства и промышленности.

Стеклянныя двери медленно отворились; въ богатый магазинъ вошла женщина съ широкой бѣлой тесьмой на подолѣ чернаго платья, въ большомъ черномъ платкѣ, прикрывающемъ ей голову и скрещенномъ на груди. Пожелтѣвшій и сморщенный лобъ этой женщины былъ наполовину прикрытъ выбивающимися изъ-подъ платка волосами! на щекахъ выступилъ багровый румянецъ, зато губы были почти такъ же бѣлы, какъ бумага.

При звукѣ, который издали отворявшіяся двери, двое мужчинъ взглянули по направленію къ входившей. Она стала у двери, неподалеку отъ мраморной консоли, стоявшей пониже большого зеркала.

Въ этотъ пріютъ богатства она проскользнула какъ призракъ и какъ призракъ стояла у стѣны, неподвижная, безмолвная.

— Что вамъ угодно, сударыня спросилъ купецъ,—слегка нагнувъ голову и изъ-за букета искусственныхъ цвѣтовъ поглядывая на темную, неподвижную фигуру.

Но она не смотрѣла на него. Она вперила глаза въ лицо покупающаго барина, который, въ богатой, небрежно накинутой на плечи шубѣ, положивъ бѣлую руку на узорчатый коверъ, посматривалъ на нее разсѣяннымъ взглядомъ.

— Что вамъ угодно, сударыня? повторилъ свой вопросъ купецъ, окидывая съ ногъ до головы взглядомъ темную фигуру и прибавилъ суровѣе:

— Отчего вы не отвѣчаете, пани?

Она продолжала смотрѣть на мужчину въ богатой шубѣ.

Можно было бы подумать, что грудь ея раздирала чья-то жестокая рука, а голову охватывало пламя, потому что дыханіе ея все учащалось, а щеки и лобъ покрылись багровымъ румянцемъ. Вдругъ она высунула руку изъ-за складокъ платка и протянула ее слегка впередъ. Посинѣлыя, дрожащія губы ея открывались и закрывались нѣсколько разъ.

— Пане! проговорила она наконецъ,—добрый пане! на лѣкарство моему больному ребенку.

Рука ея худая и озябшая тряслась какъ осиновый листъ, въ пронизывающемъ голосѣ ея уже звучали протяжные и жалобные звуки нищенства.

Мужчина въ богатой шубѣ посмотрѣлъ на нее съ минуту и слегка пожалъ плечами.

— Голубушка! сказалъ онъ сухо,—неужели тебѣ не стыдно нищенствовать? Ты молода и здорова, можешь работать!

Проговоривъ это, онъ обернулся къ палисандровому столу, на которомъ лежали ковры и стояли серебряныя корзины.

Купецъ съ улыбкой на губахъ развертывалъ еще одинъ коверъ. Они стали продолжать прерванный разговоръ.

Темная фигура женщины все еще стояла у дверей, какъ бы околдованная какой-то зловѣщей и непреодолимой силой. Да и вся фигура ея и лицо казались дѣйствительно зловѣщими въ эту минуту. Слова, которыя она услышала, были каплей, переполнившей эту чашу ядовитыхъ вліяній, которую она осушала такъ давно. Эта капля запала въ глубину ея груди съ силой наркотика, напрягающаго нервы, ослѣпляющаго мысль, заглушающаго совѣсть. „Ты можешь работать?“ развѣ человѣкъ, произнесшій эти слова, могъ хоть бы отчасти знать какимъ безпощаднымъ издѣвательствомъ были онѣ по отношенію къ этой женщинѣ, которая смертельно истомила свою душу, истощила тѣлесныя силы въ напрасныхъ попыткахъ работать! которая потеряла уваженіе къ самой себѣ, передъ самою собой разсыпалась въ никуда негодную пыль, потому что не могла работать! Человѣкъ этотъ не могъ знать объ этомъ. Поступокъ его съ этой женщиной не могъ служить доказательствомъ отсутствія доброты и сострадaнія въ его сердцѣ. Очень можетъ быть, что онъ былъ добрымъ и сострадательнымъ, что рука его щедро открылась бы при видѣ калѣчества, дряхлой старости, разрушительной болѣзни! Но женщина, протянувшая къ нему руку, была молода и не обезображена никакимъ уродствомъ, болѣзнь не проявилась въ ея наружности видимыми для всѣхъ знаками.

О нравственномъ же ея калѣчествѣ, приведшемъ ее къ нему, объ изнурительной горячкѣ, которая такъ давно постепенно сожигала ея грудь, превращая въ прахъ и пепелъ лучшія человѣческія чувства, которая охватывала ея голову, наполняя ее все болѣе густымъ, удушливымъ дымомъ мрачныхъ, ядовитыхъ мыслей, онъ не зналъ; не зналъ и поэтому сказалъ:

— Ты молода и здорова, можешь работать.

Словами этими онъ высказалъ мнѣніе вполнѣ справедливое, однако-же въ то же время безсознательно совершилъ жестокую несправедливость.

Нѣсколько мѣсяцевъ, двѣ недѣли еще тому назадъ, можетъ быть, Марта поняла бы все, что было справедливымъ и истиннымъ въ обращен-

ныхъ къ ней словахъ мужчины. Но вѣдь тогда, еслибы она остановилась передъ нимъ, она взывала бы о трудѣ, ни о чемъ больше, какъ только о трудѣ; теперь она молила о милостынѣ, теперь въ услышанныхъ словахъ она не увидѣла ничего кромѣ несправедливой насмѣшки.

Жгучій румянецъ, выступившій у нея на щекахъ и на лбу, когда она протягивала руку, исчезъ безслѣдно. Среди смертельной блѣдности, покрывшей ея лицо, впалые глаза, черные и глубокіе, горѣли какъ вулканъ. Вулканъ также разразился въ ея груди, порывисто вздымающейся и опускающейся; вулканъ гнѣва, зависти и алчности.

Гнѣва, зависти, алчности? Возможно ли это, чтобы Марта—это дитя тихой, прелестной сельской усадьбы, эта когда-то уважаемая жена, счастливая мать, это честное существо, которое ни за что на свѣтѣ не хотѣло браться за трудъ, къ которому оно не было способнымъ, что бы эта энергичная работница, въ потѣ лица и со скорбью сердца ищущая на всѣхъ жизненныхъ путяхъ честнаго куска хлѣба, чтобы эта гордая душа, когда-то простиравшая руки къ Богу съ мольбой избавить ее отъ нищенской доли, могла стать добычей этихъ жестокихъ, адскихъ чувствъ, влекущихъ въ адъ грѣховныхъ желаній и дурныхъ поступковъ?

Однакоже это было возможно. Увы! увы! это было не только возможно, но это должно было такъ быть въ силу неумолимой, вѣчно логичной и не допускающей ничѣмъ нарушить своей логичности природы человѣческой. Она не была безплотнымъ ангеломъ, не была воздушнымъ идеаломъ, котораго не касаются и не роняютъ дуновенія земныхъ вихрей, потому что такого идеала не существуетъ на землѣ. Она была человѣкомъ, а если въ природѣ человѣческой и существуютъ горныя вершины, на которыхъ развиваются разумъ, добродѣтели, самоотверженіе, героизмъ, то существуютъ также и бездонныя пропасти съ молча гнѣздящимися гадами затаенныхъ соблазновъ и мрачныхъ инстинктовъ. Не слѣдуетъ ни одного человѣческаго существа утомлять такъ смертельно, потрясать такъ сильно, чтобы въ немъ могло шевельнуться это таинственное дно съ притаившимися на немъ молча задатками преступленія. Въ человѣческой природѣ существуютъ исполинскія силы, но существуетъ и безграничная безпомощность. Каждое существо человѣческое слѣдуетъ надѣлять такимъ запасомъ правъ и орудій, который строго соотвѣтствуетъ количеству возложенныхъ на него обязанностей и отвѣтственности, потому что иначе оно не сдѣлаетъ, не перенесетъ, не устоитъ передъ тѣмъ, чего оно не въ состояніи сдѣлать, перенести.

Ядовитая горечь, которая давно капля по каплѣ набиралась въ груди Марты, теперь нахлынула громадной волной, а вмѣстѣ съ ней

всплыли спавшіе прежде глубоко, потомъ пробуждавшіеся постепенно, совсѣмъ проснувшіеся и бѣшено метавшіеся теперь гады соблазновъ и змѣи страстей.

Молодой баринъ въ богатой шубѣ выбиралъ ковры, серебряныя корзины, фарфоровыя вазы и мраморныя статуетки. Онъ закупалъ много, онъ вѣрно намѣревался красиво обставить себѣ домъ, въ который можетъ быть готовился ввести молодую жену.

Онъ и купецъ были поглощены своимъ общимъ занятіемъ и забыли о женщинѣ, стоящей у стѣны съ неподвижностью статуи и съ безмолвіемъ могилы. Она не отрывала глазъ отъ руки покупателя, державшей большой, толстый бумажникъ, туго набитый деньгами.

— Почему у него такъ много, а у меня нѣтъ ничего? думала она. По какому праву онъ отказалъ мнѣ въ милостынѣ, мнѣ, ребенокъ которой умираетъ отъ холода и безъ помощи; онъ, держащій въ рукахъ такое громадное богатство? Онъ солгалъ, говоря, что я молода и здорова! Я больше чѣмъ стара, потому что я пережила самое себя. Развѣ я знаю, куда дѣвалась прежняя Марта? Я жестоко больна, потому что безсильна, какъ ребенокъ... Почему же люди требуютъ, чтобы я жила собственными силами, если они мнѣ ихъ не дали? Почему они не дали мнѣ силъ, если теперь требуютъ ихъ отъ меня? Онъ, одинъ изъ обидчиковъ моихъ, одинъ изъ должниковъ, обязанъ дать!

Мысли этой женщины были жестоко, нелѣпо несправедливыми, однако, въ то же время по отношенію къ ней самой, вполнѣ неизбѣжными, вполнѣ понятными! источникомъ ихъ были тѣ же самыя обиды, тѣ же путы, то же самое безсиліе съ одной стороны и потребность и отвѣтственность съ другой, которыя породили всѣ безумныя ученія, разражающіяся въ мірѣ отъ времени до времени поджогами и убійствами, всѣ бѣшеныя страсти, которыя, будучи вызваны отсутствіемъ справедливости, сами теряютъ сознаніе ея и порожденныя обидой сами наносятъ обиды.

— А слѣдовательно, говорилъ покупающій баринъ,—триста гульденовъ за коверъ и пятьсотъ за эти корзины, за форфоровую вазу двѣсти и...

Онъ вынималъ деньги, чтобы уплатить купцу должную сумму; вдругъ онъ остановился.

— А! воскликнулъ онъ,—чуть было не забылъ! Вы должны были, панъ, дать мнѣ эту бронзовую группу и вонъ ту...

Купецъ подскочилъ улыбающійся, услужливый.

— Эту ли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ту... Ніобею съ дѣтьми...

— Ніобею! мнѣ кажется, панъ, что вы желали купидона съ Венерой?

Можетъ быть, мнѣ надо еще разъ присмотрѣться къ нимъ.

Небрежной рукой, видно привыкшей швырять деньги, онъ бросилъ раскрытый бумажникъ на мраморную доску консоли, а самъ пошелъ за купцомъ въ глубину магазина, гдѣ на палисандровыхъ полкахъ подъ стеклянными колпаками стояли группы статуэтокъ, отлитыхъ изъ бронзы или высѣченныхъ изъ мрамора.

Небрежно брошенный бумажникъ раскрылся еще шире; изъ него выпало на мраморную доску нѣсколько кредитныхъ билетовъ различной цѣнности.

На эти кредитные билеты смотрѣли сверкающіе глаза стоящей у стѣны женщины. Какъ змѣи извѣстной породы птицъ, такъ эти разноцвѣтныя кредитки приковывали черные, бездонные глаза Марты непреодолимой силой.

Какія мысли вращались въ головѣ женщины, когда она смотрѣла такимъ образомъ на чужое богатство? Трудно исчислить ихъ всѣхъ, еще труднѣе выпрясть изъ нихъ ровную пряжу. Это не были мысли, но это былъ водоворотъ, порожденный лихорадкой тѣла и усиленной духовной бурей. Посмотрѣвъ такимъ образомъ минуты двѣ, Марта стала дрожать всѣмъ тѣломъ, опускала вѣки и тотчасъ поднимала ихъ опять, высовывала руку изъ-за складокъ платка и тотчасъ прятала ее! видно она боролась еще, но увы! Для нея не существовало надежды побѣдить! Не существовало этой надежды потому, что въ ней уже не было достаточно силъ для того, чтобы быть въ состояніи воспротивиться позорному соблазну, потому, что въ ней не было уже достаточно сознанія, чтобы понять позоръ искушенія, потому, что въ ней не было уже совѣсти, утонувшей въ морѣ горечи, накопившейся въ ея груди, потому, что въ ней уже не было стыда, изгнаннаго презрѣніемъ, которое она чувствовала къ самой себѣ, длиннымъ рядомъ перенесенныхъ униженій и столько разъ принятой милостыней... Наконецъ, для нея не существовало возможности побѣдить искушеніе потому, что она была въ безсознательномъ состояніи, потому, что тѣло ея сжигала лихорадка, вызванная голодомъ, холодомъ, безсонницей, слезами и отчаяніемъ, а душу увлекли и охватили мрачныя фуріи, поднявшіяся со дна ея потрясеннаго существа.

Вдругъ женщина сдѣлала быстрое движеніе рукой, одна изъ кредитныхъ бумажекъ исчезла съ мраморной доски, въ то же время стеклянныя двери отворились и закрылись съ оглушительнымъ трескомъ.

При этомъ сильномъ и неожиданномъ звукѣ двое мужчинъ, занятые въ глубинѣ магазина выборомъ миѳологическихъ группъ, обернулись.

— Что это случилось? спросилъ покупатель.

Купецъ выбѣжалъ на средину магазина.

— Это та женщина выбѣжала такъ внезапно! воскликнулъ онъ— навѣрно что-нибудь украла.

Молодой баринъ также подошелъ къ дверямъ.

Въ самомъ дѣлѣ—сказалъ онъ съ улыбкой, поглядывая на мраморную доску— она украла у меня трехрублевую бумажку. У меня была одна такая, а теперь ея тутъ нѣтъ...

— Ахъ негодная нищая! крикнулъ купецъ—какъ это? въ моемъ магазинѣ кража? тутъ же на моихъ глазахъ? ахъ, безстыжая!

Онъ подбѣжалъ къ дверямъ и отворилъ ихъ настежъ.

— Городовой! стоя на порогѣ крикнулъ онъ громкимъ голосомъ— городовой!

— Что вамъ угодно, сударь? послышался голосъ съ улицы.

Желтая бляха блеснула на груди человѣка, стоящаго на тротуарѣ подъ струей свѣта, льющагося изъ магазина.

— Туда—сказалъ купецъ, задыхаясь отъ гнѣва и указывая пальцемъ на улицу—туда побѣжала женщина, которая сейчасъ въ магазинѣ украла три рубля!

— А въ которую сторону она побѣжала?

— Въ ту—сказалъ какой-то прохожій, который слышалъ слова купца, остановился передъ магазиномъ и указывалъ по направленію къ Новому Свѣту.—Я встрѣтилъ ее: вся въ черномъ, она летѣла какъ безумная, ничего не видя передъ собой, я думалъ, что это сумасшедшая.

— Ее надо задержать—говорилъ купецъ городовому.

— Конечно, сударь! воскликнулъ человѣкъ съ желтой бляхой, бросился впередъ и громко крикнулъ:

— Гей! ребята! ловите! туда къ Новому Свѣту побѣжала воровка!

Двери магазина захлопнулись, молодой баринъ съ улыбкой выговаривалъ купцу за то, что онъ такъ хлопоталъ изъ-за такой ничтожной для него потери.

Улица по прошествіи нѣсколькихъ секундъ представляла шумное и людное зрѣлище.

Какъ молнія прорѣзываетъ тучи, такъ женщина, одѣтая въ черномъ, прорѣзывала толпы прохожихъ, мчась повидимому, наугадъ къ Новому Свѣту. Вѣроятно она не сознавала, въ которую сторону она бѣжала, ни куда ей слѣдовало бѣжать: она была въ безпамятствѣ, наполовину обезумѣла. Въ эту минуту, можетъ быть, она, уцѣлѣвшей въ ней частицей сознанія, сожалѣла о томъ, что совершила позорный поступокъ, но она уже совершила его и ее охватывалъ безумный ужасъ. Руководи-

мая инстинктомъ самосохраненія, она убѣгала отъ людей, а они были передъ ней, около нея, ей навѣрно казалось, что, побѣжавъ быстро на угадъ, безъ памяти, она умчится туда, гдѣ ихъ не будетъ...

Встрѣчающіе ее, расталкиваемые ею прохожіе, оглядывались на нее сначала съ удивленіемъ и съ испугомъ, даже сходили съ дороги, предполагая, что она сумасшедшая, или что ей необходимо торопиться куда-то. Вскорѣ, однако, по улицѣ разнесся крикъ: ловите! вслѣдъ за нимъ тотчасъ послышался второй: воровка!

Эти слова не были произнесены одиночнымъ голосомъ, но катились съ той самой стороны, откуда бѣжала женщина, перебрасываемыя изъ устъ въ уста, постоянно возрастающія, становящіяся все сильнѣе, подобно каленымъ ядрамъ, брошеннымъ могучей рукою и катящимся вдоль дороги съ возрастающимъ шумомъ. Женщина, которая бѣжала такъ быстро и, ослабѣвъ, остановилась было на секунду, услышала нагоняющіе ее зловѣщіе крики.

Къ нимъ въ то же время присоединялся все болѣе громкій топотъ ногъ человѣческихъ по каменнымъ плитамъ тротуара. Страшная дрожь охватила ее съ ногъ до головы, она помчалась съ такой быстротой, точно у нея были крылья за плечами. Дѣйствительно онѣ у нея были опять, только теперь ни одно изъ нихъ не было скорбью, оба выросли изъ ужаса.

Вдругъ она почувствовала, что ей трудно бѣжать, не потому, чтобы у нея силъ не хватало—вѣдь ее почти несли надъ землей крылья ужаса;—но потому, что люди, идущіе въ противоположномъ направленіи, начали преграждать ей путь, протягивать руки, чтобы ухватить ее за платье. Крылья ея стали не только уже быстрыми но и упругими, онѣ несли ее въ различныхъ направленіяхъ съ удивительной гибкостью и легкостью движеній, она избѣгала рукъ прохожихъ, терлась о нихъ, однакоже, ускользала отъ нихъ.

Но вотъ, однако, въ нѣсколькихъ шагахъ ей видятся уже не отдѣльныя фигуры, но нѣсколько человѣкъ идутъ рядомъ и занимаютъ весь тротуаръ въ ширину; обойти ихъ невозможно; разъ очутясь передъ ними, она будетъ схвачена ими.

Она соскочила съ тротуара; посреди улицы много колесъ и лошадиныхъ копытъ, но пѣшеходовъ гораздо меньше, почти вовсе нѣтъ.

Она бѣжала по улицѣ; теперь она обходила колеса и лошадиныя копыта, точно съ такой же ловкостью, какъ до того прохожихъ. Но въ ту же самую минуту, какъ она кинулась на середину улицы, туда ринулась за ней темная масса, состоявшая изъ догоняющихъ ее людей. Кто были эти люди? Во главѣ надвигавшейся лавины блестѣли желтыя бляхи,

за ними мчалась, крича и смѣясь, уличная чернь, всегда охотно участвующая въ каждой свалкѣ, за чернью тянулись нѣсколько медленнѣе уличные праздношающіеся, всегда радующіеся найти для себя развлеченіе въ каждомъ многолюдномъ сборищѣ.

Дрожки и кареты слегка порѣдѣли. Женщина остановилась посреди улицы и оглянулась назадъ.

Нѣсколько десятковъ шаговъ отдѣляло ее отъ черной массы, состоящей изъ человѣческихъ фигуръ, кричащей человѣческими голосами. Она простояла только двѣ секунды и снова помчалась впередъ. Тогда и на встрѣчу ей также показалась масса черная, подвижная, какъ та, которая была позади, только другой формы, — продолговатая, высокая, съ большимъ глазомъ горящаго вверху пурпуроваго фонаря. Серебряный колокольчикъ, протяжный, громкій звучалъ въ воздухѣ долго, пронзительно, предостерегающе, пурпуровый глазъ быстро двигался впередъ, тяжелыя колеса глухо грохотали, лошадиныя копыта издавали металлическій звукъ, ударяя по разостланнымъ на землѣ желѣзнымъ рельсамъ, по которымъ катились колеса.

Это былъ громадный желѣзно-дорожный дилижансъ, запряженный четверткой крѣпкихъ лошадей, наполненный людьми, нагруженный пудовыми тяжестями.

Женщина все еще бѣжала по срединѣ улицы, за ней и передъ ней бѣжали двѣ черныя массы, одна изъ нихъ съ крикомъ и издѣвательствомъ, другая съ протяжнымъ звономъ, глухимъ стукомъ и пурпуровымъ громаднымъ глазомъ; онѣ обѣ двигались прямо по направленію къ бѣгущей между ними женщинѣ. Если она не отскочитъ въ сторону, то одна или другая поглотитъ ее. Она свернула съ прямой линіи, по которой бѣжала до сихъ поръ, остановилась и оглянулась.

Теперь нагоняющая ее толпа людей была всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, точно такое-же пространство отдѣляло ее отъ громаднаго, все катящагося дилижанса. Но толпа бѣжала медленнѣе дилижанса, который катился быстро.

Она уже не бѣжала дальше. Силъ-ли у нея недостало, или она уже порѣшила во что бы то ни стало положить конецъ этой ужасающей погонѣ. Она стояла, грудью обернувшись въ ту сторону, откуда ѣхалъ дилижансъ, но лицомъ отвернувшись туда, откуда ее нагоняли люди. Теперь въ глазахъ ея свѣтилось сознаніе. Могло показаться, что она сдѣлала выборъ. Какой-же выборъ? Съ этой стороны позоръ, издѣвательство, тюрьма, долгія, можетъ быть, безконечныя муки, съ той — смерть... ужасная смерть, но внезапная, молніеносная.

Однако-же инстинктъ самосохраненія, видно не совсѣмъ покинулъ ее, смерть показалась ей страшнѣе людей, потому что она все-таки за минуту свернула съ этой прямой линіи, по которой эта избавительница неслась къ ней.

Да, но теперь она опять начинаетъ отступать къ ней; человѣкъ съ желтой бляхой на груди опередилъ мчащуюся за нимъ чернь, протянулъ руку и дотронулся до края ея платка. Она бросилась въ сторону, встала на одинъ изъ желѣзныхъ рельсовъ. Возведя лицо къ темному своду, она простерла вверхъ обѣ руки. Губы ея открылись и испустили несвязный вопль. Вознесла ли она къ звѣздному небу горькую жалобу, или слово прощенья, или можетъ быть имя своего ребенка? Никто не разслышалъ. Человѣкъ съ желтой бляхой, сначала растерявшійся отъ того, что женщина внезапно бросилась въ сторону, опять очутился подлѣ нея и ухватилъ ее за край платка. Она съ быстротою молніи сбросила платокъ и оставила въ рукахъ полицейскаго, а сама упала на землю.

— Стой! стой! раздался страшный крикъ въ толпѣ. Но пурпуровый глазъ не хотѣлъ слушать, продолжалъ летѣть въ воздухѣ, а лошадиныя копыта звенѣли по желѣзнымъ рельсамъ.

— Стой! стой! кричала толпа непрерывно пронзительно. Кучеръ метнулся на козлахъ, всталъ, сжалъ въ ладони длинныя возжи и охриплымъ отъ ужаса голосомъ крикнулъ на лошадей, чтобы они остановились.

Остановились; но тогда, когда тяжелое колесо съ легкимъ стукомъ уже соскользнуло съ груди растянувшейся на землѣ женщины.

Въ гробовомъ молчаніи стояла толпа посреди роскошной улицы, поблѣднѣвшія отъ страха лица и задыхающіяся отъ ужаса груди склонялись надъ темной фигурой, которая неподвижнымъ пятномъ лежала на бѣломъ снѣгу.

Колесо громаднаго дилижанса переѣхало грудь Марты и убило ее. Лицо ея осталось не обезображеннымъ и стеклянными глазами смотрѣло въ звѣздное небо.

Помѣщая на страницахъ Русской Бесѣды статью А. С. Будиловича „О значеніи русскаго похода 1849 г. для австроугорскихъ народовъ“, мы считаемъ своимъ долгомъ оговориться, что совершенно не согласны съ главною мыслью и со многими соображеніями почтеннаго ея автора. Если для Россіи необходимо было вмѣшаться въ австровенгерскую распрю, то, по нашему мнѣнію, и побужденія и цѣли этого вмѣшательста должны были бы быть иными, нежели тѣ, какія водили нашими цолитиками и дипломатами того времени. Иными для Россіи и австроугорскаго славянства должны были-бы быть и послѣдствія побѣдоноснаго нашего похода въ Венгрію. Не совсѣмъ справедливо, по нашему мнѣнію, и отношеніе автора къ тогдашнимъ венгерскимъ дѣятелямъ и прежде всего къ Кошуту, которому онъ ставитъ въ укоръ даже предложеніе имъ венгерской короны Русскому Государю.

При всемъ томъ статья А. С. Будиловича и сообщаемая имъ выдержка изъ записки австрійскаго коммисара при русскомъ корпусѣ графа Ридигера содержитъ въ себѣ много любопытныхъ для русскаго читателя подробностей.

Ошибочныя же, на нашъ взглядъ, мнѣнія почтеннаго русскаго слависта, могутъ вызвать возраженія, и тѣмъ самымъ будутъ способствовать окончательному установленію правильной оцѣнки русковенгерской войны 1849 года.

Аѳ. В.

О значеніи русскаго похода 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ.

Недавняя смерть бывшаго мадьярскаго диктатора Кошута вновь воскресила въ памяти его современниковъ и потомства событія 1848—49 годовъ, въ ряду которыхъ русскій походъ въ Угрію, безспорно, имѣетъ весьма важное, отчасти рѣшающее значеніе. При оцѣнкѣ этихъ событій и особенно нашей „Венгерской кампаніи“ мнѣнія и историковъ и политиковъ сильно расходятся, такъ что стоитъ труда присмотрѣться къ нимъ нѣсколько ближе, чтобы рѣшить вопросъ: полезенъ или вреденъ былъ этотъ походъ для Россіи, для австроугорскихъ народовъ и вообще для образованнаго человѣчества, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи?

Если мы сравнимъ положеніе Австріи въ началѣ марта 1848 г. съ ея положеніемъ годъ спустя, въ мартѣ 1849, т. е. непосредственно передъ нашей „венгерской кампаніей“, то не можемъ не замѣтить громадной разницы. Въ началѣ 1848 г. Австрія находилась, по общему признанію и своихъ и чужихъ политиковъ, въ очень благопріятныхъ условіяхъ для внутренняго и внѣшняго развитія. Меттернихъ, уже 40 лѣтъ стоявшій во главѣ не только иностранной, но отчасти и внутренней политики Габсбургской монархіи, пользовался славою не только самаго опытнаго, но и самаго геніальнаго государственнаго человѣка понаполеоновской Европы. Очень выдающеюся личностію былъ признаваемъ не въ одной Австріи и гр. Коловратъ. Болѣзненный императоръ Фердинандъ I не могъ, правда, управлять самостоятельно большою имперіей, но это и не требовалось отъ государя, окруженнаго такими министрами и сверхъ того опиравшагося на домашній совѣтъ (Камарилью), съ эрцгерцогомъ Людвигомъ и эрцгерцогинею Софіею во главѣ. Внутреннее управленіе, суды, финансы казались вполнѣ благоустроенными и антагонизмъ народовъ имперіи не выходилъ изъ рамокъ лойяльности и легальности. Международное положеніе имперіи, стоявшей во главѣ Германскаго союза и имѣвшей обширныя владѣнія въ верхней Италіи, возбуждало во мно-

гихъ удивленіе и ревность. Народы Балканскаго полуострова чаще обращали свои взоры къ Вѣнѣ, чѣмъ къ Петербургу, тѣмъ болѣе, что гр. Нессельроде и другіе русскіе дипломаты его школы считали себя какъ бы учениками Меттерниха и охотно подчинялись водительству этого столба „священнаго союза". Въ неменѣе дружественныхъ, отчасти зависимыхъ отношеніяхъ къ Меттерниху находились тогда и Гизо во Франціи, а Пальмерстонъ въ Англіи. Вполнѣ забытымъ казалось тогда униженіе Аустерлица, заживленными раны Ваграма.

Австрія представлялась твердынею монархизма, оплотомъ консервативныхъ идей на всю Европу.

Но не прошло и одного года, какъ въ той же Австріи передъ нами открывается картина совершенно другого рода. Къ марту 1849 г. мы тамъ не находимъ уже ни Фердинанда I, ни Меттерниха, ни Камарильи, а вмѣсто нихъ видимъ на престолѣ юнаго Франца Іосифа; во главѣ администраціи—Шварценберга, Стадіона, Баха; вмѣсто патріархальнаго абсолютизма—кромѣрижскій парламентъ и—правда, октроированную и чисто бумажную—конституцію 4 марта. Даже резиденціей была тогда уже не Вѣна, а послѣ тирольскаго Инсбрука—моравскій Оломуцъ. Вмѣсто прежней лояльности видимъ волненія и смуты даже въ кровнонѣмецкихъ владѣніяхъ Габсбурговъ: Вѣна за повторительные мятежи бомбардирована Виндишгрецемъ и оставлена императоромъ; штирійскій Градецъ (Graz) кишитъ пангерманствующими республиканцами; богобоязненный и династическій Тироль разбитъ междоусобіями нѣмцевъ и итальянцевъ; верхняя Италія въ открытой войнѣ съ императоромъ, склоняясь скорѣе на сторону короля сардинскаго, даже мадзиніевской республики, чѣмъ австрійскаго дома, несмотря на военные подвиги Радецкаго и его полуславянскихъ полковъ. Даже консервативная чешская Прага, бомбардированная въ іюнѣ 1848 г. за непослушаніе Виндишгрецу, является теперь очагомъ оппозиціи, равно какъ и вообще чешскій народъ, въ лицѣ своихъ парламентныхъ депутатовъ Палацкаго, Ригера, Браунера; бунтуютъ и поляки, вынуждая сами гр. Стадіона къ обстрѣливанію г. Львова; и русскіе жители Галиціи, Буковины, Угріи не довольствуются прежнимъ своимъ „счастьемъ", а заявляютъ притязаніе на уравненіе своихъ правъ съ правами поляковъ, нѣмцевъ, мадьяръ; словаки, сербы, хорваты съ оружіемъ въ рукахъ, подъ предводительствомъ: Гурбана, Штура, Годжи, Шупликаца и Раячича, Елачича и Кничанина, возстаютъ противъ терроризма мадьяръ и громко требуютъ противъ нихъ помощи,—если не со стороны Австріи, то Россіи; броженіе все шире распространяется и между издревле пассивными и забитыми румынами, а отчасти и между саксами Семиградья.

Но всего болѣе заботъ и опасеній вызывали тогда въ Австріи смуты мадьярскія, начавшіяся еще съ марта 1848 г. Онѣ не только не были подавлены ни уступками, ни угрозами, ни, наконецъ, военными дѣйствіями Виндишгреца, Елачича и Кничанина, но наоборотъ все болѣе принимали характеръ настоящей революціи, такъ что въ мартѣ 1849 г. австрійское правительство имѣло уже полное основаніе бояться съ этой стороны не то что за Пештъ или Пребсбургъ, но за самую Вѣну.

24 апрѣля австрійскія войска принуждены были очистить Пештъ, а 26—снять осаду Коморна, который вслѣдствіе того сталъ въ рукахъ Гергея операціоннымъ базисомъ противъ Пресбурга и даже Вѣны. Но еще раньше, 14 апрѣля, мадьярскій сеймъ въ Дебречинѣ, по предложенію Кошута, объявилъ Габсбурговъ низложенными, а Венгрію—независимою республикою, съ Кошутомъ, какъ губернаторомъ, во главѣ. Быть можетъ Австрія и справилась бы съ этими затрудненіями въ Венгріи, еслп бы она могла отозвать изъ Италіи армію Радецкаго; но это значило отказаться отъ Ломбардіи и Венеціи, которыя считались драгоцѣннѣйшими перлами въ коронѣ Габсбурговъ. Наконецъ, и международное положеніе значительно ухудшилось, вслѣдствіе великогерманской агитаціи въ Германіи и явныхъ поползновеній Пруссіи стать во главѣ пангерманистовъ и такимъ образомъ отодвинуть на задній планъ Австрію, дотолѣ первенствовавшую въ нѣмецкомъ союзѣ. Правительственная перемѣна во Франціи разстроила прежнюю дружбу ея съ Австріей, къ которой замѣтно охладѣлъ и Пальмерстонъ, перенесшій свои симпатіи къ Савойскому дому въ Италіи и отчасти даже Кошуту въ Венгріи.

При такихъ условіяхъ мы не должны удивляться, что въ мартѣ 1849 г. императоръ Францъ Іосифъ былъ вынужденъ обратиться къ Николаю I съ просьбою о военной помощи противъ мадьярскихъ мятежниковъ; нѣсколько же позже, въ апрѣлѣ, князь Шварценбергъ настоятельно просилъ князя Паскевича поспѣшить высылкою въ Моравію хотя бы только 25-тысячнаго отряда, объясняя, что Вѣна находится въ величайшей опасности. Вслѣдствіе того 23 апрѣля 1849 г. отрядъ генерала Панютина вступилъ въ Моравію, а затѣмъ въ Венгрію, для усиленія войскъ, прикрывавшихъ столицу Австріи отъ мадьярскихъ мятежниковъ. Общее же число русскихъ войскъ, назначенныхъ императоромъ Николаемъ I для дѣйствій въ Угріи и Семиградіи, простиралось до 191,587 ч. и 59,929 лошадей. Значительность этой вспомогательной арміи, которая понадобилась Австріи, при совмѣстномъ съ княземъ Паскевичемъ дѣйствіи всѣхъ наличныхъ австрійскихъ силъ, кромѣ арміи

Радецкаго, можетъ служить доказательствомъ полной недостаточности тогдашнихъ собственныхъ средствъ Габсбургской державы для подавленія революціи и успокоенія страны.

Не входя въ обзоръ событій этой войны, мы не можемъ, однако, не отмѣтить, что несмотря на ея непопулярность между русскими офицерами, которые въ сущности предпочитали мятежныхъ мадьяръ союзнымъ австріакамъ, офицеры эти совмѣстно съ русскими солдатами съ честью исполнили свой долгъ.

Не болѣе двухъ мѣсяцевъ понадобилось князю Паскевичу для полнаго разгрома мятежниковъ, несмотря на полупартизанскій характеръ военныхъ дѣйствій и трудность комбинировать ихъ—какъ нѣкогда Суворову—съ ревнивыми, а нерѣдко и безтолковыми операціями союзной австрійской арміи. Русскія войска, равно свободныя отъ упрековъ какъ въ нерѣшительности, такъ и въ жестокости,—чѣмъ нерѣдко грѣшили тогда и мадьярскія и австрійскія войска,—прошли всю Венгрію, какъ тріумфаторы, съ восторгомъ встрѣчаемые населеніемъ угрославянскимъ и румынскимъ, а подъ конецъ стяжавшіе себѣ уваженіе и довѣріе даже въ средѣ мадьяръ, такъ что передъ ними, а не передъ войсками австрійскими, сложили, наконецъ, свое оружіе арміи: Гергея, Казинца, Вечея и гарнизонъ Арадскій. Если же гарнизонъ Петроварадинскій и Коморнскій сдались не русскимъ, а австрійцамъ, то это произошло лишь по отсутствію русскихъ въ этихъ мѣстностяхъ въ періодъ сдачи. Сдаваясь, многіе мадьярскіе офицеры и солдаты просили о принятіи ихъ въ русскую армію, въ чемъ, однако, имъ было отказано. Не согласился князь Паскевичъ и на ходатайство временнаго мадьярскаго правительства о принятіи Венгріи подъ русское покровительство, съ назначеніемъ на ея тронъ одного изъ Романовыхъ или принца Лейхтенбергскаго.

Многіе славянскіе и неславянскіе публицисты считаютъ непринятіе Императоромъ Николаемъ I положенной тогда у ногъ его короны Угріи крупною политическою ошибкою, которою объясняются-де многія позднѣйшія неудачи и разочарованія Россіи въ ея отношеніяхъ къ западному и южному славянству, а также къ Австріи, Турціи и Западной Европѣ. Но если вспомнить, что принявъ корону Угріи изъ рукъ мадьярскихъ мятежниковъ, Императоръ Николай I-й или его намѣстникъ въ Угріи по неволѣ былъ бы вынужденъ принимать во вниманіе желанія и интересы этихъ мятежниковъ, находящіеся нерѣдко въ противорѣчіи съ желаніями и интересами румыно-славянскихъ населеній Венгріи и Семиградья, что слѣдовательно Россія очень легко могла бы надѣлать въ Венгріи такихъ же ошибокъ, какъ въ Польшѣ при Константинѣ Павло-

вичѣ, отчасти и позже, то упомянутый отказъ импер. Николая I-го отъ столь щекотливой короны окажется не только рыцарскимъ въ отношеніи къ союзникамъ, но и политичнымъ по отношенію къ интересамъ самой Россіи. (?)

Переходя затѣмъ къ главному вопросу настоящей статьи: объ историческомъ значеніи и политическихъ послѣдствіяхъ нашей венгерской кампаніи, мы остановимся прежде всего на ея послѣдствіяхъ для Австріи, а потомъ уже для Россіи и ея историческихъ союзниковъ въ средѣ народовъ Габсбургской монархіи.

Для Австріи эта кампанія была, безспорно, весьма благодѣтельна: она не только возвратила въ ея полное обладаніе обширную и богатую область, составлявшую съ Могачской битвы (1526 г.) главный предметъ вожделѣній австро-венгерской политики, а затѣмъ самый драгоцѣнный перлъ въ коронѣ Габсбурговъ, но и положила конецъ нѣмецкой революціи во всѣхъ прочихъ австрійскихъ областяхъ, обезпечила авторитетъ правительства въ Чехіи и Галичинѣ, Штиріи и самой Вѣнѣ, возстановила „обаяніе“ Австріи въ Германіи, Италіи, Турціи,—словомъ, воскресила великодержавное ея положеніе, спасла ее въ смыслѣ политическомъ.

Были, правда, политики и историки—именно нѣмецкіе, которые старались уменьшить значеніе этой кампаніи для Австріи, даже свести ее на нуль, увѣряя, что Австрія сдѣлала громадную политическую ошибку, обратившись въ мартѣ 1849 г. съ просьбою о военной помощи къ Россіи, что съ мадьярской революціей она могла справиться и безъ этой помощи, вызвавъ, напримѣръ, изъ Италіи армію Радецкаго, который не хуже Паскевича съумѣлъ бы раздѣлаться со сбродомъ Кошута и Гергея. Но если бы это было вообще возможно, то ни Францъ Іосифъ, ни Шварценбергъ, не стали бы и обращаться къ императору Николаю Павловичу и князю Паскевичу съ настоятельнымъ зовомъ на помощь. Не говоря уже о важности для Австріи ея верхнеитальянскихъ владѣній, которыми нѣмцы такъ дорожили еще со временъ Гогенштауфеновъ, даже Оттоновъ и Карла Великаго,—армія Радецкаго въ мартѣ 1849 г. не превышала 70—80,000 ч., при чемъ она была составлена изъ элементовъ очень разнородныхъ: нѣмецкихъ, неславянскихъ, румынскихъ, которые могли бы отчасти оказаться и непригодными для войны съ мадьярами и поляками. Армія эта была уже утомлена и слѣдовательно никакъ не могла бы сдѣлать съ равнымъ успѣхомъ того подвига, который совершенъ почти 200,000-ною и совершенно свѣжею и однородною арміею князя Паскевича. Такъ и въ

1866 г. австрійскія войска оказались вполнѣ пригодными для пораженія подъ тою же Кустоццою, что при Радецкомъ, итальянской арміи Виктора Эммануила; но подъ Кенигрецомъ и вообще на сѣверномъ театрѣ австро-прусской войны тѣ же войска вполнѣ оправдали ту „проклятую привычку—быть битыми“, въ которой упрекалъ ихъ еще Суворовъ.

Но обратимся къ другой, болѣе важной части поставленнаго вопроса о нашей венгерской кампаніи: была ли она полезна для Россіи и славянъ или, вѣрнѣе, греко-славянъ и румыно-славянъ? Издавна привыкли и наши, и многіе инославянскіе писатели, военные и свѣтскіе, давать на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный, ссылаясь въ доказательство на то, что во 1) Австрія оказалась впослѣдствіи неблагодарною Россіи и румыно-славянамъ; во 2) что положеніе румыно-славянскихъ подданныхъ Габсбурговъ послѣ этой кампаніи вовсе не улучшилось, а наоборотъ—еще болѣе ухудшилось, и въ 3) что Австрія собственно отжила свой вѣкъ и, слѣдовательно, для блага человѣчества должна бы исчезнуть съ политической карты Европы, что и случилось бы въ 1849 г. безъ русскаго вмѣшательства. Если разобрать каждое изъ этихъ трехъ положеній, то оказывается, что хотя каждое изъ нихъ въ отдѣльности довольно близко къ истинѣ, тѣмъ не менѣе вытекающій изъ нихъ выводъ представляется, при ближайшемъ его обсужденіи, довольно сомнительнымъ.

Австрійская неблагодарность представляетъ безспорный фактъ въ отношеніяхъ ея къ Россіи какъ во время кампаніи, такъ и послѣ нея. Князь Паскевичъ не разъ имѣлъ основаніе жаловаться на несоблюденіе какъ австрійскимъ интендантствомъ, такъ и генеральнымъ штабомъ условій военной кооперацін. Этимъ главнѣйше обусловлены были и нѣкоторыя частныя неудачи русскихъ военачальниковъ, особенно же прорывъ черезъ русскую операціонную линію арміи Гергея, благодаря которому война затянулась по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ и окончилась сдачею этой арміи не подъ Вацовомъ, а подъ Вилагошемъ. Послѣ же этой сдачи, когда и другіе отряды мятежниковъ положили оружіе—передъ русскими же, главнымъ образомъ, войсками—въ приказахъ о прекращеніи мятежа генерала Гайнау (отъ $^{6}/_{18}$ октября), въ поздравленіи австрійской арміи съ этою побѣдою отъ имени генерала Радецкаго ($^{9}/_{21}$ октября) и, наконецъ, въ манифестѣ по сему поводу императора Франца Іосифа (23 августа) насъ поражаетъ полное и, конечно, не случайное умолчаніе о заслугахъ въ этомъ отношеніи русскихъ войскъ. Нѣсколько же позже, когда началась восточная война, тотъ самый Шварценбергъ, который въ мартѣ 1849 г. такъ смиренно упрашивалъ

князя Паскевича о содѣйствіи въ оборонѣ Вѣны отъ мадьярскихъ мятежниковъ, съ неприличною похвальбою въ 1854 г. „удивилъ міръ австрійской неблагодарностью“, очень недвусмысленно принявъ сторону „союзниковъ“ въ борьбѣ со спасителемъ Австріи, императоромъ Николаемъ I.

Но вольнó же было этому рыцарственному Императору разсчитывать на благодарность въ политикѣ, которая между тѣмъ—какъ всѣмъ извѣстно—направляется интересами, а не чувствами. И русскій походъ въ Парижъ для спасенія „Европы отъ тирана“ не вызвалъ особенной благодарности въ сердцахъ нѣмцевъ и итальянцевъ, испанцевъ и англичанъ, въ интересѣ которыхъ русскіе солдаты проливали свою кровь подъ Лейпцигомъ и Ватерлоо. Даже болѣе родственные намъ по плоти и духу народы и государства, напримѣръ Сербія, Румынія, Греція, Болгарія, не разъ забывали въ отношеніи къ Россіи свой долгъ благодарности, когда онъ приходилъ въ дѣйствительную или мнимую коллизію съ такъ называемыми „національными аспираціями“ этихъ странъ. Такъ и Германія, лѣтъ черезъ 8 послѣ Седана, забыла объ исторической телеграммѣ Вильгельма I къ Александру II о вѣчномъ долгѣ благодарности. Не помнитъ и нынѣшняя Италія французской крови, пролитой подъ Маджентою и Сольферино́мъ за освобожденіе и объединеніе итальянцевъ.

Императоръ Николай I безспорно погрѣшилъ въ 1849 г. противъ интересовъ Россіи и Славянства. Положеніе австроугорскихъ славянъ, со включеніемъ столь близкихъ намъ по крови и духу червонорусовъ, если и не стало—особенно на первыхъ порахъ—хуже, то не стало и лучше; по крайней мѣрѣ это улучшеніе ничѣмъ не было обезпечено, такъ что съ 60-хъ годовъ оно вновь ухудшилось и въ настоящее время большинство этихъ славянъ или даже всѣ они, за изъятіемъ поляковъ и отчасти хорватовъ, подавлены еще болѣе, чѣмъ какъ это было передъ венгерскою кампаніей. Но виновникомъ этого ухудшенія слѣдуетъ, по нашему убѣжденію, считать не кампанію, а миръ, ее заключившій, или вѣрнѣе—отсутствіе всякаго мира, всякаго договорнаго обезпеченія тѣхъ славянскихъ и румынскихъ правъ, за которыя Россія ратовала—быть можетъ не вполнѣ сознательно, а полуинстинктивно—въ памятномъ 1849 году. Выводя свои войска съ театра польско-мадьярскаго мятежа, Россія не заручилась никакими гарантіями противъ возвращенія тѣхъ порядковъ или вѣрнѣе безпорядковъ, которые вызвали и мадьярскую революцію и румынославянскую контрреволюцію, потребовавшія русскаго военнаго вмѣшательства и столькихъ кровавыхъ жертвъ. Если бы Россія не сдѣлала этого промаха и заручилась по окончаніи войны какими нибудь матеріальными

обеспеченіями противъ повторенія смутъ въ сосѣднихъ австрійскихъ областяхъ, въ родѣ напр. тѣхъ, какими заручилась сама Австрія въ Босніи, а Англія въ Египтѣ, то не могли бы въ 60-хъ годахъ и позже повториться въ Венгріи и Семиградіи, Хорватіи и Славоніи, Чехіи и Моравіи, Галичинѣ и Буковинѣ тѣ же волненія, тѣ же народныя смуты и польско-мадьярскій терроръ, которые довели нѣкогда до революціи 1848 г. и потребовали русскаго вмѣшательства въ 1849 г.

Что касается третьяго вышеуказаннаго довода приверженцевъ распространеннаго донынѣ мнѣнія о безполезности и даже вредѣ этого русскаго вмѣшательства, то конечно въ настоящее время ни Палацкій, ни Елачичь не приняли бы уже своимъ политическимъ девизомъ или даже боевымъ знаменемъ извѣстнаго изрѣченія: „если бы Австріи не было, то ее (какъ Вольтерова бога) нужно бы выдумать", которое мотивировано было главнымъ образомъ силою Россіи и слабостью отдѣльныхъ австро-угорскихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если raison d'être Австріи лежитъ не въ ней самой, а внѣ ея, положимъ, въ могуществѣ Россіи и слабости Германіи, вообще въ условіяхъ политическаго равновѣсія народовъ и государствъ Европы, то изъ этого бы слѣдовало, что Австрія становится излишнею, какъ скоро эти условія измѣнятся, напр. по ослабленіи Россіи по Парижскому миру или усиленіи Германіи по миру Пражскому и Франкфуртскому. Изъ-за Шварценберга и Гайнау, Голуховскаго и Бейста, Андраши и Тафе, конечно, не стоило Россіи въ 1849 г. тратить 10—15.000 русскихъ солдатъ и сотни милліоновъ сбереженій русскаго народнаго труда. Не стоило это тѣмъ болѣе, что не только Деакова, но и Кошутова Венгрія воскресла затѣмъ въ новой силѣ, получивъ въ австрійскихъ нѣмцахъ и польскихъ панахъ, отчасти въ династіи Габсбурговъ, могущественныхъ союзниковъ для издѣвательства надъ Россіей и ея ближайшими единовѣрцами и соплеменниками въ Цислейтаніи и Транслейтаніи.

Но, съ другой стороны, возможно ли утверждать, что въ случаѣ распаденія Австріи въ 1849 г., положеніе и Россіи, и этихъ ея союзниковъ было бы непремѣнно лучше, чѣмъ какимъ оно представляется въ настоящее время?

Врядъ ли. При рѣшеніи этого вопроса нужно вѣдь принимать въ соображеніе не тѣ политическія комбинаціи, которыя слѣдовали за русскимъ походомъ 1849 г. и въ значительной степени были именно имъ обусловлены, а тѣ, которыя, судя по историческимъ вѣроятностямъ, возникли бы въ Европѣ въ случаѣ распаденія тогдашней Австріи. Какъ страна смѣшаннаго населенія, не имѣющая плотнаго зерна, Австрія поневолѣ распалась бы на народности, родственныя сосѣднимъ племеннымъ

группамъ, а потому и тяготѣющія къ послѣднимъ. Между этими народностями итальянцы ни мало не колебались бы въ своей нравственной принадлежности къ Италіи, въ формѣ ли республики, съ папою во главѣ, или монархіи, объединенной Савойскимъ домомъ, какъ это и случилось впослѣдствіи, благодаря дѣятельности Кавура и Виктора-Эммануила. Австрійскіе же нѣмцы тогда, какъ и теперь, тяготѣли, конечно, къ Германіи — одни республиканской, другіе же монархической, съ прусскимъ королемъ во главѣ. 28 марта 1849 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ даже избранъ франкфуртскимъ сеймомъ въ нѣмецкіе императоры, но не могъ утвердиться въ этомъ званіи отчасти по протестамъ Австріи, но еще болѣе по несочувствію къ этому со стороны императора Николая I. Такимъ образомъ, при распаденіи Австріи въ 1849 г., національно-политическое объединеніе какъ Италіи, такъ и Германіи, столь сильно измѣнившее международныя отношенія Европы, конечно, не въ пользу Россіи, совершилось бы въ Италіи за 10 лѣтъ, а въ Германіи за 20 лѣтъ раньше и гораздо полнѣе, чѣмъ это видимъ нынѣ, когда именно Австрія является полемъ для развитія ирредентизма: на югѣ — итальянскаго, на сѣверѣ же — нѣмецкаго. Но еще болѣе затрудненій представило бы для русской внѣшней и внутренней политики, при распаденіи Австріи въ 1849 г., неизбѣжное образованіе двухъ революціонныхъ республикъ: мадьярской и польской, изъ коихъ первая явилась бы опаснымъ врагомъ для народнаго развитія не только словаковъ, угроруссовъ, сербовъ, хорватовъ, румыновъ, но и всего подбалканскаго славянства; вторая же — создала бы въ Галичинѣ революціонный центръ для возстановленія Рѣчи Посполитой, какъ говорится, „отъ моря до моря“. Конечно, осуществленіе кошутовской программы о дунайско-балканской федераціи, съ мадьярами во главѣ, встрѣтило бы столько же существенныхъ затрудненій, сколько и возстановленіе польской республики въ историческихъ ея границахъ. Быть можетъ, въ концѣ-концовъ, ни мадьяры, ни поляки и не справились бы съ подобными затѣями, которыя неизбѣжно вызвали бы сопротивленіе въ порабощаемыхъ ими народахъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе могли бы при этомъ опереться именно на Россію. Но все же появленіе на ея границахъ двухъ враждебныхъ ей республикъ, которыя надолго стали бы центрами притяженія для всѣхъ революціонныхъ элементовъ Европы, безспорно создало бы для Россіи безчисленныя затрудненія, которыя парализовали бы на нѣсколько десятилѣтій ея успѣхи въ международной области.

Но если бы даже Австрія и безъ русскаго вмѣшательства въ 1849 г. справилась съ своими затрудненіями настолько, что спасла бы династическій свой принципъ, какъ это удалось ей въ 60-хъ годахъ, послѣ

разгрома подъ Садовою, то все же это была бы уже Австрія дуалистическая — полунѣмецкая и полумадьярская, которая, какъ мы видимъ нынѣ, оказалась бы еще враждебнѣе къ Россіи, чѣмъ Австрія старая, меттерниховская и баховская. Въ 1854 г. такая Австрія бросилась бы не то что на Молдо-Валахію, а на Кіевъ, Вильну, Варшаву, причемъ Россіи пришлось бы отражать ее не въ союзѣ съ габсбургскими войсками, какъ это было въ 1849 г., а на свою руку, одновременно съ отраженіемъ „союзниковъ“ отъ Севастополя. Такъ и въ 1863 г. Австрія дуалистическая, съ господствомъ нѣмцевъ въ Чехіи, поляковъ въ Галичинѣ, а мадьяръ въ Венгріи, послужила бы, конечно, болѣе надежнымъ оплотомъ для польскихъ мятежниковъ Царства Польскаго, Литвы и Волыни, чѣмъ какимъ послужила для нихъ Австрія Шмерлинга.

Но Россія не привыкла, быть можетъ и не должна, какъ всемірно-историческій дѣятель высшаго порядка, опредѣлять свою дѣятельность, свою политику единственно своими собственными и непосредственными интересами: она призвана быть историческимъ представителемъ всего славянскаго племени, а культурнымъ — еще бо̀льшей группы народовъ греко-славянскихъ. Слѣдовательно, и при выясненіи историческаго значенія венгерской кампаніи, необходимо задаться вопросомъ: не была ли она полезна, быть можетъ, даже необходима для этихъ народовъ, поскольку они населяютъ Австрію и связаны съ ея судьбами, напримѣръ для червонорусовъ, словаковъ, чехоморавянъ, румыновъ и, наконецъ, самихъ мадьяръ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по отношенію ко всѣмъ этимъ народамъ, за изъятіемъ развѣ послѣднихъ, давно уже представленъ наиболѣе компетентными знатоками ихъ исторіи и жизни, въ политической литературѣ этихъ народовъ.

Для червоноруссовъ русскій походъ 1848 г. былъ чуть ли не эпохою въ исторіи ихъ возрожденія. Со времени войнъ наполеоновскихъ, тутъ впервые увидѣли червоноруссы своихъ закордонныхъ братьевъ, въ грозномъ величіи силы и побѣды, какъ миротворцевъ Австріи и своихъ освободителей отъ гнета польскаго по сю сторону Бескидовъ и мадьярскаго по ту ихъ сторону. Это не только улучшило ихъ положеніе, по крайности на первое время, но, что еще важнѣе, возродило ихъ надежды, слѣдовательно, и энергію въ борьбѣ, которая безъ помощи со стороны Россіи не могла бы не представляться безнадежною. Этимъ объясняется восторгъ, съ которымъ встрѣчали въ 1849 г. червонорусскіе поселяне наши войска, и искреннія сожалѣнія, съ которыми они провожали ихъ по окончаніи войны.

Таково же было освобождающее и ободряющее значеніе похода 1849 г. и на словаковъ, которые безспорно составляютъ самую даровитую часть угорскаго населенія и которые играли чуть ли не первенствующую роль въ исторіи Закарпатья, начиная съ Ростислава и Святополка великоморавскихъ, а затѣмъ въ періодъ гуситскій, реформаціонный, вплоть до XIX в. Даже и въ ближайшее къ намъ время, словаки, не смотря на измѣну своей народности со стороны значительной части ихъ мадьяронствующаго дворянства, изъ среды котораго вышелъ между прочимъ и Кошутъ, наряду со множествомъ другихъ мадьярскихъ дѣятелей и писателей, произвели, однако, столь важныхъ въ исторіи славянскаго возрожденія людей, какъ Шафарикъ, Колларъ, Кузмани, Гурбанъ, Годжа, Штуръ и мн. др. Подъ предводительствомъ трехъ послѣднихъ, словаки организовали даже въ 1848—49 гг. особый отрядъ, дѣйствовавшій противъ войскъ Кошута и вообще мадьярскихъ террористовъ. Положимъ, дѣйствія эти были не особенно удачны, до прибытія на подмогу русскихъ войскъ. Все же они служатъ неопровержимымъ доказательствомъ согласія политики имп. Николая I въ венгерской кампаніи съ желаніями и интересами самыхъ выдающихся славянскихъ патріотовъ, такихъ людей, какъ Гурбанъ, Годжа, Штуръ между словаками, и Адольфъ Ивановичъ Добрянскій между угроруссами. Всѣ эти люди, какъ и многіе другіе славянскіе патріоты между угроруссами и словаками, лишь съ трудомъ спасли тогда свою жизнь отъ мадьярскихъ вѣшателей, и если впослѣдствіи они могли продолжать и развить свою дѣятельность на пользу народа, если нѣсколько лѣтъ спустя Штуръ могъ, правда, лишь въ рукописи составить свой блестящій трактатъ о „Славянствѣ и мірѣ будущаго“, изданный въ русскомъ переводѣ проф. В. И. Ламанскимъ въ 1867 г., то этимъ и словаки и славянство обязаны именно русскому походу 1849 г. Правда, надежда тогдашнихъ словаковъ и угроруссовъ обезпечить свое народное развитіе въ особыхъ административныхъ округахъ, выдѣленныхъ отъ округовъ мадьярскаго, румынскаго, сербскаго и т. д. не оправдалась, тѣмъ не менѣе въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, до появленія и утвержденія Бейстовско-Деаковскаго дуализма, положеніе словаковъ и угрорусовъ было значительно лучше, чѣмъ въ 40-хъ годахъ, особенно подъ Кошутомъ. Такимъ образомъ русскій походъ 1849 г. доставилъ словакамъ и угрорусамъ—если не народную свободу, то хотя нѣкоторую передышку, благодаря которой могло въ нихъ нѣсколько окрѣпнуть народное самосознаніе, служащее имъ нынѣ единственнымъ щитомъ противъ ударовъ фанатизованнаго мадьяризма и разнузданнаго юдаизма.

Чехоморавскіе соплеменники словаковъ, хотя непосредственно не страдали отъ мадьяръ и мадьяроновъ Кошутовскаго правительства, не

мало, однако, выиграли отъ разгрома революціонеровъ, ибо прямымъ слѣдствіемъ его было обузданіе и франкфуртскихъ пангерманистовъ, считавшихъ Чехію членомъ нѣмецкаго союза и подготовлявшихъ военную экзекуцію противъ несогласныхъ съ этимъ чеховъ и моравянъ, имѣвшихъ во главѣ своего знаменитаго исторіографа Палацкаго.

Польская шляхта въ Галичинѣ, а еще болѣе польскіе эмигранты, съ Бемомъ и Дембинскимъ во главѣ, конечно, потеряли послѣ русской кампаніи не одну утопическую надежду. Мечты о возстановленіи польской Рѣчи Посполитой, хотя бы въ формѣ австрійской секундо-генитуры, отодвинуты были этимъ походомъ въ неопредѣленную даль. Но для народныхъ польскихъ массъ это могло быть лишь полезно, ибо интересы да и чувства пановъ и шляхты съ одной стороны, а польскаго крестьянства съ другой вовсе не были и тогда тожественны, а наоборотъ, глубоко различны, какъ это выразилось между прочимъ и въ кровавой расправѣ 1846 г., учиненной польскими крестьянами въ Бохнѣ и другихъ смежныхъ округахъ западной Галичины, надъ панами, ксендзами и евреями, во вкусѣ нашихъ гайдамацкихъ бунтовъ прошлаго вѣка. Возможность повторенія подобнаго бунта была и въ 1848—49 гг. уздою, сдержавшею революціонную реть польскихъ шляхтичей, которые быть можетъ и по этой причинѣ предпочли перенести свою дѣятельность въ Венгрію и Семиградію вмѣсто Галиціи и собственной Польши.

Солидарность съ русскою политикой 1849 г. сербохорватскихъ стремленій и интересовъ доказывается прежде всего тѣмъ, что сербы и хорваты собственно и положили начало вооруженному протесту противъ мадьяризаторскихъ притязаній Кошута и его партизановъ. Духовный вождь сербовъ, патріархъ Раячичъ за полгода до русской кампаніи, въ октябрѣ 1848 г. обращался къ русскому консулу въ Бѣлградѣ съ ходатайствомъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Россіи, въ защиту сербо-хорватовъ и другихъ угорскихъ славянъ отъ мадьярскаго террора. Хорватскій же банъ Елачичъ былъ и дѣятельнымъ соратникомъ русскихъ войскъ въ походѣ 1849 г. Благодаря тому и улучшилось нѣсколько съ 1849 г. національное положеніе угорскихъ сербовъ и хорватовъ, такъ что для первыхъ возстановлена были даже—правда, болѣе номинально—особая административная область Воеводина, а для хорватовъ былъ сохраненъ особый банъ, поставленный во главѣ автономныхъ учрежденій, въ лицѣ сначала Елачича, а послѣ извѣстнаго хорватскаго поэта Мажуранича. Лишь со времени дуализма (1867 г.) постепенно ухудшилось положеніе хорватовъ, которые, однако, и донынѣ сохранили права своего языка, по крайней мѣрѣ, въ домашнемъ обиходѣ, въ областномъ управленіи, судахъ и школахъ. Конечно, все это является крайне непрочнымъ при

нынѣшнихъ отношеніяхъ Хорватіи къ Венгріи, подъ управленіемъ мадьронствующаго бана Куенъ де-Гедерварп. Отторженіе отъ Хорватіи г. Рѣки (Fiume), съ его отличною гаванью, является тревожнымъ прецедентомъ для постепеннаго отторженія и другихъ лакомыхъ кусковъ изъ древняго достоянія Хорватіи. Но все же процессъ ея разложенія не сдѣлалъ донынѣ такихъ успѣховъ, какъ еслибы онъ начался въ 1849 г. т. е. цѣлымъ поколѣніемъ раньше.

Врядъ ли возможно оспаривать пользу русскаго похода 1849 г. и съ точки зрѣнія румынской народности.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ забитомъ положеніи находилась она до 1848 г. въ Семиградіи, а равно въ Банатѣ и смежныхъ жупаніяхъ Венгріи. Составляя въ Семиградіи безспорное большинство населенія, румыны были тѣмъ не менѣе совершенно оттѣснены въ ней мадьярами, секлерами и саксами на задній планъ, такъ что лишь эти tres nationes считались политическими единицами по законамъ этой страны, какъ будто въ ней и не было румыновъ. А между тѣмъ они составляютъ не только самую многочисленную, но и самую древнюю—наряду со славянами — часть семиградскаго населенія, въ сравненіи съ которою секлеры, мадьяры, саксы являются уже позднѣйшими пришельцами, гостями въ этой серединной части римской Дакіи. Если къ этому національному гнету еще прибавить соціально-экономическую, а даже и религіозную порабощенность православныхъ румынъ со стороны иновѣрной знати и венгерскаго правительства, то легко понять крайнее ихъ недовольство своимъ положеніемъ и стремленіе къ освобожденію отъ вѣковыхъ путъ. Румыны и предполагали этого добиться, но не при помощи мадьяръ и Кошута, а безъ нихъ и даже вопреки имъ, по крайней мѣрѣ въ автономной и совершенно независимой отъ Пешта Семиградіи. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ русскія войска должны были показаться румынамъ—какъ и червоноруссамъ, словакамъ, сербамъ, хорватамъ—освободителями отъ вѣковыхъ притѣсненій, ничуть не уступавшихъ турецкимъ, но болѣе изысканныхъ и опасныхъ для духовной свободы народа. Съ той собственно поры и начинается развитіе народнаго самосознанія семиградскихъ и угорскихъ румыновъ, достигшее къ нашему времени такой энергіи, которая уже не можетъ быть подавлена ни „бичами“, ни „темницами„. Здоровое же направленіе этого самосознанія, зародившагося и окрѣпшаго при совмѣстной борьбѣ румынскихъ партизановъ и николаевскихъ солдатъ 49 г. противъ мадьярскаго террора, выражается теперь въ полной солидарности румыновъ со словаками, сербами и др. угорскими славянами, въ оборонѣ своихъ народныхъ правъ

отъ притязаній и насилій мадьяронскаго правительства и полуіудейскаго парламента нынѣшней Венгріи.

Вдобавокъ къ сказанному, я рѣшаюсь утверждать, что русскій походъ 1849 г. принесъ пользу не однимъ славянамъ и румынамъ, но и самимъ мадьярамъ, если подъ ними разумѣть не верхній слой, а народную массу. Въ самомъ дѣлѣ, походъ этотъ, во 1-хъ, разсѣялъ въ мадьярскихъ головахъ манію мнимаго величія этой мелкой финской народности, которая раздувалась искусственно до роли нѣмцевъ, итальянцевъ, славянъ, вообще крупныхъ дѣятелей европейской жизни и образованности; во 2-хъ, крушеніе въ 1849 г. зданія единой Мадьяріи, съ такими усиліями сооруженнаго двумя или тремя поколѣніями мадьярскихъ писателей и дѣятелей съ эпохи Іосифа II, доказало тщету всѣхъ попытокъ насильственнаго претворенія многомилліонныхъ массъ славянскаго, отчасти и румынскаго населенія Венгріи и Семиградіи въ финно-мадьярскій племенной типъ, а слѣдовательно содѣйствовало по крайней мѣрѣ для будущаго воскрешенію завѣтовъ Св. Стефана, внушавшаго своему сыну, что unius linguae uniusque nationis regnum imbecille et fragile est; въ 3-хъ, очевидная недостаточность помощи западно-европейскихъ народовъ въ борьбѣ мадьяръ со славянствомъ и его вождемъ—Россіей не могла не пробудить въ нихъ сознанія, что Угрія принадлежитъ востоку, а не западу, что подобно Чехіи, Польшѣ, Галичинѣ, Румыніи, она не можетъ быть оторвана отъ принадлежности къ міру грекославянскому, не можетъ въ угоду политикамъ или эксплоататорамъ перейти въ чуждую ей сферу притяженія и интересовъ міра романогерманскаго; наконецъ въ 4-хъ, разгромъ революціоннаго сброда, собравшагося со всѣхъ концовъ Европы подъ знаменами Кошута, Бема, Дембинскаго, Гергея, освободилъ хотя на время страну и мадьярскій народъ отъ терроризма и эксплоатаціи со стороны этихъ conquistadores, а вмѣстѣ и отъ примкнувшаго къ нимъ сословія венгерскихъ немешей, которые искали для себя въ политикѣ вознагражденія за отмѣну „работъ“ и „десятинъ“, вообще дарового труда и поборовъ съ простонародья.

И эти полезныя послѣдствія русскаго похода довольно рано были сознаны мадьярскимъ крестьянствомъ, отчасти и лучшими элементами въ мадьярскомъ обществѣ, не исключая офицерскаго. Этимъ главнѣйше и объясняется сдача Гергея и другихъ мадьярскихъ армій не Гайнау и другимъ австрійскимъ генераламъ, а князю Паскевичу, къ посредничеству котораго мадьяры прибѣгли и для призванія на венгерскій престолъ одного изъ членовъ дома Романовыхъ. Если же въ средѣ мадьярской интеллигенціи, отчасти и мадьярскаго дворянства проявлялись и тогда и

нынѣ непріязненныя чувства къ Россіи и даже предпочтеніе къ нѣмцамъ, то это объясняется нѣмецкимъ воспитаніемъ этой интеллигенціи и остатками въ Венгріи феодализма, роднившаго ея знать съ нѣмецкою, вообще западно-европейскою, подобно какъ это имѣетъ мѣсто въ средѣ панства и шляхты польской.

Только для итальянцевъ и нѣмцевъ, которые въ 1848 г., повидимому, такъ уже близко стояли—первые отъ панитализма, а вторые отъ пангерманизма или вѣрнѣе — отъ всенѣмечины, русскій походъ 1849 г. оказался невыгоднымъ или даже прямо вреднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, безъ этого похода не могъ бы Радецкій возстановить господства Габсбурговъ въ верхней Италіи, такъ что объединеніе ея съ среднею и нижнею Италіею—подъ домомъ ли Савойскимъ или въ видѣ Апеннинской республики — совершилось бы задолго до Кавура и вѣроятно полнѣе, чѣмъ при немъ. Торжество Пруссіи надъ Австріей и объединеніе нѣмцевъ подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ также совершилось бы раньше и безпрепятственнѣе въ случаѣ окончательнаго разгрома въ 1849 г. Габсбургской монархіи мадьярами и вообще революціонными элементами. Не пришлось бы тогда нѣмцамъ ожидать своего Бисмарка до 1866—1870 гг. и вторично сколачивать свою всенѣмечину съ такими тяжелыми жертвами и при столь нежелательной для нихъ зависимости отъ воли Царя.

Но съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ европейской или вообще міровой образованности — былъ ли полезенъ или вреденъ этотъ походъ?.. Полагаю, что какъ ни плохо было во многихъ отношеніяхъ обусловленное этимъ походомъ управленіе Шварценберга и Баха, а потомъ Шмерлинга, Голуховскаго, Гербста и др., все же оно было гораздо лучше смутъ революціи, анархіи, террора. Къ тому же революція венгерская не можетъ быть сравниваема по своимъ стремленіямъ ни съ сѣверо-американской, ни съ великой французской, ни даже съ сербской, греческой, румынской. Она не развилась самостоятельно изъ положенія и потребностей мадьярскаго народа или венгерскихъ народностей, а, наоборотъ, была имъ искусственно навязана эмиссарами Запада, бѣглецами изъ Парижа, Франкфурта, Берлина, Вѣны. Скорѣе всего можно сравнить эту революцію, по ея идейнымъ задачамъ, съ польскими бунтами 1830 и 1863 гг. Герой этой революціи, Людвигъ Кошутъ, не былъ ни Вашингтономъ, ни Мадзини, ни даже Парнелемъ, а скорѣе—Стамбуловымъ, но нѣсколько лучшаго тона и въ болѣе широкомъ кругѣ дѣйствія. Онъ ратовалъ не за освожденіе венгерскихъ народовъ, а за ихъ порабощеніе мадьяризмомъ. Воюя съ Австріей, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ великонѣмецкими революціонерами и въ этомъ смыслѣ — союзникомъ

и орудіемъ нѣмцевъ. Напуская на себя видъ принципіальнаго демократа, даже республиканца, онъ не прочь однако былъ послѣ Вилагоша подчинить Венгрію хотя бы Николаю I, но съ тѣмъ, чтобы остаться въ ней „губернаторомъ“ или хотя бы конституціоннымъ министромъ. Если же все это забыто и историческій образъ Кошута возвышается нынѣ, какъ нѣкій идолъ мадьяризма, то это объясняется чрезвычайнымъ сходствомъ большинства мадьярскихъ немешей, по психическому типу, съ типомъ Кошута. При болѣзненномъ ихъ самомнѣніи, которому такъ хорошо умѣлъ льстить Кошутъ, въ его лицѣ они обожаютъ себя, свою испорченную волю, неудержимый шовинизмъ и своекорыстный племенной фанатизмъ. Никто изъ нынѣшнихъ мадьярскихъ патріотовъ не вмѣняетъ Кошуту въ вину его позорнаго бѣгства, какъ не осуждаютъ они и сдачи Гергеевой арміи, ибо того требовала-де безопасность перваго и самосохраненіе послѣдней. Не на идеальныхъ, а на чисто матеріальныхъ, оппортунистическихъ началахъ и соображеніяхъ построенъ и держится мадьяризмъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ и чѣмъ идеализовать превращеніе славянина, румына, нѣмца или даже цыгана, — вообще арійца въ мадьярина, т. е. финна? Вѣдь это очевидно не прогрессъ, а регрессъ въ смыслѣ и антропологическомъ, и этнологическомъ, и психологическомъ, какъ это уже давно и наглядно доказано Вильгельмомъ Гумбольдтомъ въ его трактатахъ о связи языковъ съ психическимъ строемъ, вообще даровитостію народовъ. Потому-то между мадьярами и не было настоящихъ мучениковъ за народность, подобныхъ мученикамъ славянскимъ или румынскимъ. Не могла имѣть мучениковъ за себя идея, которая основывается—какъ у Аттилы и Тамерлана—не на оборонѣ своего, а на насильственномъ и незаконномъ присвоеніи себѣ чужаго достоянія.

Итакъ императоръ Николай I не погрѣшилъ противъ интересовъ Россіи, славянства, человѣчества подавленіемъ въ 1849 г. мадьярскаго мятежа, а ошибся лишь въ томъ, что не призналъ нужнымъ при заключеніи мира выговорить прочныя гарантіи улучшенія участи единоплеменныхъ и единовѣрныхъ Россіи народовъ въ предѣлахъ Австрійской монархіи, подобно какъ это было имъ же сдѣлано въ договорѣ Адріанопольскомъ по отношенію къ грекамъ, румынамъ, сербамъ и отчасти болгарамъ.

Походъ 1849 г. доказалъ, что Россія столь же мало расположена взирать безучастно на порабощенье своихъ соплеменниковъ въ Венгріи, какъ и въ Турціи, что долина среднедунайская не лежитъ внѣ сферы законнаго русскаго вліянія и что судьба живущихъ въ этой долинѣ народовъ не можетъ быть окончательно рѣшена безъ участія и согласія Россіи.

Не даромъ уже начальная наша лѣтопись считаетъ Дунай прародиною славянъ вообще, и русскихъ въ частности; не даромъ онъ признается столь завѣтною для русскихъ рѣкою и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“; не даромъ и въ новѣйшихъ нашихъ пѣсняхъ и лирическихъ и эпическихъ такъ часто упоминается Дунай сынъ Ивановичъ; не даромъ до нынѣ охраняютъ наши русскіе соплеменники и верховья Тисы и Бескидъ, какъ сторожевой валъ нашего племени на западѣ.

Въ русской и вообще въ славянской наукѣ уже давно признана органическая соупринадлежность Hungarica къ Slavica, слѣд. и къ Rossica. Эту связь необходимо признать основнымъ тезисомъ и русско-славянской политики. Императоръ Николай I понималъ это инстинктивно. (?) Слава ему за это, а намъ примѣръ и урокъ для ближайшаго и отдаленнаго будущаго.

А. Будиловичъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ распоряженіи автора имѣется записка о походѣ 1849 г. одного изъ тогдашнихъ австрійскихъ военныхъ коммисаровъ, прикомандированнаго во время похода къ III корпусу, графа Ридигера. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой записки.

„...Русскія войска, какъ должно быть памятно всѣмъ участникамъ 1849 г., еще передъ вступленіемъ въ Галицію и Силезію, были привѣтствуемы, какъ освободители, не только русскими галичанами, но также галицкими мазурами (поляками) и чехоморaванами, ибо эти мазуры столь же боятся возстановленія Польши, какъ чехи и моравяне усиленія наступательнаго германизма, противъ котораго они борются въ теченіе уже тысячи лѣтъ. Еще съ бóльшимъ одушевленіемъ встрѣчаемы были войска кн. Паскевича славянами и румынами Угріи и Семиградья, которыхъ они спасали отъ терроризма мадьярскихъ верховодовъ. Лишь съ этого времени прекратилась дѣятельность мадьярскихъ правительственныхъ коммисаровъ и военныхъ судовъ, которые покрыли страну висѣлицами и наполнили тюрьмы ослушниками изъ немадьяръ. Не удивительно, что русское населеніе жупаній Шаришской (Saros), Абауйской (Abauj), Боршодской (Borsod), цѣлыми массами устремлялось къ главной дорогѣ, по которой двигалась изъ Дукли къ Мишковцу (Miskolcz) превосходно снаряженная русская армія, охотно снабжая ее и подводами, и

продовольствіемъ, и вообще угощая по мѣрѣ средствъ своихъ братьевъ и избавителей. Съ такимъ же восторгомъ встрѣчены были въ Семиградіи войска генерала Лидерса единовѣрнымъ имъ румынскимъ населеніемъ, которое также страдало не менѣе славянъ отъ мадьярскихъ коммисаровъ и кровавыхъ судовъ.

„Одушевленіе славянскаго населенія Угріи еще болѣе возрасло, когда оно убѣдилось, что можетъ объясняться съ русскими воинами на своемъ языкѣ, молиться съ ними въ однихъ (червонорусскихъ) храмахъ, когда открыты были, по приказанію военныхъ коммисаровъ этой арміи, тюрьмы, переполненныя политическими преступниками, и когда за поставляемыя арміи подводы, продовольствіе и т. п. народъ получалъ золото и серебро, вмѣсто господствовавшихъ дотолѣ кошутовскихъ банкнотовъ. И русскія войска были радостно удивлены, встрѣтивъ въ непріятельской странѣ столь дружественное и даже родственное населеніе. Многіе солдаты были даже искренно убѣждены, что они все еще находятся въ Россіи и все спрашивали, гдѣ же, наконецъ, находится земля непріятельская, мадьярская. Лишь къ югу отъ Мишковца, гдѣ протекаетъ р. Топля, еще въ XI в. служившая (по Chronicon Hungaropolonicum) границею между Венгріей и Русью, совершенно измѣнились эти условія, ибо въ самомъ Мишковцѣ солдаты могли еще объясняться съ жителями, даже мадьярскаго происхожденія, на языкѣ славянскомъ.

„Походъ черезъ мадьярскую часть Угріи между Мишковцемъ и Великимъ Варадиномъ, не занялъ бы много времени, если бы авангардному III корпусу гр. Ридигера не пришлось дожидаться у Дёндёша (Gyongyos) арміи Гергея, пробивавшейся изъ-подъ Коморна и Вайцена на югъ, для соединенія съ главными мадьярскими силами. При этомъ въ арміи Гергея оказалось много дезертировъ: напримѣръ, у Балаша-Дярматъ отъ 4 до 6,000 славянъ и румыновъ спрятались въ кукурузу и затѣмъ отдались русскимъ, которые распустили ихъ по домамъ. Въ Дебречинѣ и мадьярское населеніе было очаровано гуманнымъ обращеніемъ русскихъ войскъ съ жителями по взятіи этого города и, между прочимъ, торжественнымъ молебномъ этихъ войскъ на главной площади.

„Вообще, послѣ Дебречинскаго сраженія, измѣнился взглядъ на русскихъ и въ средѣ мадьярскаго населенія, которое по прокламаціямъ своего правительства привыкло считать русскихъ солдатъ какими-то разбойниками, вообще выродками человѣчества. Уже въ Беретьо-Уйфалу (Berettyó-Ujfalu), по пути изъ Дебречина въ Великій Варадинъ, явился къ военному коммисару III корпуса одинъ изъ вліятельныхъ мѣстныхъ обывателей и заявилъ ему по секрету, что жители Беретьо-Уйфалу и его окрестностей, незаконно лишенные своихъ правъ, коими они прежде поль-

зовались, какъ вольные гайдуки, охотно подчинятся русскому царю и даже примутъ его вѣру, которая нѣкогда господствовала у ихъ предковъ. Нѣсколько же дальше, въ селеніи Артандѣ (Artand), близъ Великаго Варадина, явилась особая депутація, состоявшая изъ генерала Пельтенберга (Pöltenberg), подполковника Беницкаго (Beniczky) и ротмистра гр. Бетлена (Bethlen), отъ имени уполномоченной на то диктаторомъ Кошутомъ арміи. Депутація эта просила у генерала гр. Ридигера свободнаго пропуска въ русскую главную квартиру, чтобы поднести угорскую корону и армію императору Николаю или, буде это окажется невозможнымъ, великому князю Константину, либо, наконецъ, герцогу Лейхтенбергскому, и испросить для сего содѣйствія фельдмаршала кн. Паскевича.

„Хотя гр. Ридигеръ откровенно высказалъ свое мнѣніе, что врядъ ли кто возьмется передать такое ходатайство императору Николаю, столь дружественно расположенному къ австрійскому императору, тѣмъ не менѣе названная депутація отправилась въ русскую главную квартиру и мадьяры были убѣждены въ благопріятномъ ея пріемѣ кн. Паскевичемъ, какъ это обнаружилось при дальнѣйшемъ слѣдованіи III корпуса, изъ Великаго Варадина въ Кишъ-Ены (Kis-Jenö).

„Хотя страна эта заселена почти исключительно румынами, однако, въ ней встрѣчаются и отдѣльныя мадьярскія селенія, напримѣръ, Салонта (Szalonta), Фекете Ардовъ (Fekete Ardó), затѣмъ Надь Зерендъ (Nagy Zerénd) и др. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ народъ съ одушевленіемъ разсказывалъ о предстоящемъ счастіи включенія Венгріи въ составъ могущественной и богатой Россіи. Для русской арміи эти поселяне доставляли охотно и въ отличномъ видѣ нужный провіантъ, тогда какъ къ Австріи относились самымъ враждебнымъ образомъ. Извѣстно, что и генералъ Гергей не желалъ сдаться австрійскимъ войскамъ, а единственно русскимъ, какъ онъ и дѣйствительно сдался подъ Вилагошемъ русскому корпусному командиру гр. Ридигеру. Необходимо замѣтить, что сдача эта была вызвана крайней необходимостью, а именно усиливающимся дезертирствомъ солдатъ и очень враждебнымъ отношеніемъ къ революціоннымъ войскамъ со стороны мѣстнаго румынскаго населенія. Австрійскому военному коммисару при III русскомъ корпусѣ, слѣдовавшему со взводомъ казаковъ изъ Вилагоша въ Кишъ-Ены, послѣ сдачи Гергея, пришлось лично освободить отъ неминуемой смерти нѣсколькихъ мадьярскихъ кавалеристовъ, захваченныхъ по пути румынскими крестьянами.

„Плѣнные мадьяры сумѣли скоро расположить къ себѣ русскихъ офицеровъ и солдатъ указаніемъ на то, что они поднесли императору Николаю I корону и армію Венгріи, и вообще своимъ умѣньемъ прила-

живаться. Всѣмъ бросалось тогда въ глаза демонстративное братанье побѣдителей съ побѣжденными, тогда какъ между офицерами союзныхъ армій, т. е. русской и австрійской, постепенно развился трудно объяснимый антагонизмъ, такъ что съ обѣихъ сторонъ пришлось принимать энергическія мѣры противъ все учащающихся поединковъ между этими офицерами. Этимъ обусловлено было и ускореніе передачи мадьярскихъ плѣнниковъ австрійскимъ войскамъ. Но и послѣ того мадьярскіе поселяне съ отвращеніемъ относились къ Австріи и сопротивлялись снабженію австрійскихъ войскъ необходимымъ провіантомъ. Это случилось, напримѣръ, въ селеніи Фекете-Ардовъ съ эскадрономъ австрійскихъ кавалеристовъ, съ бар. Рейшахомъ во главѣ. Когда австрійскій коммисаръ III русскаго корпуса, прибывшій въ это селеніе съ 20 казаками, спросилъ у мѣстныхъ стариковъ о причинѣ отказа въ доставкѣ провіанта войскамъ австрійскимъ, тогда какъ русскимъ онъ былъ доставленъ исправно и охотно, старшины ему отвѣтили: „мы имѣемъ основаніе считать русскихъ солдатъ своими друзьями, а австрійскихъ врагами". Конечно, этотъ резонъ не подѣйствовалъ и провіантъ былъ реквизированъ силою.

„Когда по окончаніи войны была отчеканена въ память ея медаль съ надписями: „За усмиреніе Венгріи и Трансильваніи" и „Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ", то австрійское правительство, дозволивъ своимъ подданнымъ, участникамъ похода, принять эту медаль, не разрѣшило ее носить, можетъ быть, предполагая въ этой надписи намекъ на предложеніе царю венгерской короны".

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

По поводу двухъ писемъ изъ деревни.

«Въ основаніи всего лежитъ печаль,
какъ въ концѣ всѣхъ рѣкъ—океанъ».

Изъ дневника Амiеля.

Не особенно давно въ газетахъ появилось обратившее на себя всеобщее вниманіе письмо сельскаго священника, возмущавшагося тѣмъ, что правительство, возложивши на наше духовенство обузу церковно-приходскихъ школъ, очень мало позаботилось о вознагражденіи святыхъ отцовъ за этотъ нелегкій трудъ, что батюшка, учитель церковноприходской школы, сколько бы лѣтъ онъ ни проучительствовалъ въ ней, не можетъ разсчитывать на пенсію и пр. и пр. въ этомъ родѣ.

Всякій, хотя сколько-нибудь знакомый съ правами и положеніемъ въ Россіи, относительно школъ, католическаго или протестантскаго духовенства, или нашихъ старовѣровъ, конечно, очень хорошо понимаетъ, что если бы тѣ большія и важныя права по устроенію народнаго образованія и по надзору за нимъ, какія нынѣ предоставлены православному духовенству, правительство дало бы этимъ иновѣрнымъ клирикамъ, то, безъ сомнѣнія, ксензы, пасторы и начетчики приняли бы эти права съ величайшею готовностью и даже съ восторгомъ, какъ высокую милость, а не какъ обузу, и не только не роптали и не ворчали бы о мздѣ за труды, но напротивъ, вѣроятно, сами бы согласились уплачивать за эти права правительству какую угодно контрибуцію и отдались бы этому дѣлу просвѣщенія, какъ они его понимаютъ, съ рьянымъ усердіемъ.

А, напримѣръ, католическое духовенство во Франціи, гдѣ преподаваніе закона Божія *запрещено* въ народныхъ школахъ, даже мечтать не смѣетъ о предоставленіи ему республиканскимъ правительствомъ хотя половины школьныхъ правъ и обязанностей, возложенныхъ теперь, по почину К. П. Побѣдоносцева, нашимъ правительствомъ на православное духовенство.

При всей ограниченности програмы церковно-приходскихъ школъ, не простирающейся далѣе молитвъ и таблицы умноженія, учрежденіе ихъ должно привѣтствовать, какъ первый шагъ, какъ начало, всегда бывающее труднымъ и маленькимъ. Измѣнить, расширить програму этихъ школъ будетъ гораздо легче, чѣмъ основать ихъ. Уже опытъ показалъ, что, за нѣкоторыми исключеніями, появленіе сотенъ и тысячъ церковно-приходскихъ школъ (ихъ теперь уже болѣе 23 тысячъ) не уменьшаетъ числа другихъ школъ: земскихъ, правительственныхъ, частныхъ, даже школъ грамотности. Сдѣлать русскаго православнаго священника обязательнымъ наставникомъ-учителемъ, это весьма почтенная задача. Нужно радоваться всякой школѣ для народа, откуда бы она ни приходила, кѣмъ бы ни устраивалась, земствомъ ли, правительствомъ, духовенствомъ, или хотя бы старыми николаевскими солдатами съ ихъ допотопными методами обученія. Самая худая школа что-нибудь даетъ по части образованія и развитія деревнѣ. Вѣдь и въ церковно-приходскихъ школахъ не запрещается, напримѣръ, преподавать, кромѣ молитвъ, и всякія знанія по части земледѣлія или ремеслъ.

Когда у насъ каждый священникъ будетъ тѣмъ самымъ и учителемъ и при всякой церкви будетъ школа, когда церковь безъ школы будетъ даже не мыслима, тогда въ нашемъ обществѣ высоко поднимется нынѣ совсѣмъ упавшее вліяніе православнаго духовенства и оно съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ теперь, можетъ разсчитывать, что наконецъ тогда оно освободится отъ тяжелой необходимости собирать, подобно нищимъ, по приходу лепешки, или позорно торговаться о цѣнѣ за похороны и т. п.

Досуга для школьныхъ занятій у нашего сельскаго духовенства достаточно. Разъ отслужить обѣдню, да три-четыре раза съѣздить въ приходъ,—вѣдь вотъ и всѣ обычныя обязанности сельскаго священника за недѣлю.

Но во всякомъ случаѣ нашему духовенству слѣдовало бы сперва потрудиться и поработать въ церковноприходскихъ школахъ, а не сразу заводить рѣчь въ печати о недостаточности мзды за преподаваніе въ этихъ школахъ, а тѣмъ болѣе о пенсіи за такое учительство. Какое осужденіе и насмѣшки вызовутъ столь земныя вожделѣнія и разсчеты нашего духовенства у ксензовъ и пасторовъ! Затѣмъ, вѣдь правительство все же сколько-нибудь помогаетъ деньгами церковноприходскимъ школа́мъ, и ассигнуемая на это сумма съ каждымъ годомъ значительно увеличивается. А сразу, разумѣется, нельзя было обставить и обезпечить церковноприходскія школы, какъ обезпечены земскія или городскія.

О состояніи существующихъ уже церковноприходскихъ школъ, объ успѣхахъ преподаванія въ нихъ и пр. вообще очень мало попадается свѣдѣній въ печати, но и тѣ свѣдѣнія, какія попадаются въ газетахъ и журналахъ, рѣдко бываютъ утѣшительны. Печать заявляетъ скорѣе о безучастномъ, чѣмъ о какомъ-либо другомъ отношеніи нашего духовенства къ этимъ школамъ.

Вотъ письмо одного изъ свѣтскихъ учителей церковноприходской школы, одной изъ внутреннихъ губерній, получающаго за свое учительство 50 р. въ годъ и такими чертами просто и даже наивно обрисовывающаго состояніе ввѣренной ему школы своему петербургскому знакомому, передавшему намъ подлинникъ этого письма. — „Напишу вамъ про жизнь въ селѣ,— повѣствуетъ учитель. Село очень бѣдное, духовенство живетъ на жалованьи, получаетъ изъ казначейства 213 руб. въ годъ. Школа находится въ домѣ священника; священникъ, какъ хозяинъ дома и школы, дѣлаетъ, что ему угодно, топить не топитъ, сторожа не нанимаетъ, хотя получаетъ отъ крестьянъ деньги на отопленіе и на наемъ сторожа. Зимою случалось и такъ: священникъ заходитъ въ школу, начинаетъ ругать мальчиковъ, почему они плохо вымели и не принесли соломы изъ дому на топливо? Если кто изъ мальчиковъ сдѣлаетъ возраженіе, что дома соломы не даютъ и говорятъ: вы получили деньги на отопленіе школы, тогда онъ (священникъ) начинаетъ ихъ ругать такими словами, что и отъ пьянаго мужика не всегда услышишь. Священникъ—сынъ К-го протоіерея, вдовецъ, имѣетъ одного сына; характеромъ сынъ съ нимъ не сошелся, живетъ въ отдѣлѣ (отдѣльно отъ отца), занимается торговлей. О крестьянахъ уже и судить нельзя, народъ очень грубый и бѣдный, по пословицѣ: каковъ попъ, таковъ и приходъ“.

Въ письмѣ этомъ не убавлено и не прибавлено ни одного слова; оно приведено буквально, исключены только личныя имена и поставлено нѣсколько запятыхъ и другихъ недостававшихъ знаковъ препинанія. Авторъ его 18—20 лѣтній юноша, выдержавшій испытаніе на сельскаго учителя и учительствующій первый годъ.

Не знаю, какъ на читателей, а на меня это письмо учителя со всею его непосредственностью, простотой и краткостью производитъ самое гнетущее впечатлѣніе, и я не могу отъ него отдѣлаться. Вѣдь вы только представьте себѣ эту картину: зима въ деревнѣ, холодъ... и маленькіе, худо пріодѣтые крестьянскіе мальчики, идущіе въ церковноприходскую школу съ букварями и часословами въ окоченѣвшихъ отъ стужи рученкахъ, но „безъ соломы“, за что ихъ „батюшка“ встрѣчаетъ ругательствами, а дѣти, конечно, со страхомъ и трепетомъ, но съ такой дѣтской откровенностью оправдываются, „что дома соломы не даютъ

и говорятъ: вы получили деньги на отопленіе школы"!.. „тогда онъ (батюшка) начинаетъ ихъ (мальчиковъ) ругать такими словами, что и отъ пьянаго мужика не всегда услышишь"..,.

А что дѣти думаютъ въ то время, когда батюшка поучаетъ ихъ „такими словами"? Вѣроятно соображаютъ: — „Оттреплетъ, батька, или нѣтъ"?

Такова иногда бываетъ дѣйствительность. Развѣ можно найти достаточно сильныя слова, чтобы заклеймить ими такое чудовищно безобразное отношеніе пастыря церкви къ школѣ и къ дѣтямъ. Надо впрочемъ надѣяться, что описанный въ вышеприведенномъ письмѣ случай по своему безобразію выходитъ изъ ряда вонъ. Рядовое же, типичное отношеніе священниковъ къ школьному дѣлу и къ образованію народа, это—равнодушіе, происходящее не отъ убѣжденій, а скорѣе отъ лѣности, опущенности и нищеты духовной.

Въ заключеніе о церковноприходскихъ школахъ хотѣлось бы обратить вниманіе на крайнюю желательность и необходимость завести такія школы обязательно при всѣхъ нашихъ иностранныхъ миссіяхъ, гдѣ есть русскія церкви. А то, напримѣръ, въ Ниццѣ, гдѣ такъ много русскихъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и гдѣ русская церковь обладаетъ полумиліоннымъ капиталомъ, проценты съ котораго идутъ главнымъ образомъ на богатое содержаніе клира и отчасти, въ самомъ незначительномъ количествѣ, на бѣдныхъ, нѣтъ никакой русской школы, хотя въ положеніи о русской ниццкой церкви именно предусматривается учрежденіе школы, какъ только увеличатся средства церкви. Но клиру дѣйствительно нѣтъ разсчета заводить въ Ниццѣ церковноприходскую школу, и клиръ, т. е. собственно священникъ, устраняетъ себя, по своему смиренію, отъ всякаго почина въ этомъ дѣлѣ. Русскимъ, постоянно живущимъ въ Ниццѣ и желающимъ давать своимъ дѣтямъ русскіе уроки закона Божія, приходится обращаться къ священнику и платить ему по 10 франковъ за урокъ, что возможно только для богатыхъ. Бѣдные же русскіе, которыхъ много среди русской колоніи въ Ниццѣ, совсѣмъ лишены возможности учить своихъ дѣтей порусски всякимъ предметамъ, и въ томъ числѣ закону Божію. Поэтому были случаи, что русскіе тамъ отдавали дѣтей въ школы католическихъ конгрегацій, весьма охотно принимающихъ и даромъ обучающихъ русскихъ дѣтей, изъ которыхъ вѣроятно со временемъ выйдутъ добрые католики...

II.

Отъ маленькихъ деревенскихъ дѣтей обратимся къ большимъ деревенскимъ дѣтямъ, къ самимъ мужикамъ, которыхъ теперь собирается просвѣщать петербургскій Комитетъ Грамотности цѣлою сотнею библіотекъ на деньги (25,000 р.), собираемыя по подпискѣ, кажется туго подвигающейся; а впереди еще предстоятъ Комитету не маловажныя хлопоты о разрѣшеніи такихъ библіотекъ. Доживемъ ли мы до такого счастливаго времени, когда народныя библіотеки и школы открывать будетъ такъ же легко и позволительно, какъ кабаки и харчевни съ продажею крѣпкихъ напитковъ. А вѣдь было у насъ, лѣтъ 35—40 тому назадъ, такое время, когда не только не запрещалось открывать библіотеки, но напротивъ къ губернскимъ начальствамъ то и дѣло летѣли изъ министерствъ строгіе циркуляры о немедленномъ учрежденіи повсемѣстно публичныхъ библіотекъ для чтенія, хотя тогда населеніе не чувствовало почти никакого расположенія и склонности къ чтенію. Въ извѣстномъ „Курсѣ полицейскаго права“ проф. И. Е. Андреевскаго подробно говорится объ этихъ неудачныхъ начинаніяхъ.

Какъ сладко живется теперь мужикамъ въ деревняхъ, про это вотъ что пишетъ одинъ податной инспекторъ своему петербургскому знакомому. Въ редакцію передано подлинное письмо этого инспектора, который, между прочимъ, повѣствуетъ о своемъ уѣздѣ одной изъ внутреннихъ губерній:

„Объѣхалъ половину уѣзда, жалѣю, что такъ спѣшилъ; я думалъ обогатиться новыми впечатлѣніями, но совершенно разочаровался и кромѣ необыкновенной нищеты ничего необыкновеннаго не видалъ. Ужасно непріятно чувствовать себя блюстителемъ казенныхъ интересовъ среди кругомъ обобранныхъ деревенскихъ торгашей (мелочныхъ), обыкновенно безземельныхъ крестьянъ; просто поражаешься, какъ они перебиваются своей торговлей. Такъ прославленныхъ „кабатчиковъ“ здѣсь почти нѣтъ: въ винныхъ лавочкахъ сидятъ приказчики, служащіе на маленькомъ жалованіи у владѣльцевъ винокуренныхъ заводовъ, поэтому вся винная торговля уѣзда (даже нѣсколькихъ сосѣднихъ уѣздовъ) монополизована двумя-тремя фабрикантами, даже не изъ купцовъ, а изъ самыхъ столбовыхъ дворянъ; трудно сказать, какой изъ этихъ двухъ типовъ производителей лучше, и есть ли между ними разница. По моему, теперешніе помѣщики и купцы—одного поля ягоды, только первые орудуютъ въ деревнѣ, а вторые въ городахъ“!

Такимъ образомъ для людей, непосредственно теперь наблюдающихъ деревню, а не толкующихъ о ней по книжкамъ или по старой памяти, все больше уясняется та истина, что вся деревня подѣлилась теперь на двѣ части, на два элемента съ противоположными интересами, съ не имѣющими между собою ничего общаго нуждами, съ развивающимся антагонизмомъ между обоими элементами: крестьянскимъ, малоземельнымъ или безземельнымъ, и помѣщичьимъ, т. е. многоземельнымъ элементомъ, безъ всякаго различія сословій превратившимся въ чистую помѣщичью буржуазію, свободную отъ государственныхъ налоговъ въ то время, когда крестьяне обременены ими непомѣрно...

Влад. Вельскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По поводу австро-румынскаго союза.—Скудость и запоздалость извѣстій изъ Славянщины.—Польское министерство въ Австріи. Характеристика прошлой дѣятельности его членовъ, впечатлѣніе на соплеменниковъ, задача.

Въ политическомъ мірѣ носятся упорные слухи, что лѣтомъ текущаго года, при свиданіи съ австрійскимъ императоромъ въ Ишлѣ, король Карлъ Румынскій подписалъ договоръ, по которому Румынія присоединяется къ тройственному союзу и обязуется, въ случаѣ войны Австріи съ Россіей, вторгнуться немедленно на русскую территорію и занять своими войсками Жмеринку.

Намъ неизвѣстно, насколько вѣрны фактически эти свѣдѣнія, но они весьма правдоподобны. Союзъ Румыніи съ Австріей явствуетъ и изъ того, что нынѣ совсѣмъ прекратилось движеніе венгерскихъ румынъ въ Семиградіи, вызывавшее племенное сочувствіе въ Румынскомъ королевствѣ и причинявшее въ послѣднее время не мало непріятностей и хлопотъ мадьярамъ. Послѣ сказаннаго свиданія въ Ишлѣ, король Карлъ въ своихъ бесѣдахъ съ пештскими политиками отозвался крайне неодобрительно объ „агитаціи“ семиградскихъ ирредентистовъ, мадьяре ранѣе срока выпустили изъ тюремъ семиградскихъ патріотовъ, послѣдніе волей-неволей „вѣрноподданнѣйше“ благодарили „венгерскаго короля“ за эту милость, и теперь семиградскій ирредентизмъ ничѣмъ себя не проявляетъ, невзирая на съѣздъ угнетенныхъ народностей Венгріи: румынъ, словаковъ и сербовъ, въ Пештѣ, лѣтомъ текущаго года.

Было бы далеко не излишнимъ, если бы наше правительство приняло соотвѣтствующія мѣры противъ новыхъ козней нашихъ милыхъ сосѣдокъ. Какъ въ Румыніи, такъ и въ Австріи, происходящія въ послѣднее время правительственныя перемѣны, очевидно, все болѣе подгоняются, такъ сказать, къ потребностямъ и видамъ задорной политики ихъ противъ Россіи. Новое министерство Дмитрія Стурдзы въ Румыніи—это вѣчная диктатура короля Карла. Чиновничье (не парламентское) министерство Бадени-Голуховскаго въ Австріи—чуть-чуть не польская диктатура въ австро-венгерской внѣшней политикѣ. Что же хорошаго мо-

жетъ сулить намъ, въ лучшемъ случаѣ, воинственное, наступательное соединеніе такихъ дѣятелей, какъ католическій Гогенцоллернъ и польско-австрійскіе „патріоты?"...

* * *

Что̀ происходитъ по дѣламъ этого рода въ Австріи нѣмецкой и славянской, что мыслятъ про себя о насъ австро-венгерскіе славяне, что̀ готовы затѣять наши и ихъ противники въ международной политикѣ, со включеніемъ передѣлки самой нынѣшней государственной карты Европы, въ Вѣнѣ, Пештѣ, Бухарестѣ, въ Краковѣ, Львовѣ, Сараевѣ?—все это мы знаемъ мало и плохо. Кое-гдѣ, по тѣмъ мѣстамъ мы имѣемъ своихъ оффиціальныхъ представителей, но никто изъ нихъ, сколько извѣстно, не дѣлится въ настоящую пору съ русскимъ обществомъ своими свѣдѣніями по тамошнимъ дѣламъ, наблюденіями, размышленіями и выводами. Наши журналы и газеты, даже богатые и богатѣйшіе, не имѣютъ тамъ почти нигдѣ своихъ корреспондентовъ. Нигдѣ почти во всей Славянщинѣ за ходомъ дѣлъ мы своими глазами не слѣдимъ, а потому знаемъ ихъ и понимаемъ гораздо хуже западно-европейцевъ.

Всѣ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя находитъ нынче наше читающее общество въ своихъ журналахъ и газетахъ объ отношеніяхъ славянъ между собою, къ ихъ правительствамъ и чужеплеменнымъ сожителямъ, а также и къ Россіи, заимствуются почти исключительно изъ нѣмецкой печати—австрійской и германской, ибо славянскихъ газетъ и журналовъ, какъ это по всему видно, въ нашихъ редакціяхъ даже и не читаютъ, и преподносятся ему при томъ, большею частью, лишь въ видѣ буквальныхъ, неосмысленныхъ перепечатокъ. А между тѣмъ, во всѣхъ государствахъ тройного союза, въ настоящую пору, печать, какъ это долженъ удостовѣрить всякій изъ русскихъ постоянныхъ читателей заграничныхъ газетъ, видимо очень скупа на полезныя для насъ свѣдѣнія по этимъ вопросамъ. Въ особенности съ большимъ умѣньемъ и тонкостью нѣмцы *избѣгаютъ* сообщать ихъ въ такой редакціи, чтобы они могли служить къ открытію глазъ на сказанныя отношенія и у насъ сами по себѣ, помимо тѣхъ разнаго рода особыхъ умственныхъ комбинацій, которыя требуютъ большого знанія подробностей и въ данномъ случаѣ для многихъ читателей бываютъ непосильны за недостаткомъ именно этихъ подробностей. Какую же настоящую цѣну послѣ этого должны имѣть для русскаго „непосвященнаго" читателя подобныя „голыя" перепечатки? Нечего и говорить про услуги западно-европейскихъ телеграфныхъ агентовъ—не то что у насъ никѣмъ, кажется, сознательно не направляемыя въ согласіи съ нашими народными интересами и государствен-

ными видами, но и не контролируемыя иначе, какъ въ полицейско-цензурномъ смыслѣ. Всѣ эти агентства усердствуютъ передавать намъ только тѣ свѣдѣнія, которыми они надѣются воздѣйствовать на насъ такъ или иначе къ выгодѣ нѣмецкихъ соотечественниковъ или вообще запада, а то, что намъ могло бы быть полезно, всегда сокращаютъ и обрѣзаютъ до послѣдняго минимума, такъ, чтобы дѣло было какъ можно менѣе удобопознаваемо, или же просто не пускаютъ въ входъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ поразительными фактами, достаточно сравнить между собою по количеству и качеству телеграммы нашихъ газетъ и западно-европейскихъ и даже нѣкоторыхъ славянскихъ (напримѣръ, чешскія „Narodni Listy“). При такихъ условіяхъ нечего удивляться, что по знакомству съ политическими событіями мы всегда далеко отстаемъ отъ западно-европейскаго общества, а по ихъ пониманію зачастую ходимъ въ потемкахъ тамъ, гдѣ послѣднее хорошо видитъ все, что ему нужно видѣть. Указываемая неудовлетворительная организація политическаго освѣдомленія общества причиняетъ намъ неисчислимые матеріальные и нравственные убытки. Въ періоды лихорадочнаго бѣга событій и государственныхъ кризисовъ для цѣлыхъ племенъ и даже расъ, какъ наступившій уже, можетъ быть, въ наши дни, неудобство это особенно сильно даетъ себя знать.

* * *

Не ошибемся сказавъ, что въ послѣднее время изъ членовъ тройнаго союза наибольшею затѣйливостью и смѣлостью своей политики отличалась Австро-Венгрія. Разумѣемъ преимущественно: вышеупомянутый, ловко оборудованный военный союзъ ея съ Румыніей и затѣмъ полонизацію высшаго австрійскаго управленія. События эти состоятъ между собою въ причинной связи и по видамъ сторонъ, которыя дѣйствуютъ въ нихъ, оба имѣютъ международный характеръ. Наступательный военный союзъ съ Австро-Венгріей для малой и слабой Румыніи, долженствующей притомъ національно объединиться на счетъ своей союзницы, очевидно, дѣло неестественное и рискованное. Почему же не боятся и не избѣгаютъ его румынскіе патріоты? Мощные союзники и покровители Румыніи навѣрное прельстили и ослѣпили ее обѣщаніемъ прирѣзки на счетъ противной стороны (Бессарабія) и полюбовнаго разверстанія съ Австро-Венгріей въ томъ же территоріальномъ и національномъ отношеніи, когда успѣшная война раздвинетъ предѣлы послѣдней въ другомъ направленіи. Передача внутреннихъ дѣлъ и финансовъ Австріи а также внѣшнихъ дѣлъ совокупной Австро-Венгріи въ польскія руки — это по разсчетамъ союза, которые угадать не трудно, —одна изъ гарантій чаемыхъ успѣховъ... Печать тройнаго союза, отлично выдрессированная для

службы его видамъ, обо всемъ этомъ, конечно, не заикнулась ни единымъ словомъ, ни малѣйшимъ намекомъ до сихъ поръ [1]). Англійская, съ „Times“ впереди, поетъ хвалу графу Бадени, завѣряя, что это настоящій „государственный человѣкъ“, и пророча Австріи на этомъ основаніи великіе успѣхи отъ его дѣятельности, а французская, кажется, молчитъ поневолѣ за недостаткомъ свѣдѣній и невозможностью составить о дѣлѣ ясное понятіе и сказать о немъ твердое слово. Нѣкоторыя изъ славянскихъ газетъ въ самой Австріи проговаривались о немъ многозначительно, но славянскія газеты, какъ выше замѣчено, у насъ не читаются. Такимъ образомъ и случилось то, что назначеніе въ Австріи трехъ поляковъ на самыя высшія и самыя важнѣйшія государственныя должности, назначеніе весьма важное, боевое, не во внутренне-австрійскомъ, но въ международномъ смыслѣ, было весьма мало замѣчено у насъ въ печати и до сихъ поръ не оцѣнено обществомъ со стороны своего значенія для Славянства и России.

Нужно сказать прежде всего, что теперешнее безусловное преобладаніе поляковъ въ высшемъ государственномъ управленіи Австріи—дѣло новое и небывалое. Въ прежнее время, съ тѣхъ поръ, какъ галичане принадлежатъ Австріи, три поляка занимали въ ней министерскія должности. Это были: графъ Агеноръ Голуховскій (отецъ теперешняго министра иностранныхъ дѣлъ) — министръ внутреннихъ дѣлъ въ 60-хъ годахъ, графъ Альфредъ Потоцкій—министръ-президентъ въ 70-хъ, и г. Юльянъ Дунаевскій—министръ финансовъ въ кабинетѣ графа Таафе, въ 80-хъ годахъ. При каждомъ изъ нихъ, однако, всѣ прочіе министры были нѣмцы, поляки держались на своихъ мѣстахъ не подолгу и никто изъ нихъ замѣтной роли не игралъ. Теперь не то. Въ кабинетѣ графа Бадени министровъ-поляковъ трое, и въ ихъ рукахъ всѣ важнѣйшія министерства. То были правительства нѣмецкія съ участіемъ поляковъ, это, наоборотъ польское съ участіемъ нѣмцевъ на второстепенныхъ мѣстахъ.

---

[1]) Даже польскія газеты, хотя и прихвастнули, по обыкновенію, но весьма осторожно и даже хитро. Львовскій органъ князя А. Сапѣги «Dziennik Polski» очень радъ, что изъ-за назначенія графа Голуховскаго австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ не дошло дѣло до скандала въ россійской печати»,—то-есть, что у насъ объ этомъ назначеніи ничего не писали. Сей пріятный результатъ онъ приписываетъ вмѣшательству одного высокаго сановника нашего вѣдомства иностранныхъ дѣлъ. Онъ отнесся-де къ этому назначенію «съ большимъ запасомъ здраваго смысла и полнымъ знаніемъ вѣнскихъ отношеній. Ему-де было извѣстно, что графъ Голуховскій не болѣе полякъ, чѣмъ князь Радолинскій» (нашъ германскій посолъ). По ясному намѣренію польскаго органа хвалить обоихъ соплеменниковъ, это сравненіе надобно понимать, конечно, не въ томъ смыслѣ, что графъ Голуховскій плохой полякъ, но въ томъ, что князь Радолинскій никому не уступитъ въ польскомъ патріотизмѣ. «Назначеніе графа Бадени, говоритъ тотъ же органъ, прошло безъ слѣда и незамѣтно въ Петербургѣ, гдѣ господствуетъ обычай смотрѣть на дѣла немного свысока,—отчасти также, можетъ быть, по причинѣ неславянской фамиліи новаго министра-президента»...

Что же было причиной ихъ назначенія? Какія-нибудь особыя государственныя заслуги гг. Голуховскаго, Бадени и Бѣлинскаго? Ихъ таланты, необыкновенныя государственныя способности? Навѣрное ни то, ни другое. До своего назначенія австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора графъ Голуховскій занималъ скромное мѣсто австрійскаго посланника въ Бухарестѣ. Тогда ходили о немъ слухи, что онъ успѣлъ заслужить личное расположеніе румынскаго короля, но особыхъ какихъ-нибудь подвиговъ и отличій на этомъ поприщѣ никакая даже молва ему не приписывала. Въ послѣднее время онъ проживалъ въ отставкѣ, и назначеніе его изъ бывшихъ посланниковъ сразу въ министры вызвало сначала въ нѣмецкихъ газетахъ замѣтное изумленіе, какъ неожиданное и необъяснимое возвышеніе поляка, притомъ для министерскаго поста слишкомъ молодого и недостигшаго въ австрійской бюрократіи даже среднихъ чиновъ. Правдоподобно предположить, что онъ, будучи посланникомъ въ Бухарестѣ, участвовалъ въ подготовкѣ того сближенія Австро-Венгріи съ Румыніей, которое нынѣшнимъ лѣтомъ было подписано въ Ишлѣ, но едва-ли назначеніе въ министры иностранныхъ дѣлъ обѣихъ половинъ имперіи Габсбурговъ могло быть справедливою наградой за эту услугу, какъ бы ни цѣнили въ Австро-Венгріи военное сообщество съ Румыніей. Стало-быть выборъ Голуховскаго на столь важный постъ былъ дѣломъ особыхъ соображеній. Г. Билинскій, бывшій профессоръ, до своего назначенія на должность австрійскаго министра финансовъ, скромно трудился по спеціальности желѣзныхъ дорогъ, никого не интересуя своею личностью и дѣятельностью, кромѣ пріятелей, въ числѣ коихъ оказался, впрочемъ, и графъ Бадени. Что касается, наконецъ, сего послѣдняго, нынѣ „знаменитаго“ австрійскаго министра-президента, на котораго, по завѣренію польской печати, съ трепетомъ устремляетъ взоры чуть не весь міръ, то его служебная карьера за послѣднія 7 лѣтъ была виднѣе, она достаточно извѣстна и представляетъ довольно фактическаго матеріала не только для оцѣнки качества его нравственной личности, но и для вѣрнаго заключенія о томъ, куда и какъ онъ постарается направить государственный корабль Австріи.

Графъ Казиміръ Бадени, сынъ небогатаго польскаго помѣщика итальянскаго происхожденія, политическую школу прошелъ у знаменитыхъ „станьчиковъ“ въ Краковѣ, гдѣ онъ въ теченіи ряда лѣтъ занималъ должность уѣзднаго „старосты“, какъ по рангу, такъ и по обязанностямъ очень схожую съ должностью нашихъ „земскихъ начальниковъ“. Польская помѣщичья, или аристократическая, партія „станьчиковъ“ обратила свое вниманіе на Бадени во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Въ то время, лѣтъ черезъ пять послѣ громкаго политическаго судбища надъ глав-

ными русскими дѣятелями въ Галичинѣ: Наумовичемъ, Добрянскимъ, Площанскимъ и другими, нанесшаго страшный ударъ дѣлу національнаго и вообще духовнаго возрожденія русскихъ галичанъ, „станьчики“ поднялись до апогея силы и могущества какъ въ краѣ, такъ и въ самой Вѣнѣ—при дворѣ и въ австрійскомъ парламентѣ. Тутъ-то, рѣшившись продолжать войну съ ослабленными русскими уже безъ малѣйшаго разбора средствъ, „старосту“ пана Бадени они сдѣлали въ ней своимъ главнокомандующимъ и въ таковомъ званіи назначали на первую въ краѣ должность — императорскаго намѣстника. Панскій ставленникъ не только оправдалъ довѣріе своихъ покровителей, но даже превзошелъ ихъ надежды. Выражаясь кратко словами „воззваній“, которыми теперь, послѣ ухода графа Бадени изъ Галичины, русскіе патріоты собираютъ свой народъ „на вѣча“ для совѣщанія, что дѣлать,—при немъ „Галицкая Русь узнала и узрѣла воочію, что для нея на споконвѣчной русской землѣ нѣтъ ни правды, ни закона“, а его семилѣтнее управленіе „было тяжкимъ оскорбленіемъ всего русскаго народа въ Галичинѣ, неслыханнымъ поруганіемъ его святѣйшихъ чувствъ“. Польскіе, нѣмецкіе и мадьярскіе хвалебщики графа Бадени, послѣ назначенія его министромъ-президентомъ, рекомендовали его главнымъ образомъ какъ „человѣка желѣзной руки“. Русскія вѣча поясняютъ теперь эту рекомендацію стонами и воплями въ такомъ родѣ: „корабль нашей народной русской жизни сильно поврежденъ тою самою желѣзною рукой, которая была обязана хранить его“...

Дѣйствительно, въ семилѣтнее управленіе Галичиной графа Казиміра Бадени польская шляхта, подъ его командой, пустивъ въ ходъ противъ русскихъ такія средства, какъ ложь, обманъ, насиліе, застращиваніе, преслѣдованіе, а съ другой стороны — протекція, посулы, подкупъ, добилась на пагубу русскаго народа положенія дѣлъ, которымъ должна быть довольна. Она лишила галицко-русскій народъ законнаго представительства какъ въ сеймѣ, такъ и въ парламентѣ, расплодила въ немъ гибельныя партіи — „народовцевъ“, „угорцевъ“, „новохристовъ“, „соціалистовъ“, на древнюю русскую митрополичью каѳедру, прогнавъ пастыря, посадила волка, „доктора“ Сильвестра Сембратовича, который распространилъ нравственную порчу лицемѣрной приверженности къ уніи и къ Риму въ молодомъ поколѣніи русскаго сельскаго духовенства, изгнала русскій языкъ изъ русской народной школы, замѣнивъ его отчасти польскимъ языкомъ, отчасти — измышленнымъ безобразнымъ лжеподобіемъ русскаго, извѣстнаго подъ именемъ треклятой „фонетики“, и т. д., и т. д.

Графъ Бадени въ должности намѣстника Галичины—это былъ ярый врагъ и ненавистникъ русскаго народа, поставленный надъ нимъ съ неограниченной властью и съ бичемъ въ „желѣзной“ рукѣ. Эта ненависть доводила его до какого-то умоизступленія и нравственной невмѣняемости или же до невѣроятнаго цинизма, какъ это удостовѣряютъ несомнительные, хотя почти невѣроятные факты его правительственной дѣятельности. Бывъ назначенъ министромъ-президентомъ въ августѣ сего года, графъ Бадени заявилъ, что желаетъ „лично руководить“ предстоящими въ Галичинѣ выборами въ сеймъ и вернется во Львовъ на мѣсяцъ для такого руководства. Само по себѣ это заявленіе, оглашенное оффиціально, было до крайности странно въ устахъ министра-президента и вмѣстѣ намѣстника. Такъ какъ законъ въ Австріи, какъ и повсюду, главнымъ условіемъ выборовъ поставляетъ, конечно, ихъ свободу и непринужденность, запрещая вмѣшательство въ нихъ администраціи или „исполнительной власти“, то сказанное объявленіе заключало въ себѣ логическое противорѣчіе, или же явное намѣреніе новаго министра-президента воздѣйствовать на выборы вопреки закону. Въ самомъ дѣлѣ, вернувшись въ Галичину, графъ Бадени *предписалъ* уѣзднымъ старостамъ, подъ страхомъ увольненія въ отставку, приложить всевозможныя старанія къ тому, чтобы непремѣнно были выбраны только кандидаты угодной ему, панско-помѣщичьей, клерикально-шляхетской партіи. Такимъ образомъ, подъ „личнымъ руководствомъ“ министра-президента и вмѣстѣ генералъ-губернатора или намѣстника, при широкомъ участіи старостъ, полиціи и жандармеріи, путемъ обмана, подкупа и насилія, выборы во всей странѣ были *поддѣланы* такъ исправно, что на этотъ разъ русскому трехмилліонному народу не удалось провести въ сеймъ буквально *ни одного* неподдѣльнаго своего представителя. Достигнувъ столь блистательной побѣды и уѣзжая по окончаніи выборовъ въ Вѣну, на постъ австрійскаго министра-президента, графъ Бадени, какъ бы въ заключеніе ряда невропатическихъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ какой-то истинно *mania furiaca antirossica*, при прощаніи со своими политическими единомышленниками и покровителями въ Краковѣ, не постѣснился объявить оффиціально, что эти выборы производились повсюду свободно, со строжайшимъ соблюденіемъ законности, въ порядкѣ, хотя и были-де попытки застращиванія (!) со стороны русскихъ!!

Вѣрную, правдивую и поучительную характеристику не только правительственной дѣятельности графа въ Галичинѣ, но личныхъ качествъ его, содержитъ рѣчь одного изъ трехъ или четырехъ русскихъ пословъ, засѣдающихъ еще (по прежнимъ выборамъ) въ австрійскомъ рейхсратѣ, г. Романчука, сказанная въ присутствіи министра-президента во

время преній о программѣ новаго правительства. Заявивъ, что эта программа не отличается должной ясностью, Романчукъ разборомъ программы и рѣчей графа Бадени во Львовскомъ сеймѣ доказывалъ, что на обѣщанія новаго министра-президента не слѣдуетъ полагаться, ибо дѣла графа Бадени не соотвѣтствуютъ его словамъ. Высшимъ началомъ правительственной дѣятельности въ программѣ названа справедливость. Въ устахъ новаго министра-президента это слово очень смѣлое, ибо справедливость есть именно та добродѣтель, которою онъ до сего времени менѣе всего руководился въ своей политической дѣятельности. Нарисовавъ затѣмъ мрачную, полную невѣроятныхъ подробностей картину выборовъ въ восточной Галичинѣ подъ „руководствомъ" бывшаго намѣстника, русскій посолъ воскликнулъ: „Я рѣшительно не понимаю— какъ у его сіятельства г. министра-президента хватило духу утверждать въ собраніи избирателей по разряду крупной собственности (пановъ-помѣщиковъ) въ Краковѣ, что всѣ извѣстія о систематическомъ несоблюденіи законовъ (на выборахъ) вымыселъ, что эти выборы происходили безъ ограниченія свободы и что поведеніе властей повсемѣстно соотвѣтствовало требованіямъ закона!.."

Эту характеристику не мѣшаетъ дополнить здѣсь изъ другой бочки— польскими отзывами, которые показали намъ несомнѣнно „впечатлѣніе событія" на польскихъ соотечественниковъ трехъ новыхъ австрійскихъ министровъ. Безъ этой справки характеристика была бы не полна какъ разъ съ той стороны, которая для насъ, русскихъ, должна быть особенно любопытной, по нашему сосѣдству съ поляками, сожительству и разнымъ другимъ отношеніямъ. Признаться сказать, читая эти польскія мнѣнія, оцѣнки, похвалы, надежды,—дивишься только польской субъективности, фантастичности, довѣрчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ самоувѣренности. По окончаніи галицкихъ выборовъ, достойный „руководитель" ихъ, провожаемый проклятіями трехмилліоннаго русскаго народа (смотри „воззваніе" къ нему депут. Романчука), а не однѣми только демонстраціями своихъ друзей—пріятелей, уѣхалъ, наконецъ, въ Вѣну—принимать высокую должность. Польскій журналъ, выросшій и благоденствующій не на австрійской или прусской, а на русской нашей почвѣ, вдали, стало быть, отъ этихъ событій и ихъ одуряющаго дѣйствія, подводитъ итогъ дѣятельности графа Бадени и тщится сдѣлать нравственную и политическую оцѣнку самой личности этого дѣятеля. Послушайте же и потрудитесь потомъ разсудить sine ira et studio: какой прокъ печатать для нашихъ русскихъ поляковъ подобные лживые и надутые панегирики австро-польскимъ „необыкновеннымъ" дѣятелямъ? Въ сказанномъ журналѣ мы читали про графа Бадени буквально слѣдующее:

„Исторія Австріи не запомнитъ, чтобы кто-нибудь изъ ея первыхъ министровъ вступалъ въ должность при такихъ счастливыхъ (?), повидимому, условіяхъ и среди столь внушительныхъ проявленіяхъ чувствъ („manifestacyjnych objąwach“), какъ графъ Бадени. Заранѣе мѣсяцевъ на шесть было извѣстно, что министерство графа Кильмансегга должно подготовить путь мужу, „ниспосылаемому Провидѣніемъ“ (opatrznościowemu mężowi), и въ теченіе всего этого времени не одна только австрійская, но вся европейская печать занималась его личностью. И хотя коегдѣ слышался скрежетъ зубовъ, большая часть представителей общественнаго мнѣнія почтительно склоняла голову передъ „грядущимъ“, славила его заслуги и личныя свойства или по крайней мѣрѣ выражала ему свое сочувствіе“.

На повѣрку оказывается, однако, что всѣ эти хвалы, удивленія, поклоненія, какъ и „скрежетъ зубовъ“, въ сущности дѣла—плодъ польской фантазіи, творящей громкія фразы для превознесенія „своего человѣчка“, передъ которымъ безъ задней мысли никто не преклонялся и подобныхъ ѳиміамовъ не курилъ. Вѣнскія газеты и летучіе листки нѣмецкой католической партіи, правда, называли графа Бадени „вторымъ Собѣскимъ“, желая новому польскому министру сдѣлаться „новымъ польскимъ спасителемъ Вѣны и даже всей Австріи“, но не серьезно, а риторически, въ видѣ привѣтственнаго комплимента, для украшенія своего слога звонкою фразой, съ которой никто исторической точности не взыщетъ. Въ Пруссіи и Германіи нѣкоторые органы по поводу назначенія гр. Бадени выразили недовольство, что поляки „идутъ въ гору“, но по тону это было далеко не „скрежетъ зубовъ“ и относилось не лично къ теперешнему австрійскому премьеру, а вообще къ полякамъ. Что, будто бы, „вся европейская печать“ занималась особой г. Бадени—это неправда, но официозная журналистика тройственнаго союза, дѣйствительно, вся обратила вниманіе на назначеніе польскаго министерства въ Австріи и отнеслась къ нему весьма доброжелательно, какъ къ своимъ людямъ, идущимъ дѣлать дѣло этого самаго союза. Но „мужъ ниспосылаемый самимъ Провидѣніемъ“, „грядый“,—эти фразы, освѣщая личность новаго австрійскаго премьера невѣрнымъ, фантастическимъ и даже мистическимъ свѣтомъ,—какое расположеніе и какія чувства должны порождать онѣ къ сему послѣднему и къ Австріи въ довѣрчивыхъ сердцахъ польскихъ читателей у насъ, въ Россіи, особенно тѣхъ, которымъ въ томъ же журналѣ отъ имени вѣнскаго „польскаго кола“ недѣли двѣ или три ранѣе этого было сказано самымъ положительнымъ образомъ, прозаически, что для обѣихъ несчастныхъ частей Польши Австрія должна быть землей ободренія, утѣшенія и отрады“!

„Кому знакома воздержность и осмотрительность слова въ актахъ, исходящихъ изъ императорской канцеляріи“, вѣщаетъ далѣе журналъ, тотъ съ немалымъ удивленіемъ замѣтилъ и тонъ, и содержаніе рескрипта Франца-Іосифа, въ коемъ монархъ выразилъ необыкновенную похвалу прошлой дѣятельности становящагося президентомъ министровъ галицкаго намѣстника; была въ этомъ рескриптѣ и высочайшая признательность краю и его представительству, и похвала системѣ, плодомъ которой явилось болѣе тѣсное сближеніе (sic) галицкаго общества съ государственною идеею“.

Все суперлятивы, все удивленіе да изумленіе, и притомъ въ тонѣ какого-то австрійскаго, плохо замаскированнаго вѣрноподданства! „Высочайшая“ признательность, „акты императорской канцеляріи“; „Францъ-Іосифъ“ —почтительнѣйшая краткость, избѣгающая титулованія.... и не разберешь сразу—чья это и о комъ рѣчь. Между тѣмъ, „c'est le ton qui fait la chanson“!... Вышеприведенныя строки требуютъ лишь небольшого фактическаго поясненія, чтобы сдѣлаться вполнѣ понятными и справедливо возбудить въ русской душѣ совсѣмъ другія чувства. Въ помянутомъ рескриптѣ графу Бадени было сказано именно, что въ должности намѣстника онъ оказалъ „особыя заслуги“ для Габсбургскаго дома и государства, а также „возлюбленнаго королевства Галиціи и Лодомеріи“. При содѣйствіи сейма онъ-де „благоразумно положилъ начало взаимному соглашенію обоихъ, отеческому сердцу подписавшаго рескриптъ „равно любезныхъ племенъ“ (т. е. русскихъ и поляковъ), и т. д. Но вѣдь для русскихъ, бо̀льшаго изъ двухъ „равно любезныхъ племенъ“ Галичины, какъ это всему свѣту извѣстно, намѣстникъ Бадени былъ поистинѣ бичъ какой-то кары Божіей! Онъ старался задавить это „племя“, растоптать, уничтожить. Не станемъ спорить: можетъ быть, это и „заслуга“ предъ Габсбургскимъ домомъ! Но въ настоящее время говорить о замиреніи „равно любезныхъ племенъ“ — это издѣвательство, наглая насмѣшка! Русскій посолъ Романчукъ въ томъ же засѣданіи австрійскаго рейхсрата, черезъ двѣ недѣли послѣ рескрипта, въ присутствіи министра Бадени, высказался объ этомъ съ достаточною опредѣленностью. Вотъ его слова: „Дѣятельность г. министра-президента въ Галичинѣ была слишкомъ превозносена и широко раструблена. Разсказывали, что въ Галичинѣ господствуетъ образцовый порядокъ и спокойствіе, что тамъ наступило примиреніе партій и народностей. Странная фикція! Произошло какъ разъ противное этому... Политика графа Бадени принесла лишь слѣдующіе плоды: всеобщее недовольство, усиленіе взаимной ненависти между сословіями, упадокъ чувства законности и правоваго порядка въ народѣ...

Да сохранитъ судьба остальную Австрію отъ такихъ послѣдствій правительственной политики"!...

Въ Россіи у насъ все это хорошо извѣстно намъ, русскимъ, а еще лучше—польскимъ публицистамъ. Отчего бы, кажется, польскому журналу, стоящему вдали, въ географическомъ смыслѣ, отъ галицкой борьбы народностей и партій, не придерживаться въ этихъ дѣлахъ болѣе фактической и справедливой точки зрѣнія и не говорить о нихъ правды, хотя болѣе или менѣе, своимъ читателямъ, воздѣйствуя этимъ, можетъ быть, отрезвительно, для примиренія народностей, и на галицкопольскихъ политиковъ? Теперь онъ дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ. Странное увлеченіе! Непонятная „политика"!

Трудно удержаться отъ улыбки сожалѣнія, читая, напримѣръ, какъ нашъ польскій органъ лѣзетъ вонъ изъ кожи, чтобы представить великимъ событіемъ даже львовскіе проводы пана Бадени. Они-де были непрерывнымъ рядомъ небывалыхъ овацій „для человѣка и системы" какъ со стороны властей государственныхъ и земскихъ (sic), такъ и граждан (ogół obywatelstwa). Польскій публицистъ такъ вѣритъ, можетъ быть, впрочемъ, только на словахъ, въ своего героя, что въ его рѣчи даже критика превращается въ панегирикъ. И это не „мелочи" какія-нибудь, ибо это читается, можетъ быть съ притаеннымъ дыханіемъ сотнями тысячъ нашихъ мирныхъ польскихъ согражданъ на пространствѣ цѣлыхъ 19 губерній. Слѣдуетъ только подумать объ этихъ рѣчахъ съ точки зрѣтѣхъ національныхъ и государственныхъ противорѣчій, которыя не только существуютъ между Австріей и Россіей, но даже чуть не на этихъ днахъ, какъ замѣчено выше, заставили австрійское правительство заручиться новымъ военнымъ союзомъ, а наше—подвинуть свои полки къ западной границѣ. *Non sunt contemnenda parva sine quibus magna constare non possunt...* Какъ „великъ былъ" все тотъ же графъ Казиміръ Бадени, „mąż opatrznościowy, nadchodzący", въ минуту разставанія съ облагодѣтельствованною имъ „Галиціей и Лодомеріей",—это нашъ польскій публицистъ расписываетъ пространно съ самодовольствомъ, даже съ гордостью въ такихъ словахъ:

„Личныя соперничества отошли на десятый планъ, попрятались задѣтыя честолюбія. Забыли о менѣе счастливыхъ (впрочемъ, рѣдкихъ и исключительныхъ) подробностяхъ „Баденіевскаго правленія", о слишкомъ подчасъ энергическомъ размахѣ „желѣзной руки", о падавшихъ отъ времени словахъ: *sic volo, sic jubeo*, а помнили только о совокупности *царствованія*, отмѣченнаго добрыми плодами въ лѣтописяхъ провинціи. Блистательнымъ доказательствомъ этого было предложенное графу Бадени почетное гражданство гор. Львова, а также появленіе его антагониста,

князя Адама Сапѣги, во главѣ депутаціи галицкой шляхты на проводахъ бывшаго намѣстника. Не станемъ передавать здѣсь содержанія цѣлаго потока рѣчей и адресовъ, которые выслушалъ графъ Бадени на послѣднихъ дняхъ своего пребыванія во Львовѣ. Впрочемъ, всѣ они выражали одно и тоже: признаніе его заслугъ и великія ожиданія, связанныя съ назначеніемъ его въ президенты министровъ. Зато съ особеннымъ удареніемъ мы и должны указать на ту сердечную ноту, которая пробивалась въ отвѣтахъ графа Бадени.

„Галицкіе государственные люди, лелѣющіе (piastujący) министерскіе портфели, пріучили насъ къ высокой политикѣ, состоящей въ отличіи гражданина края отъ положенія австрійскаго министра. Графъ Бадени, однако, не счелъ нужнымъ забыть о своемъ происхожденіи и порвать связи съ прошедшимъ изъ-за настоящаго. Сильный довѣріемъ короны, онъ могъ смѣло заявить, что интересы государства и интересы края будутъ равно близки его сердцу. И онъ сказалъ это со свойственною ему откровенностью. Мнѣ нѣтъ надобности увѣрять васъ—такова была сущность его рѣчей,—что то, что было дорого мнѣ, дорогимъ и останется: мое прошедшее вамъ порука въ этомъ. Прощаясь съ областнымъ земскимъ комитетомъ, онъ заявилъ: „Мои обязанности къ краю остаются неизмѣнно (?) тѣ же самыя“, и отвѣчая на слова Ад. Сапѣги, сказалъ къ шляхтѣ: „вы постоянно будете чувствовать меня между собою“...

На вѣнской парламентской аренѣ не легко будетъ пану Бадени поддерживать въ цѣлости фикцію своего величія, не только въ польскомъ смыслѣ, какъ „мужа провиденціальнаго“, но и въ нѣмецкомъ, какъ „энергичнаго министра“, „человѣка желѣзной руки“. Прошло еще немного времени, настоящихъ парламентскихъ сраженій еще не было, но отъ первыхъ же ударовъ, нанесенныхъ ему славянскою рукой, нравственная фигура его настолько съежилась, сократилась и полиняла, что прежніе галицкіе эпитеты стали ему совсѣмъ не къ лицу. Скептицизмъ насчетъ его „государственнаго ума“ и проч. начинаетъ распространяться даже между поляками въ Галичинѣ. Краковская „Nowa Reforma“ въ рѣзкихъ выраженіяхъ объяснила ему неприличіе для поляка и славянина его вступительной министерской рѣчи, гдѣ онъ превознесъ нѣмецкую культуру въ Австріи на счетъ славянской, назвавъ нѣмецкую культуру вѣковою, историческою, сіятельною (vorleuchtende) и заявивъ, что новое польское правительство будетъ отдавать ей, то есть вообще нѣмцамъ, предпочтеніе и преимущество. Съ своей стороны, львовскій органъ вышеупомянутаго антагониста его, кн. Сапѣги „Dziennik Polski“, похвалы графу Бадени въ новой должности и упованія на него польскаго

общества Галичины обставляетъ такими оговорками и условіями, въ которыхъ сквозитъ злорадство и насмѣшка.

Весьма нетактичнымъ и неполитичнымъ оказалось также въ програмной рѣчи новаго польскаго премьера обращеніе его къ чехамъ. Предваривъ это обращеніе на нѣсколько дней снятіемъ военнаго положенія въ Прагѣ и полагая, очевидно, что этой „уступки“ будетъ достаточно для смягченія оппозиціи младочеховъ, гр. Бадени гордо объявилъ, что его правительство будетъ оказывать довѣріе Чешскому народу, если младочехи станутъ вести себя благоразумно, какъ слѣдуетъ „добрымъ австрійскимъ подданнымъ“. Ему отвѣчалъ младочехъ Герольдъ, лучшій изъ ораторовъ рейхстага, превосходною рѣчью, послѣ которой стало ясно, что какъ парламентаристъ и политикъ гр. Бадени „не глубоко плаваетъ“, что парламентъ имѣетъ передъ собой фиктивную величину, а не „государственнаго человѣка“. Вдвойнѣ оскорбленный въ своемъ достоинствѣ, какъ славянинъ и какъ чехъ, Герольдъ въ пламенныхъ словахъ, которымъ глубокое убѣжденіе и гордое чешское самосознаніе придали сокрушительную силу, объяснилъ, что чешская культура не уступитъ ни въ чемъ нѣмецкой и что отмѣна осаднаго положенія въ Прагѣ не есть „уступка“ или „милость“, а только прекращеніе долго существовавшаго беззаконія; что же касается „довѣрія“, то, по его словамъ, не Чешскій народъ нуждался въ довѣріи правительства, а наоборотъ—правительство не можетъ существовать безъ довѣрія Чешскаго народа, въ чемъ оно не разъ убѣждалось и скоро опять убѣдится. Какъ Герольдъ, такъ и другіе чешскіе ораторы, говорившіе послѣ него, согласно заявили, что покуда правительство не исполнитъ всѣхъ справедливыхъ требованій Чешскаго народа, младочехи не прекратятъ оппозиціи и не измѣнятъ ни въ чемъ своего поведенія. Чехи принудили польскаго премьера дать объясненіе по всѣмъ главнымъ частямъ его рѣчи, но оно было туманное, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожное, никого не удовлетворило и еще болѣе ослабило его политическій авторитетъ. Рѣчь Романчука, весьма не высокая по своимъ ораторскимъ качествамъ и политической мысли, по смѣлая и безпощадная въ разоблаченіи недостойныхъ пріемовъ враждебной Русскому народу политики бывшаго галицкаго намѣстника, произвела огромное и весьма невыгодное для графа Бадени впечатлѣніе не только на палату, но и на правительство. Самъ графъ Бадени, какъ пишутъ, былъ не въ силахъ сохранить наружное спокойствіе, до половины рѣчи слушалъ ее отворотившись, потомъ всталъ и вышелъ блѣдный изъ залы рейхсрата.

Было бы, однако, большою ошибкой по этимъ неудачамъ пророчить короткій вѣкъ нынѣшнему австрійскому министерству. Такъ какъ

задача его несомнѣнно гораздо болѣе международно-воинственная, нежели мирная внутренне-австрійская, и это не только хорошо извѣстно всѣмъ господствующимъ нынѣ въ Австро-Венгріи національно-политическимъ партіямъ, то есть именно нѣмцамъ, полякамъ и мадьярамъ, но и вполнѣ одобряется ими, то, конечно, каковы бы ни были парламентскія неудачи министерства графа Бадени, коалиція нѣмцевъ, поляковъ и мадьяръ не допуститъ его паденія. Оно будетъ держаться, можетъ быть, очень долго—до тѣхъ поръ, покуда не наступитъ одно изъ двухъ: не измѣнится теперешнее направленіе внѣшней политики Австро-Венгріи, какъ члена тройного союза, все болѣе выдвигаемаго имъ противъ Россіи, или же оно само не будетъ признано почему-либо плохо исполняющимъ вышеуказанную главную свою задачу.

Въ чемъ состоитъ ближайшимъ образомъ эта задача? Объяснить это не трудно. Въ совѣтахъ тройного союза безъ сомнѣнія рѣшено, что въ предположенномъ походѣ Австро-Венгріи на Россію роль главнаго пособника первой долженъ будетъ сыграть польскій народъ всѣхъ мѣстъ своего разселенія, наэлектризованный для такого подвига тройнымъ обѣщаніемъ воскрешенія Польши. Тутъ задача польскаго министерства графа Бадени становится совершенно ясною. Во-первыхъ, оно до нѣкоторой степени само собой уже знаменуетъ, символизуетъ и, елико возможно, обезпечиваетъ воскрешеніе Польши, а стало быть, само собою же, или такъ сказать, самимъ своимъ существованіемъ, электризуетъ и мобилизуетъ духовно-польскій элементъ повсюду для сказанной надобности; затѣмъ, графъ Бадени лично сохраняя неразрывныя связи съ польскою Галичиной, при помощи ихъ, какъ человѣкъ весьма опытный по этой части, удобно можетъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ изъ Кракова на „Царство“, а изо Львова на „Украйну“. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть этихъ затѣй въ настоящую пору!

Нашъ польскій журналъ, изъ котораго выше мы привели длинныя, но не скучныя для русскаго читателя, надѣемся, выписки, восхищается графомъ Бадени за то, что онъ, удаляясь въ Вѣну, „не счелъ нужнымъ забыть свое происхожденіе изъ Галиціи“, подобно другимъ австрійскимъ министрамъ-полякамъ (намеки на г. Ю. Дунаевскаго), и обѣщалъ, напротивъ, свято хранить прежнія дорогія связи съ „краемъ“ и духомъ своимъ всегда пребывать въ немъ. Не сомнѣваемся, что графъ Бадени съ большимъ чувствомъ сказалъ все это на проводахъ, но мы не согласны съ журналомъ въ объясненіи причины такого поведенія графа Бадени не по примѣру бывшихъ галицкихъ министровъ. Дѣйствительно, г. Ю. Дунаевскій, когда галицкіе паны-помѣщики и шляхта напирали на него, требуя уменьшенія податей и налоговъ, отказывался

это сдѣлать на томъ основаніи, что онъ-де австрійскій министръ и долженъ прежде всего заботиться объ интересахъ австрійскаго государства. Отзываясь иронически о такой „высшей политикѣ“ г. Дунаевскаго, журналъ утверждаетъ, что графъ Бадени показалъ болѣе высокій польскій патріотизмъ, поставивъ интересы „края“ наравнѣ съ интересами государства, и сдѣлавъ это со свойственнымъ-де ему прямодушіемъ, „сильный довѣріемъ короны“. Всякій, однако, кто дастъ себѣ трудъ обдумать это поведеніе гр. Бадени въ связи съ объясненною выше особою миссіей его министерства, не можетъ усомниться, что въ данномъ случаѣ и онъ дѣйствовалъ какъ *австрійскій* министръ, заботящійся прежде всего объ интересахъ австрійскаго государства. Какъ онъ могъ не говорить и не повторять о своей любви къ „краю“ и неразрывной съ нимъ связи, когда и взятъ-то былъ въ Вѣну изъ Галичины, какъ и два другіе польскіе министра теперешняго австрійскаго кабинета, особенно графъ Голуховскій, не для чего иного, какъ для показа ей, а черезъ нее и „всей Польшѣ“ особенной пламенной любви къ нимъ нѣмецкой Австріи и мадьярской Венгріи, возложившихъ на себя будто бы великій, но тяжелый подвигъ воскресить Польшу....

Критическія бесѣды.

«Русская Мысль»: «Убійство»—разсказъ А. П. Чехова, «Графинюшка»—этюдъ С. И. Ардова.—Русское Богатство»: «Митька».—разсказъ Евгенія Чирикова, «Новое Слово»: На край свѣта»—очеркъ Ив. Бунина, «Безъ особенныхъ правъ»—повѣсть Д. Мамина-Сибиряка, «Исторія чернаго сюртука»—разсказъ изъ рабочей жизни М. Крешнера. «Сѣверный Вѣстникъ «Тяжелые сны»—романъ Ѳ. Соллогуба.

Наша беллетристика такъ оскудѣла, что небольшой разсказъ г. Чехова „Убійство" долженствовавшій появиться въ „Русской Мысли", ожидался какъ нѣкоторое литературное событіе. Многочисленные поклонники г. Чехова съ нетерпѣніемъ ждали выхода книжки московскаго журнала, разсчитывая насладиться крупнымъ художественнымъ произведеніемъ любимаго писателя. Мы заранѣе предвкушали тотъ ни съ чѣмъ не сравнимый трепетъ, который вы испытываете, уходя всею душою въ книгу, до забвенія всего окружающаго со всѣми его мелкими, надоѣвшими „злободневными" заботами, когда призрачная жизнь художественнаго вымысла, кажется, такъ реальна, что заслоняетъ отъ васъ вашу дѣйствительную жизнь. Я долженъ сознаться, что мои надежды оказались обманутыми. Не то чтобы произведеніе г. Чехова не было художественнымъ —онъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно стоитъ въ первомъ ряду своихъ собратій — но оно почему-то не захватываетъ такъ властно вашего воображенія, не овладѣваетъ такъ всецѣло вашей душой. Въ художественной дѣятельности г. Чехова лѣтъ 7—8 тому назадъ произошелъ крупный переломъ: онъ началъ съ легкихъ, преимущественно юмористическихъ миніатюръ, съ мимолетныхъ фотографій жизни и, создавъ себѣ на этомъ поприщѣ громкую извѣстность большого художника на малые сюжеты, перешелъ къ совершенно новому виду болѣе или менѣе крупныхъ по размѣрамъ и серьезныхъ по замыслу психологическихъ произведеній. Въ первомъ періодѣ онъ не шелъ дальше внѣшнихъ наблюденій надъ жизнью, легкихъ жанровыхъ сценокъ, тѣневыхъ силуэтовъ, геніально схватываемыхъ съ помощью его чуткаго художественно-фотографическаго апарата; во второмъ же періодѣ онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ попытокъ проникнуть въ глу-

бину человѣческой души, въ самыя нѣдры психической жизни, подобно Геркулесу, который проникъ въ подземный тартаръ, не убоясь восьмиголоваго Цербера. Послѣ безчисленнаго множества жанровыхъ сценъ и набросковъ онъ даетъ рядъ такихъ сравнительно крупныхъ произведеній, какъ „Степь“, „Именины“, „Дуэль“, „Палата № 9“, и наконецъ послѣдній разсказъ „Убійство“. Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ сталъ писать психологическіе очерки, онъ уже совсѣмъ не пишетъ мелкихъ набросковъ. Онъ не дополнилъ прежній жанръ новымъ, но замѣнилъ первый вторымъ. Въ этомъ случаѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ метаморфозой самого творчества г. Чехова, съ послѣдовательнымъ и кореннымъ превращеніемъ его таланта. Занявшись художественной психологіей, онъ пересталъ интересоваться художественной фотографіей, моментальныя снимки которой представляютъ собою произведенія первыхъ годовъ его творчества. Его психологія развивается, такъ сказать, на счетъ внѣшняго наблюденія жизни, на счетъ объективнаго только художественно-созерцательнаго отношенія къ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное настроеніе автора, изъ прежняго здороваго, живаго и спокойнаго сдѣлалось тревожнымъ, „хмурымъ“, иногда даже положительно мрачнымъ. Вспомните, какое ясное и почти радостное настроеніе оставлялъ на васъ каждый изъ маленькихъ набросковъ первыхъ томовъ Чехова и какую тяжелую и тревожную смуту въ душѣ испытывали вы, дочитывая „Стараго профессоса“, „Палату № 9“, и пр. Даровитое дитя, ни о чемъ глубоко не задумываясь, ничѣмъ не волнуясь, беззаботно играло своимъ талантомъ, скользя кистью по поверхности жизни—и вамъ было весело вмѣстѣ съ нимъ; но, прійдя въ возрастъ, оно стало глубже вникать въ жизнь, задумываться надъ ея проклятыми вопросами, скорбѣть и болѣть начинающею прозрѣвать душою—и вмѣсто радостно-беззаботнаго лепета вы слышите тревожныя, скорбныя рѣчи и сами невольно охватываетесь великою скорбью и тревогой вѣчно неспокойной, вѣчно волнующейся мысли. Г. Буренинъ, со свойственною ему чуткостью, кажется, первый отмѣтилъ этотъ переломъ въ творчествѣ г. Чехова, но, чуждый волнующимъ наше поколѣніе вопросамъ и сомнѣніямъ, далъ ей одностороннее и неправильное истолкованіе, обвинивъ г. Чехова въ искусственной „хмурости“, чуть ли не въ насильственномъ, въ угоду модѣ и времени, напусканіи на себя мрачной философской меланхоліи. Но современный писатель, какъ истый сынъ своего вѣка, имѣетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много причинъ быть хмурымъ безъ всякаго притворства, ему не нужно для этого морщить чело и напускать на себя гражданскую скорбь передового гимназиста. Чтобъ быть печальнымъ, достаточно быть только отзывчивымъ на великую скорбь извѣрившейся мысли и поруганнаго и утраченнаго идеа-

ла. Въ этомъ смыслѣ наши девятидесятые года представляютъ по общему тону общественнаго самочувствія и жизнепониманія прямую противоположность шестидесятымъ годамъ. Многіе вопросы, которые казались тогда окончательно и счастливо разрѣшенными, представляются теперь неразрѣшимыми. Тридцатилѣтній опытъ общественной жизни принесъ много горькихъ разочарованій и заставилъ на многое смотрѣть далеко не такъ азбучно-прямолинейно, какъ смотрѣлось въ медовый мѣсяцъ нашего общественнаго пробужденія. Поразившая г. Буренина „Хмурость“ г. Чехова вытекаетъ изъ его поздно пробудившейся вдумчивости въ явленія жизни. Художественной и психологической оцѣнкой его произведеній мы займемся въ ближайшемъ будущемъ въ особомъ очеркѣ, а пока, не выходя изъ роли обозрѣвателя текущей беллетристики, позволимъ себѣ указать на нѣкоторое измельчаніе сюжетовъ въ двухъ послѣднихъ разсказахъ г. Чехова: послѣ представителей наиболѣе развитой части общества, терзающихся вопросами о высшемъ смыслѣ жизни, какъ старый профессоръ и Катя, или мучающихся философско-нравственными противорѣчіями ея, какъ обитатель „палаты № 9“, и т. д., г. Чеховъ въ предпослѣднемъ разсказѣ своемъ взялъ героинею богатую, хорошую, но мало развитую дѣвушку-милліонершу и на добрыхъ двухъ печатныхъ листахъ разсказалъ намъ, какъ трудно ей выйти замужъ и какъ давитъ и стѣсняетъ ее ея богатство. Послѣ замѣчательнаго почти ни кѣмъ изъ критиковъ по достоинству не оцѣненнаго психологическаго разсказа, мы вправѣ были ожидать, что г. Чеховъ посвятитъ свой выдающійся талантъ мучительнымъ, гнетущимъ разладамъ интеллигентной души, а не изображенію тяжелаго дѣвства добродушной, но глупенькой милліонерши. Въ послѣднемъ очеркѣ онъ хотя и разрабатываетъ психологію разладовъ, но именно неинтеллигентной души; не смотря на то, что разсказъ озаглавленъ „Убійствомъ“ — убійство является въ немъ только мимолетнымъ, почти нечаяннымъ событіемъ, изложеннымъ на полустраничкѣ, а главнымъ сюжетомъ очерка служитъ тяжелая драма исканія двумя полураскольниками истиннаго Бога и истинной вѣры и мимоходомъ данная характеристика различныхъ типовъ религіозности темнаго русскаго человѣка.

Предпринятое Чеховымъ путешествіе на Сахалинъ, дало ему возможность столкнуться съ самыми разнообразными типами преступности и вотъ, очевидно, одинъ изъ наблюденныхъ случаевъ и послужилъ матеріаломъ для новаго очерка.

Въ духовной жизни русскаго темнаго люда элементъ обрядоваго изувѣрства, всего ярче сказывается въ расколѣ, въ причинахъ

происхожденія его, въ его исторіи, въ испытанныхъ имъ гоненіяхъ и пр. Обрядовая сторона, долженствующая служить символомъ внутренняго содержанія вѣры, (какъ напр. крестъ — символъ страданій распятаго Христа), нерѣдко заслоняетъ ея сущность. Изъ-за символа любви и молитвы, изъ-за двухперстнаго или трехперстнаго крестнаго знамени, возгоралась вѣковая ненависть, изъ-за символа любви и молитвы лились рѣки крови, совершались тысячи жестокостей. Символъ необходимъ для удержанія отвлеченной идеи въ плотскомъ умѣ,— такова уже природа человѣческой души, такова психологія религіознаго чувства. Но съ теченіемъ вѣковъ, темный умъ привыкаетъ видѣть только символъ, только обрядъ и забываетъ о томъ, что онъ долженъ собою напоминать и обозначать. Символизированіе — необходимое орудіе всякой религіи, но въ немъ же и начало нравственной смерти религіи. Нѣтъ религіи, которая въ основахъ своихъ не была бы чиста и возвышенна, и нѣтъ религіи, нравственныя основы которой не извращались бы приизошедшими потомъ въ теченіе вѣковъ обрядами и символами. Идеально чистыя въ моментъ своего возникновенія, ученія постепенно съ вѣками окостенѣваютъ въ видѣ торжествующихъ системъ; благодать истинной вѣры и истиннаго чувства, создавшая ихъ, оставляетъ ихъ; пріобрѣтая господство надъ народами, они теряютъ свою божественную чистоту и воспринимаютъ всю грязь и всю неправду міра, который они покорили. Тоскующая по Божеству душа ищетъ Божіей правды въ новыхъ источникахъ, отвергая старыя омертвѣвшія формы, съ тѣмъ, чтобы снова заковать въ ряду слѣдующихъ поколѣній свободное и искреннее религіозное чувство въ систему мертвыхъ навыковъ и обрядовъ, падаетъ, какъ ветхозавѣтные евреи, ницъ передъ идолами, что бы потомъ снова разбить ихъ во славу истиннаго Бога — и такъ ведется отъ начала міра и будетъ, должно полагать, еще долго послѣ насъ.

Въ теченіи трехъ поколѣній искало истинной вѣры и семейство Тереховыхъ, о которыхъ повѣствуетъ г. Чеховъ. Они очень усердно молились Богу и поэтому сосѣди къ ихъ настоящей фамиліи присоединили еще прозвище: Богомоловы. Родоначальница ихъ и основательница постоялаго двора, въ которомъ происходитъ драма, „бабка“ „Авдотья была старой вѣры; ея сынъ же и оба внука ходили въ православную церковь и новымъ образамъ молились съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и старымъ; сынъ въ старости не ѣлъ мяса и наложилъ на себя обѣтъ молчанія, считая грѣхомъ всякій разговоръ; а у внуковъ была та особенность, что они Святое Писаніе понимали не просто, а все искали въ немъ скрытаго смысла“.

— «Я, надо вамъ замѣтить, — разсказываетъ одинъ изъ нихъ, младшій братъ Матвѣй, своимъ пріятелямъ—станціонному жандарму и буфетчику,—еще въ малолѣтствѣ былъ привержен къ религіи. Мнѣ только двѣнадцать годочковъ было, а я уже въ церкви апостола читалъ, и родители мои весьма утѣшались, и каждое лѣто мы съ покойной маменькой ходили на богомолье. Бывало другіе ребяты пѣсни поютъ или раковъ ловятъ, а я въ это время съ маменькой».

Какъ натура мягкая, немного художественная и въ значительной степени безличная, Матвѣй въ религіозности всего больше любилъ чтеніе псалмовъ, пѣніе съ клироса и пр. Грамотей религіи и псалмопѣвецъ ея, онъ былъ совершенно лишенъ по натурѣ суроваго страстно-аскетическаго начала, которое дѣлаетъ изъ вѣрующихъ мучениковъ, ополчаетъ ихъ на борьбу и подвижничество. Его призваніе—жить въ мірѣ со всѣмъ и со всѣми, умильно пѣть жидкимъ теноркомъ и наслаждаться чтеніемъ книжекъ и „умственными" разговорами о духовномъ съ станціоннымъ жандармомъ и буфетчикомъ, а между тѣмъ злая судьба дѣлаетъ его сначала аскетомъ-пустосвятомъ, сурово-осуждающимъ духовныхъ лицъ за такія прегрѣшенія, какъ курево, вино и елей, а потомъ, когда энергичный и по обыкновенному вѣрующій человѣкъ вернулъ его на путь истинный, къ пассивному непротивленію и неосужденію — онъ проповѣдуетъ такое же смиреніе своему старшему брату и умираетъ чуть не мученикомъ за свои проповѣди отъ руки брата и сестры.

Свое временное сурово-аскетическое пустосвятство, столь противное нарурѣ его, Матвѣй, само собою разумѣется, понимаетъ какъ искушеніе дьявола —ни болѣе, ни менѣе.

Воспитанный подъ вліяніемъ богомолки-матери онъ, поступивъ чѣмъ-то въ родѣ приказчика на заводъ, держался строгой жизни.

«Водки не пилъ, табаку не курилъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную, такое направленіе жизни, извѣстно, не нравится врагу рода человѣческаго—говоритъ Матвѣй,—и сталъ онъ, окаянный, омрачать мой разумъ. Самое первое, далъ я обѣтъ не кушать по понедѣльникамъ скоромнаго, и не кушать мяса во всѣ дни, и вообще съ теченіемъ времени нашла на меня фантазія. Въ первую недѣлю великаго поста до субботы святые отцы положили сухоядѣніе, но трудящимся и слабымъ не грѣхъ даже чайку попить, у меня же до самого воскресенья ни крошки во рту не было, и потомъ во весь постъ я не разрѣшалъ себѣ масла ни отнюдь, а въ среды и пятницы такъ и вовсе ничего не кушалъ. То же и въ малые посты. Бывало въ Петровки наши заводскіе хлебаютъ щи изъ судака; а я въ сторонoчкѣ отъ нихъ сухарикъ сосу. У людей сила разная, конечно, но я о себѣ скажу: въ постные дни мнѣ не трудно было и такъ даже, что чѣмъ больше усердія, тѣмъ легче. Хочется кушать только въ первые дни поста, а потомъ привыкаешь, становится все легче и, гляди, въ концѣ недѣли совсѣмъ ничего и въ ногахъ этакое онѣменіе, будто ты не на землѣ, а на обла-

кѣ. И кромѣ того налагалъ я на себя всякое послушаніе: вставалъ по ночамъ и поклоны билъ, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, ну и вериги тоже. Только вотъ по прошествіи времени исповѣдуюсь я однажды у священника, и вдругъ такое мечтаніе: вѣдь священникъ этотъ, думаю, женатый, скоромникъ и табачникъ; какъ же онъ можетъ исповѣдывать и какую власть имѣетъ отпускать мои грѣхи, ежелъ онъ грѣшнѣе, чѣмъ я? Я даже постнаго масла остерегаюсь, а онъ, небось, осетрину ѣлъ. Пошелъ я къ другому священнику, а этотъ какъ на грѣхъ толстомясый, въ шелковой рясѣ, шуршитъ, будто дама, и отъ него тоже табакомъ пахнетъ».

Въ результатѣ Матвѣй нигдѣ молиться не можетъ, все что ни будь не по не немъ, послѣ этого устроилъ онъ гдѣ-то за городомъ около кладбища у глухой мѣщанки свою молельню, въ которой

«держался устава святой Аѳонской горы, то-есть, каждый день обязательно утреня у него начиналась въ полночь, а подъ особенно чтимые праздники всенощная слушалась часовъ десять, а когда и двѣнадцать. Монахи все-таки по уставу во время каѳизмъ и паремій сидятъ, а я, говоритъ онъ, — желалъ быть угоднѣе монаховъ, и все бывало на ногахъ. Ну, пошло по городу: Матвѣй святой, Матвѣй больныхъ и безумныхъ исцѣляетъ. Ни кого я, конечно, не исцѣлялъ, но извѣстно, какъ только заведется какой расколъ и лжеученіе, то отъ женскаго пола отбоя нѣтъ. Все равно, какъ мухи на медъ. Повадились ко мнѣ разныя бабки и старыя дѣвки, въ ноги мнѣ кланяются, руки цѣлуютъ и кричатъ, что я святой и прочее, а одна даже на моей головѣ сіяніе видѣла. Стало тѣсно въ молельной, взялъ я комнату побольше и пошло у насъ настоящее столпотвореніе. Мы всѣ въ родѣ какъ бы сбѣсились. Я читалъ, а бабки и старыя дѣвки пѣли и этакъ долго не ѣвши и не пивши, простоявши на ногахъ сутки или дольше, вдругъ начинается съ ними трясеніе, будто ихъ лихорадка бьетъ, потомъ этого то одна крикнетъ, то другая—и этакъ страшно! Я тоже трясусь весь, какъ жидъ на сковородѣ, самъ не знаю, по какой такой причинѣ, и начинаютъ ноги наши прыгать. Чудно, право: не хочешь, а прыгаешь и руками болтаешь; и потомъ этого крикъ, визгъ, всѣ пляшемъ и другъ за дружкой бѣгомъ, бѣгаемъ до упаду. И такимъ образомъ въ дикомъ безпамятствѣ впалъ я въ блудъ».

Въ этой исповѣди Матвѣя Чеховъ далъ намъ крайне любопытную страничку изъ закулисной психологіи нашихъ дикихъ мистическихъ сектъ. Натура Матвѣя, какъ мы указывали выше, была чужда этого аскетизма и мистицизма и, дойдя до крайняго проявленія болѣзненно-мистической извращенности, онъ, подъ вліяніемъ обличеній суроваго хозяина Осипа Варламовича, отрекается отъ своего пустосвятства.

Старшій братъ его Яковъ—человѣкъ совершенно иного закала: суровый, крутой, хозяйственный и систематичный. Онъ сначала былъ православнымъ, но послѣ смерти жены пересталъ ходить въ церковь и молился дома. Какъ личность болѣе крупная и сильная, онъ искупаетъ

свои заблужденія несравненно болѣе дорогою цѣною, чѣмъ легкомысленный и въ сущности безхарактерный Матвѣй, и познаніе истинной вѣры дается ему только путемъ страшныхъ преступленій и страданій. Если въ религіозности Матвѣя главную роль играли художественные запросы, находившіе удовлетвореніе въ чтеніи псалмовъ, пѣснопѣніяхъ и всякой „умственности“, то въ духовной жизни Якова господствовала суроводѣловая, хозяйственная сторона: религія давала ему прежде всего опредѣленный строй отношеній къ окружающему міру и лицамъ. Всего больше онъ цѣнилъ въ ней порядокъ, потому что и сама она была для него прежде всего опредѣленнымъ порядкомъ поведенія, собраніемъ житейскихъ правилъ, *системою* обрядовъ. Отсюда уже не далеко и до религіознаго буквоѣдства и обрядовой формалистики. Въ церковь онъ не ходилъ потому, что, по его мнѣнію, въ церкви не точно исполняли уставъ, и потому, что священники пили вино въ непоказанное время и курили табакъ. Въ Веденяпинѣ вовсе не читали канона, онъ же у себя прочитывалъ все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строчки и не торопясь. „И въ обыденной жизни онъ строго держался устава и если въ великомъ посту въ какой-нибудь день разрѣшалось вино „ради труда бдѣннаго“, онъ пилъ вино даже когда не хотѣлъ“. Онъ читалъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а для *порядка*, считая возможнымъ обращаться къ Богу только съ тѣми словами и мыслями, какія приличны данному дню и часу“.

Нераздѣленный съ нимъ братъ Матвѣй, равноправный владѣлецъ всего хозяйства, предками накопленныхъ денегъ и трактира, поселившись у Якова, нарушалъ весь распорядокъ его и духовной и хозяйственной жизни: вставалъ поздно, пилъ и ѣлъ не во время и скоромное и, входя въ молельную, кричалъ: „Образумьтесь, братецъ, покайтесь, братецъ!“ Отъ этихъ словъ Якова бросало въ жаръ, а сестра Аглая начинала браниться. Или ночью Матвѣй прокрадывался въ молельную и тихо говорилъ:

— Братецъ, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смирись съ братомъ своимъ и тогда пришедъ принеси даръ свой. Вы-же деньги въ ростъ даете, водочкой торгуете. Покайтесь!

Съ хозяйственной точки зрѣнія все это казалось Якову пустяками: вѣдь если торговать себѣ въ убытокъ и брать съ проѣзжихъ дешево, то это будетъ не торговля, а безпорядокъ и глупость, а наживу порицаютъ только тѣ, кто не любитъ работать. Но все-таки онъ былъ раздраженъ и уже не могъ молиться, какъ прежде: душевный распорядокъ его былъ нарушенъ и въ сердцѣ воцарилась смута. Онъ сталъ вдругъ

задумываться надъ книгой, почему-то ему часто приходило на память, что богатому трудно войти въ царство небесное, что въ третьемъ году онъ очень выгодно купилъ краденую лошадь, что еще при покойницѣ женѣ какой-то пьяница умеръ у него въ трактирѣ отъ водки.

Яковъ испытываетъ смутное недовольство собой и тяжелыя мученія полупробужденной совѣсти. Выразилось въ немъ это весьма психологически правдоподобно прежде всего потерею энергіи обычныхъ стремленій и желаній. Такъ, не давъ Матвѣю лошадь, онъ поѣхалъ самъ по дѣламъ въ Шушейкино, но, встрѣтивъ обозъ бабъ съ кирпичемъ, долженъ былъ свернуть съ дороги и переждать пока они проѣдутъ.

«И быть можетъ потому, что ему было неудобно и болѣлъ бокъ, вдругъ ему стало досадно и то дѣло, по которому онъ теперь ѣхалъ, показалось ему не важнымъ и онъ сообразилъ, что можно было бы послать завтра за нимъ работника. Опять почему-то, какъ въ прошлую безсонную ночь, онъ вспомнилъ слова про верблюда и затѣмъ полѣзли въ голову разныя воспоминанія то о мужикѣ, который продавалъ краденую лошадь, то о пьяницѣ, то о бабахъ, которыя приносили ему въ закладъ самовары. Конечно, каждый купецъ старается взять больше, этого требуютъ правила торговли, но Яковъ почувствовалъ утомленіе отъ того, что онъ торговецъ, ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ этого порядка *и стало скучно отъ мысли, что сегодня ему надо читать вечерню*».

Обращаемъ вниманіе читателя на удивительно тонкую психологическую послѣдовательность чеховскаго анализа души Якова, пробужденная совѣсть котораго уже не могла довольствоваться однимъ внѣшнимъ благочестіемъ. Подъ вліяніемъ нашедшаго на него раздумья онъ повернулъ лошадь и вслѣдъ за обозомъ поѣхалъ домой.

Дома онъ натолкнулся на такую сцену: его дочь Дашутка уронила ведро въ колодезь, работникъ выбранилъ ее нехорошими словами.

И Яковъ Иванычъ, вошедшій въ это время на дворъ, слышалъ, какъ Дашутка отвѣтила работнику скороговоркой длинною отборною бранью, которой она могла научиться только въ трактирѣ у пьяныхъ мужиковъ.

— Что ты, срамница? крикнулъ онъ ей, и даже испугался.—Какія это ты слова?

А она глядѣла на отца съ недоумѣніемъ, тупо, не понимая почему нельзя произносить такихъ словъ. Онъ хотѣлъ прочесть ей наставленіе, но она показалась ему дикою, темною и въ первый разъ онъ вспомнилъ, что у нея нѣтъ никакой вѣры. И вся эта жизнь въ лѣсу, въ снѣгу, съ пьяными мужиками, съ бранью, представилась ему такою-же дикой и темной, какъ эта дѣвушка и онъ только махнулъ рукой». Къ Матвѣю пришли жандармъ съ буфетчикомъ; «Яковъ Ивановичъ вспомнилъ, что у этихъ людей тоже нѣтъ никакой вѣры и что это ихъ нисколько не безпокоитъ и жизнь стала казаться ему странною, безумною и безпросвѣтною, какъ у собаки.

И въ непонятномъ для самого себя раздраженіи отъ внутренней боли и душевной сумятицы онъ грозно сталъ ходить по двору, сжавъ кулаки и чувствуя себя громаднымъ страшнымъ звѣремъ.

Въ молельной опять братъ Матвѣй помѣшалъ ему молиться, приставая: „Покайтесь, опомнитесь, братецъ!“ Съ сдержанною яростью громаднаго страшнаго звѣря Яковъ прошелъ мимо Матвѣя, не глядя на него, чтобъ не ударить, самъ ясно сознавая, что онъ уже недоволенъ своею вѣрою и не можетъ молиться по прежнему, мучаясь своею духовною безпомощностью, не зная надо ли каяться или же смотрѣть на всѣ свои сомнѣнія, какъ на бѣсовское навожденіе. Онъ вошелъ въ избу, чтобы выгнать изъ дома Матвѣя, въ которомъ видѣлъ источникъ всѣхъ своихъ мукъ. Въ эту минуту (дѣло было въ страстной понедѣльникъ) Матвѣй собирался ѣсть картофель съ постнымъ масломъ, не обращая вниманія на ругательства Аглаи. Ужасную послѣдующую сцену выписываемъ почти цѣликомъ.

— А я тебѣ говорю, ты не можъ ѣсть масла! крикнулъ Яковъ, покраснѣлъ весь и вдругъ, схвативъ чашку, поднялъ ее выше головы и изо всей силы ударилъ о́-земь, такъ что полетѣли черепки.— Не смѣй говорить! — крикнулъ онъ неистовымъ голосомъ, хотя Матвѣй не сказалъ ни слова.—Не смѣй!—повторилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Матвѣй поблѣднѣлъ и всталъ.

— Братецъ! сказалъ, продолжая жевать,—Братецъ, опомнись!

— Вонъ изъ моего дома сію же минуту! — крикнулъ Яковъ; ему были противны и морщинистое лицо Матвѣя, и голосъ, и крошки на усахъ и то, что онъ жуетъ.

— Братецъ, уймитесь! Васъ обуяла гордость бѣсовская!

— Молчи! (Яковъ застучалъ ногами). Уходи дьяволъ!

— Вы ежели желаете знать,—продолжалъ Матвѣй громко, тоже начиная сердиться,—вы богоотступникъ и еретикъ! Покайтесь, братецъ!

Яковъ взялъ его за плечи и потащилъ изъ-за стола, а онъ еще больше поблѣднѣлъ и, испугавшись, смутившись, забормоталъ: «Что-жъ оно такое. Что-жъ оно такое?» и упираясь, дѣлая усилія, чтобъ высвободиться изъ рукъ Якова, нечаянно схватился за его рубаху около шеи и порвалъ воротникъ, а Аглаѣ показалось, что это онъ хочетъ бить Якова, она вскрикнула, схватила бутылку съ постнымъ масломъ и изо всей силы ударила ею ненавистнаго брата прямо по темени. Матвѣй пошатнулся и лицо его въ одно мгновеніе стало спокойнымъ, равнодушнымъ.

Яковъ, тяжело дыша, возбужденный и испытывая удовольствіе отъ того, что бутылка, ударившись о голову, крякнула какъ живая, не давалъ ему упасть и нѣсколько разъ (это онъ помнитъ очень хорошо) указалъ Аглаѣ пальцемъ на утюгъ и только когда полилась по его рукамъ кровь и послышался громкій плачъ Дашутки и когда съ шумомъ упала гладильная доска и на нее грузно повалился Матвѣй, Яковъ пересталъ чувствовать злобу и понялъ, что произошло.

— Пусть издыхаетъ, заводскій жеребецъ! съ отвращеніемъ проговорила Аглая, не выпуская изъ рукъ утюга; бѣлый, забрызганный кровью платочекъ сползъ у нея на плечи и сѣдые волосы распустились. Туда ему и дорога!

Все было страшно. Дашутка сидѣла на полу около печки съ нитками въ рукахъ, всхлипывала и все кланялась, произнося съ каждымъ поклономъ «гамъ! гамъ!». Но ни что не было такъ страшно для Якова, какъ вареный картофель въ крови, на который онъ боялся наступить.

Картина убійства съ послѣдующими подробностями наивныхъ попытокъ сокрытія преступленія, подкупа случайнаго свидѣтеля буфетчика Сергѣя Никаноровича, надѣявшагося поправить свои обстоятельства молчаніемъ, но попавшаго вмѣсто этого на каторгу, какъ соучастникъ, и наконецъ, механическое полубезсознательное отношеніе къ событію самого Якова, котораго, кажется, болѣе всего пугало въ происшедшемъ появленіе въ его избѣ урядника и злорадство сосѣдей, мимо которыхъ поведутъ связанныхъ Богомоловыхъ,—все это не съ меньшею силою, чѣмъ драма Л. Толстого рисуетъ страшную „власть тьмы“ надъ этими темными или мелкими душами: Яковомъ, Сергѣемъ Никаноровичемъ, Дашуткой, Аглаей и пр. Такое же тяжелое впечатлѣніе вы выносите и изъ сцены суда. Когда предсѣдатель спросилъ Якова: вы раскольникъ? — Яковъ отвѣтилъ: не могу знать.

«Онъ не имѣлъ уже никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра ему была теперь противна и казалось неразумной, темной. Аглая не смирилась ни сколько и продолжала бранить покойнаго Матвѣя. Сергѣй Никанорычъ на судѣ потѣлъ, краснѣлъ и видимо стыдился сѣраго халата и того, что его посадили на одну скамью съ простыми мужиками. Дашутка располнѣла въ тюрьмѣ, не понимала вопросовъ, которые ей задавались, и сказала только, что когда дядю Матвѣя убивали, то она очень испугалась, а потомъ ничего».

Ихъ всѣхъ, этихъ жертвъ тьмы, обвинили ошибочно въ корыстномъ убійствѣ и услали на каторгу, среди страданій которой воскресла душа одного только Якова. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожилъ по тюрмамъ вмѣстѣ съ разными людьми, разныхъ вѣръ, обычаевъ и національностей, насмотрѣлся на ихъ страданія,

«онъ опять сталъ возноситься къ Богу и ему казалось, что онъ узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ жаждалъ, такъ долго искалъ и не находилъ весь его родъ, начиная съ бабки Авдотьи. Онъ все уже зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно ему служить, но было непонятно только почему эта вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого, что отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, которые, очевидно, будутъ продолжаться безъ перерыва до самой его смерти, у него трясутся, какъ у пьяницы, руки и ноги. Онъ вглядывался напряженно въ потемки и ему казалось, что съ дальняго сахалинскаго берега сквозь тысячи верстъ

этой тьмы онъ видитъ родину, видитъ темноту, дикость, безсердечье и тупое суровое скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ; зрѣніе его туманилось отъ слезъ, но онъ все смотрѣлъ вдаль и сердце щемило отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, разсказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ гибели хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день».

Такимъ безнадежнымъ пессимистическимъ аккордомъ заканчиваетъ г. Чеховъ исторію мытарствъ этихъ взыскующихъ града темныхъ русскихъ душъ. Васъ трогаетъ мрачная картина этого безконечнаго горя, вамъ до слезъ жалко этого бѣднаго, измученнаго человѣка, но, замѣтьте, онъ все-таки какъ-то безконечно далекъ вашей душѣ и, даже жалѣя его, вы остаетесь совершенно чужды ему. Словно передъ вами человѣкъ другого міра, другой культуры или созданіе другой породы. Яковъ Тереховъ не такъ ужъ далеко ушелъ хотя-бы отъ толстовскаго Брехунова,—въ переживаемыхъ ими нравственно-психологическихъ моментахъ есть положительно много общаго,—а вспомните, насколько ближе во все время чтенія разсказа про „хозяина и работника" былъ вашей душѣ этотъ купецъ Брехуновъ, сравнительно съ Яковомъ Тереховымъ. Это впечатлѣніе объясняется главнымъ образомъ холодною объективностью чеховскихъ описаній, объективностью, которую такъ значительно смягчилъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ Толстой, но которая сохраняется во всемъ своемъ блескѣ и жесткости, въ разсказахъ сроднаго ему по таланту Чехова. Благодаря именно этой рѣзкой объективности отношенія автора къ герою, его замѣчательно художественный психологическій очеркъ производитъ впечатлѣніе этнографическаго. Разскажи намъ о душевныхъ мытарствахъ Якова, положимъ, куда менѣе талантливый, но субъективный художникъ г. Короленко—и мы бы живо переживали всѣ его терзанія, онъ былъ бы героемъ и воплощеніемъ нашихъ собственныхъ мученій совѣсти, а читая Чехова, мы словно разсматриваемъ его душевныя порывы сквозь какую-то художественно-психологическую лупу, какъ движенія какого-нибудь рѣдкостнаго насѣкомаго. Когда Чеховъ пишетъ такимъ тономъ о близкихъ намъ типахъ, эта объективность отношенія нѣсколько сглаживается психическимъ родствомъ и близостью читателей и героевъ, но въ разсказахъ съ героями изъ другого общественнаго класса онъ неминуемо переходитъ въ психологическую этнографію. Чуждымъ интеллигентному читателю и только этнографическимъ типомъ Яковъ кажется, между прочимъ, и потому, что даже и въ періодѣ религіозно-нравственнаго просвѣтленія онъ какъ будто вовсе не вспоминаетъ объ убитомъ братѣ. По исполненному большихъ недомолвокъ описанію духовнаго возрожденія Якова вы не видите играло-ли это событіе

братоубійства, само по себѣ, рѣшающую роль, продолжалъ-ли онъ относиться къ нему также механически-просто, по инерціи прежнихъ, уже пережитыхъ раскольничьихъ изувѣрскихъ вѣрованій, какъ въ первые дни, когда его всего больше пугало, что урядникъ будетъ курить въ молельной, а сосѣди будутъ говорить: „Богомоловыхъ повели“! Чеховъ говоритъ только, что во время суда онъ уже не имѣлъ никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра казалась ему противной, неразумной и темной, на каторгѣ-же „съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожилъ съ людьми, пригнанными сюда съ разныхъ концовъ, съ русскими, съ хохлами, татарами, грузинами, китайцами, евреями и т. д.— прислушался къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься къ Богу и обрелъ, казалось, настоящую вѣру“. Вотъ и все. Онъ говоритъ о тоскѣ Якова по родинѣ, но ни слова не говоритъ о мученіяхъ совѣсти, о мучительномъ покаяніи за совершенное. Этотъ субъектъ томится животнымъ чувствомъ любви къ родному мѣсту, доступнымъ даже кошкѣ; онъ съ упорствомъ правнука бабки раскольницы, ищетъ удовлетворенія религіознаго чувства, но живая человѣческая совѣсть ничего не говоритъ въ его сердцѣ, вашему чувству, въ этотъ моментъ переживаемаго имъ перелома. Насколько эта недосказанность пережитаго имъ переворота и отсутствіе воспоминаній о братѣ, которыя въ нашей психикѣ играли-бы первенствующую роль, дѣлаетъ намъ чуждымъ личность Якова, настолько же неопредѣленность и недосказанность его новой вѣры производитъ впечатлѣніе высшей художественной правдивости, которою талантливый авторъ не захотѣлъ пожертвовать ради какихъ-нибудь поученій и тенденціозности. Кто бы изъ современныхъ писателей удержался отъ такого соблазнительнаго случая наговорить теплыхъ словъ о любви къ ближнему, которыя остаются только словами; кто бы не подсказалъ герою своего собственнаго символа вѣры въ поученіе и назиданіе читателю—и кто бы не впалъ при этомъ въ шаржъ?. Въ этомъ случаѣ объективность Чехова является большою художественною заслугою.

Интересно сравнить героевъ Чехова, Богомоловыхъ, какъ опредѣленные религіозные типы, съ героиней повѣсти г-жи Цуриковой, о которой мы говорили въ прошлой бесѣдѣ. Скорбная Варвара г-жи Цуриковой знала и чувствовала сердцемъ только нравственную сущность религіи—любовь и жалость къ ближнему и всему живущему на свѣтѣ. Она видѣла Бога вездѣ—и въ звѣздочкѣ, блеснувшей на небѣ, и въ душѣ человѣческой и во всѣхъ твореніяхъ его на землѣ. Обращаясь къ первоисточнику религіозно-нравственнаго чувства въ собственномъ сердцѣ, она не могла сбиться съ истиннаго пути и потерять живаго Бога своей

души въ бездушныхъ догматахъ раскольничества, въ утратившихъ смыслъ символахъ и обрядахъ. Не то братья Тереховы. Оба они заблуждались, погрязали въ мистицизмѣ, въ сухой религіозной формалистикѣ обрядовъ и оба забывали о томъ, что составляетъ основу истинно христіанскаго чувства. Выбрались они только отчасти. Проповѣдуемое Матвѣемъ непротивленіе и неосужденіе; его совѣты „вѣрить какъ всѣ, а что сверхъ того, то отъ лукаваго"—все это имѣетъ хорошую сторону, какъ отреченіе отъ гордыни аскетическаго пустосвятства, но сама по себѣ такая проповѣдь и такія совѣты собственно говоря равносильны пассивному религіозно-нравственному индеферентизму и полной безличности. Это то же самое издавна знакомое намъ по всей исторіи русской жизни правило: „моя хата съ краю, ничего не знаю", то же отреченіе отъ собственной личности, перенесенное изъ области общественной въ сферу религіозную. Въ языческія времена такія личности охотно служатъ языческимъ богамъ, потому что „какъ міръ, такъ и я". Братъ его Яковъ болѣе самостоятеленъ, онъ болѣе личность, чѣмъ Матвѣй. Во имя того, что онъ лично признаетъ истиной, онъ способенъ итти и противъ міра, да бѣда его въ томъ, что онъ не знаетъ гдѣ истина и куда итти. Религія для него была только опредѣленнымъ распорядкомъ жизни и воззрѣній и пока его мысль спала, онъ довольствовался ею. Но назойливыя обличенія Матвѣя нарушили миръ и сонъ его души, и его собственная (и всѣхъ окружающихъ) жизнь безъ истинной вѣры показалась ему „дикою и темною", „странною, безумною и безпросвѣтною, какъ у собаки". Жажда Бога была у него гораздо болѣе глубокой и искренней, чѣмъ у Матвѣя. Онъ видитъ, что у жандарма и у буфетчика нѣтъ никакой вѣры и удивляется, что это нисколько не безпокоитъ ихъ, но и самъ, собственно говоря, почти всю жизнь, какъ и они, прожилъ безъ вѣры, даже не замѣчая этого. Тѣ полураскольничьи обряды, которые замѣняли ему религію, были вѣрою его предковъ, механически имъ перенятою, но все-таки не его личною вѣрою. Онъ вѣрилъ по привычкѣ, по традиціи, по рутинѣ, но не по внутреннему непосредственному чувству. Если бы не братъ Матвѣй, жизнь его мирно протекла бы по колеѣ унаслѣдованныхъ воззрѣній, какъ у милліоновъ ему подобныхъ—и онъ даже никогда бы не задумывался о вопросахъ вѣры, потому что за него думала и за него рѣшила ихъ бабка Авдотья. У него была, повидимому, личная критика, но она не шла далѣе внѣшней, обрядовой стороны. Только столкновеніе съ братомъ пробудило его личную мысль, а она указала ему страшную пустоту его религіозно-нравственнаго существованія. Для милліоновъ такихъ-же темныхъ Якововъ, авторитетъ ихъ предковъ и руководителей, и привычная рутина мыслить такъ а не иначе, замѣняетъ

личную работу мысли, они живутъ по колеѣ поколѣній, ни во что не вникая, ни о чемъ не думая, по механически воспринятой вѣрѣ предковъ, которые думали за нихъ, но у нихъ нѣтъ вѣры и въ ихъ жизни нѣтъ правды. И когда неожиданно пробудится совѣсть, каждый изъ „малыхъ сихъ" почувствуетъ себя въ такой-же кромѣшной тьмѣ и безпросвѣтномъ мракѣ, какъ Яковъ. Исторія его преступленія и просвѣтлѣнія служитъ новымъ подтвержденіемъ старой истины, что вѣра непремѣнно должна быть личной, что каждый человѣкъ долженъ купить ее работой своей мысли. Царство Божіе „нудится", а не дается даромъ ни авторитетомъ, ни привычкой, ни слѣпой неразумной рутиной.

Чеховъ посвящаетъ свой талантъ психологической разработкѣ религіозныхъ вопросовъ, а другой беллетристъ „Руской Мысли" г. Ардовъ, написалъ разсказъ, свидѣтельствующій о печальныхъ послѣдствіяхъ распущенности нравовъ и о пользѣ добродѣтели. Если нѣкоторыя описанія Чехова грѣшатъ излишнею объективностью, доходящею до холодного олимпійства,—даже до жестокости, то перо г. Ардова, напротивъ, такъ и брызжетъ субъективнымъ чувствомъ. Г. Ардовъ, можно сказать, макаетъ перо не въ чернильницу, а въ собственное, трепещущее лучшими чувствами сердце, ведетъ разсказъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ и въ патетическую минуту самъ не прочь уронить слезу. По излишней страстности настроенія разсказа, въ немъ подъ мужской подписью не трудно угадать даму.

Сколько помнится г. Ардовъ выступилъ въ литературѣ лѣтъ десять тому назадъ, имѣвшимъ нѣкоторый успѣхъ романомъ „Руфина Козодоева" изъ жизни крупнаго культурнаго купечества, изъ быта современныхъ интеллигентныхъ „людей капитала". О немъ сразу заговорила критика именно въ томъ смыслѣ, что типы Островскаго устарѣли, что типы дворянства, духовенства, разночинцевъ и пр. уже заѣзжены, писаны и переписаны, а вотъ новый беллетристъ, имѣющій доступъ за кулисы коммерціи, нарисуетъ намъ свѣжихъ героевъ нашего русскаго „третьяго сословія". Потому ли, что у нашего третьяго сословія нѣтъ героевъ, кромѣ тѣхъ, что показываютъ ширь своей натуры на нижегородской ярмаркѣ, или потому, что у автора не хватило таланта схватить ихъ типы, но, вопреки ожиданій, новыхъ горизонтовъ творчества онъ не открылъ, а писалъ довольно сѣренькія вещи, которыя не вызывали никакихъ толковъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, а года два тому назадъ, онъ снова нашумѣлъ вдругъ романомъ „Необыкновенная женщина", которая полагаетъ, что для нея, какъ для необычанной натуры, никакая мораль не писана и, промѣнявъ на своемъ вѣку нѣсколькихъ му-

жей, отбиваетъ жениха у собственной дочери. Этотъ типъ не лишенъ жизненности. Большинство протестантокъ противъ седьмой заповѣди, грѣшатъ больше дѣломъ, чѣмъ словомъ и мыслью: нарушая заповѣдь, онѣ все же дѣлаютъ видъ, что признаютъ ее... хотя бы только теоретически. Но вырабатываемая новымъ складомъ жизни распущенность нравовъ, естественно, стремится какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь обосновать себя, отыскать себѣ какое-нибудь теоретическое оправданіе, и въ этомъ смыслѣ теорія героини г. Ардова, что нравственность для необыкновенной женщины не писана, крайне удобна, потому что ни что не мѣшаетъ каждой женщинѣ признать себя „необыкновенной". Этотъ сюжетъ былъ бы несравненно болѣе благодарнымъ для сатиры, нежели для романа. Г. Ардовъ вообще очень интересуется, повидимому, вопросами нравственности и трактуетъ о нихъ и въ послѣднемъ разсказѣ „Графинюшка". Содержаніе его таково: три поколѣнія графовъ Подольскихъ кутило и развратничало преимущественно въ Парижѣ; за послѣдняго изъ нихъ выдали хорошую барышню Юлиньку, въ надеждѣ, что семейная жизнь его исправитъ; но этотъ полунасильственный союзъ его не исправилъ, а ее погубилъ. Молодая жена съ первыхъ же дней возненавидѣла грязнаго развратника мужа; когда у нея родилась дѣвочка, она полюбила ее, какъ мать, только потому, что малютка не была похожа на графа. Мать ростила дѣвочку вдали отъ развратнаго отца, но онъ успѣлъ передать ей по наслѣдству какую-то ужасную и немного таинственную болѣзнь, отъ которой она сначала слѣпнетъ, а потомъ умираетъ, такъ сказать за грѣхи предковъ. У постели умирающей дочери мать видитъ сонъ, пожалуй, слишкомъ связный и послѣдовательный для сновидѣнія, и немножко даже тенденціозный. Всѣ три поколѣнія развратныхъ жуировъ Подольскихъ — въ томъ числѣ и извѣстная широкою жизнью красавица свекровь — являются передъ нею одинъ за другимъ. Прадѣдъ и дѣдъ Подольскіе, иронизируютъ надъ ея ненавистью къ нимъ, красавица бабка проповѣдуетъ легкое отношеніе къ жизни, съ которой всегда можно разсчитаться, какъ она сама, съ помощью пузырька съ ядомъ; наконецъ, послѣдній представитель вырождающагося въ развратѣ рода, намекаетъ чуть не на грязные поползновенія на собственную дочь. Такъ какъ это сновидѣніе разсказано авторомъ безъ того настроенія кошмара, которое, благодаря какимъ-то неуловимымъ пріемамъ рѣчи, у талантливыхъ художниковъ передается читателю, то получается впечатлѣніе чего-то крайне искусственнаго, напоминающаго афишу Малаѳеевскаго балагана: „Тѣни предковъ и появленіе оныхъ предъ изумленными взорами принца Ричарда", или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ очеркѣ есть трогательныя страницы любви слѣпой умирающей дѣвочки къ гимназисту Гарѣ, ея надеждъ на

выздоровленіе, на жизнь и счастье, тревогъ убитой матери и пр.; но впечатлѣніе ихъ часто подрывается грубыми шаржами. „Графинюшка“ знаетъ, что мучается за грѣхи предковъ, и передъ смертью мечтаетъ о томъ, что уѣдетъ съ Горею въ деревню и... кто знаетъ, можетъ быть тамъ, вдали—говоритъ она — работая, помогая другимъ и живя совсѣмъ, совсѣмъ просто, вотъ какъ Спаситель заповѣдывалъ жить, мы съ мамой, наконецъ, замолимъ *ихъ* грѣхи“ (курсивъ автора). Эти слова ея были послѣдними въ сей жизни. Произнеся ихъ, она умираетъ нѣсколько декоративно, какъ въ оперѣ, умираетъ за грѣхи предковъ, въ томъ самомъ зимнемъ саду, гдѣ ея красавица бабка такъ много грѣшила на своемъ вѣку. Какъ видите, даже и самое мѣсто дѣйствія можетъ усиливать дидактическое впечатлѣніе разсказа, наводя на рѣзкіе почти декадентскіе контрасты любви и смерти, грѣховныхъ наслажденій и невинныхъ страданій...

Невольно на сравненіе съ разсказомъ г. Ардова самъ собою напрашивается другой разсказъ, тоже изъ дѣтской жизни—г. Е. Чирикова напечатанной въ „Русс. Богатствѣ“, подъ заглавіемъ „Митька“. Митька—тоже чадо развратныхъ предковъ и тоже несетъ на себѣ проклятіе наслѣдственной болѣзни, правда, менѣе таинственной и романтичной, но не менѣе ужасной. Онъ родился отъ солдатки Марьи на рыбныхъ промыслахъ, гдѣ ею могъ владѣть каждый приказчикъ, да кажется и вообще кто хотѣлъ; отца онъ не зналъ и назывался „промысловымъ“ ребенкомъ, а мать его вскорѣ изъ подневольной сдѣлалась профессіональной проституткой. Раннее дѣтство его проходитъ по кабакамъ и ночлежнымъ домамъ, голодное, холодное, полное всевозможныхъ невзгодъ. Дойдя до послѣдней степени паденія мать его не выдерживаетъ этой проклятой жизни и травится сѣрными спичками, а Митька скитается по трущобамъ со старикомъ нищимъ. Дѣйствіе разсказа заключается въ томъ, что онъ заболѣваетъ тифомъ, въ безсознательномъ состояніи попадаетъ съ людной улицы прямо въ часть, а оттуда въ больницу, воскресаетъ тамъ душою и тѣломъ въ теплѣ и холѣ, а потомъ, выздоровѣвшаго отъ тифа и наслѣдственнаго недуга, его снова одѣваютъ въ его отрепье и выталкиваютъ на грязь и холодъ уличныхъ скитаній. Васъ непріятно поражаетъ безпріютность этого бѣднаго оборвыша и какъ-то не по себѣ дѣлается отзывчивому читателю за дальнѣйшую участь мальчугана и вообще за судьбу такихъ брошенныхъ дѣтей. По сравненію съ „Графинюшкой“ г. Ардова, „Митька“ поражаетъ правдивымъ реализмомъ отдѣльныхъ картинъ и всей фабулы разсказа. Онъ не умираетъ, не гибнетъ на глазахъ читателя, а излѣчивается и здоровѣетъ, и тѣмъ

не менѣе все таки мѣстами получается несравненно болѣе трогательное впечатлѣніе, чѣмъ отъ какой-то оперно-декоративной смерти „графинюшки“ въ уютномъ уголкѣ подъ перистыми пальмами зимняго сада. Такова уже сила правды и реализма. И это еще при томъ условіи, что разсказъ Чирикова написанъ, вообще говоря, куда хуже, чѣмъ разсказъ Ардова. У Ардова все тонко, изящно, стройно; у Чирикова все грубо, неуклюже, неумѣло. Прежде всего бросается въ глаза крайне шаблонное и неудобное построеніе разсказа: послѣ первой сцены, изображающей Митьку въ безсознательномъ состояніи на панели улицы, слѣдуетъ крайне заѣзженное по пріемамъ біографическое отступленіе, въ которомъ повѣствуется исторія Митькиной матери, потомъ авторъ снова возвращается къ прерванному разсказу о приключеніяхъ героя и излагаетъ дальнѣйшій ходъ событій. Простой хронологическій порядокъ изложенія г. Ардова несравненно естественнѣе этихъ отступленій и перерывовъ. Да къ тому же и редактированъ разсказъ Чирикова изъ рукъ вонъ плохо—должно быть за временнымъ отсутствіемъ редактора какимъ-нибудь сапожныхъ дѣлъ мастеромъ. Чуть не на каждой страницѣ вы поражаетесь удивительными перлами авторской и редакторской небрежности. Напр., описывая бойкую центральную улицу съ громадными „каменными домами“, „съ позолотой“, „гербами,“ „вывѣсками“, лавками“, „массивными дверями нотаріальоыхъ конторъ и пр., онъ добавляетъ: „Особенною суетливостью отличались мастеровые въ опоркахъ на босую ногу, стремительно бѣжавшіе къ кабакамъ“... это на такой то фешенебельной улицѣ! (стр. 6) На слѣдующей страницѣ вы читаете, что „грязная рубашонка Митьки *обнажала* его тѣло своими дырами“. „Поверхъ подпоясанной веревочкою рубахи на мальчуганѣ былъ одинъ только жилетъ, видимо сшитый когда-то на плотнаго субъекта“,—описываетъ дальше г. Чириковъ нарядъ упавшаго на улицѣ мальчугана. Но если поверхъ рубахи былъ жилетъ да еще съ большого человѣка, то какъ же можно было видѣть, что она подпоясана веревочкой? Очнувшись на койкѣ въ больницѣ, Митька, видите ли, „осмотрѣлъ ближайшую окрестность“—болѣе удачнаго выраженія г. Чириковъ и почтенная редакція „Р. Бог.“ подобрать не сумѣли. Въ ночлежномъ пріютѣ, гдѣ скитался Митька, по словамъ автора „*весь верхъ дома* отдавался ночлежникамъ на ночь за 2 к., на недѣлю за гривенникъ, а по мѣсячно за три гривенника“. За *весь верхъ дома*“—это, пожалуй, немного дешево, но редакція любезно предоставляетъ вамъ догадаться, что по столько взималось съ каждаго ночлежника, а ночлежникамъ отдавался весь верхъ. „Безпорядочно расположенныя въ два этажа нары уподобляли это помѣщеніе какому-то переѣзжающему (?) звѣринцу“. Почему переѣзжающему, и гдѣ авторъ

видѣлъ звѣринцы съ нарами въ два этажа—Богъ вѣсть. На лицѣ матери „Митька видитъ по краснорѣчивому выраженію Чирикова *не то улыбку, не то что-то другое*"; при этомъ *„глаза ея опущены въ землю"*. Если, несмотря на цѣлый рядъ такихъ вопіющихъ редакціонныхъ неопрятностей, разсказъ все-таки производитъ впечатлѣніе, то это несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ удачномъ выборѣ и правдивости сюжета и кое-какомъ дарованіи автора.

И. Залетный.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Пересказы Ф. С. Комарскаго.

I. **Святая земля и библія.** Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей Д-ра К. Гейки. Съ оригинальными рисунками Г. А. Гарпера. Къ этому роскошному изданію, отпечатанному на веленевой бумагѣ въ два тома (1168 стран.), приложена карта Палестины, составленная Ф. С. Комарскимъ. Спб. 1894. Цѣна 10 р., съ перес. 11 р. 50 к., въ роскошномъ коленкор. переплетѣ 12 р. За пересылку прилагается за 12 ф. по разстоянію. (Изданіе И. Л. Тузова).

II. **Голосъ съ Синая.** Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бесѣды по Ф. В. Фаррару. СПБ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переплетѣ 2 р. (Изданіе И. Л. Тузова).

III. **Въ дни твоей юности.** Духовно-нравственныя бесѣды по В. Ф. Фаррару. СПБ. 1895 г. Ц- 2 р., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 50 коп. (Изданіе И. Л. Тузова).

IV. **Бесѣды,** избранныя изъ Брукса, Гейки, Джонса, Друммонда, Монтефельтро, Ньюмана, Ньютона, Спурджона, Фаррара, Фебра, и другихъ. Всѣхъ около ста бесѣдъ. Вышли изъ печати:

V. **Чтенія для дѣтей пастора Тодда** съ 14-ю рисунками подъ редакціей Ф. С. Комарскаго. Цѣна 1 р. 25 к., въ роскошной папкѣ—1 р. 50 к.

Бес. 1. *Ученіе Христа.* Цѣна **8** коп. Бес. 2. *О лиліяхъ и воробьяхъ.* Цѣна **5** коп. Бес. 3. *Встань, спящій.* Цѣна **5** коп. Бес. 4. *Христосъ нераздѣленъ.* Цѣна **5** коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бес. 5. *Послѣдствія себялюбія.* Бес. 6. *Блаженство людей, которыхъ поносятъ.* Бес. 7. *Пропавшая овца.* Бес. 8. *Потерянная драхма.* Бес. 9. *Непоколебимое.* Бес. 10. *Соблюди заповѣди.* Бес. 11. *Идолы.* и др.

Продажа производится въ книжн. магазин. у *И. Л. Тузова.* Гостиный дворъ, Садовая, № 45 и другихъ.

Складъ изданій: Троицкая ул., 18.

Доз. Цензурою СПБ., 13 декабря 1895 г. Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 11 мая 1893 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія существованія Общества, учрежденъ конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 3000 руб. и другой въ 1000 руб., имени **А. Ѳ. Гильфердинга**, за лучшія сочиненія на слѣдующія темы:

1) «Представить сжатый, но обстоятельный, основанный на возможно-полномъ изученіи доступныхъ источниковъ, при знакомствѣ съ литературою предмета, очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до 1879 года включительно,—въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ должно быть обращено вниманіе не на внѣшнія только политическія судьбы славянскихъ народовъ, но и на внутреннюю ихъ жизнь—церковь, литературу, право и т. п., причемъ съ большею полнотою должны быть изложены тѣ періоды и отдѣльныя событія въ исторической жизни славянъ, которые оставили болѣе глубокій слѣдъ въ судьбахъ той или другой славянской народности, въ общеславянской и общеевропейской исторіи. Очерку долженъ быть предпосланъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи южныхъ и западныхъ славянъ и указатель по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянской исторіи» (премія въ 3000 р.).

2) «Представить обстоятельный, основанный на точномъ знаніи источниковъ, очеркъ исторіи и современнаго положенія заграничной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) въ отношеніяхъ—политическомъ, религіозномъ, экономическомъ (за послѣднее время) и пр., причемъ, конечно, больше вниманія должно быть обращено на тѣ стороны и періоды въ историческихъ судьбахъ заграничной Руси, въ которыхъ наиболѣе ярко выразились съ одной стороны упадокъ національной ея жизни, а съ другой—и подъемъ народнаго русскаго духа. Предлагаемому очерку слѣдуетъ предпослать указатель источниковъ и пособій. Къ сочиненію, въ случаѣ его печатанія, должна быть приложена карта заграничной Руси» (премія въ 1000 р.).

Сочиненія на вышеизложенныя темы должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, д. 9) обязательно на русскомъ языкѣ, не позже 11 мая 1896 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14 февраля 1896 года.

Премированныя сочиненія печатаются (въ количествѣ 1200 экз.) на счетъ Славянскаго Общества, которое изъ всего количества печатаемыхъ экземпляровъ получаетъ въ свое распоряженіе 600, а другіе 600 уступаетъ автору *).

---

*) По соглашенію съ Совѣтомъ Общества авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, но уже на свой счетъ—свыше 1200 экз.

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го.

Ноты напечатанныя въ № 1, стоятъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ около 10 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая № 22, прот. Гостиннаго двора при книжномъ и музыкальн. магазинѣ П. К. Селиверстова (магазинъ высылаетъ всѣ книги и ноты, кѣмъ бы то ни было изданныя); въ Москвѣ: Контора Н. Печковской, Петровскія линіи, безъ доставки 4 р. 50 к., съ разсрочкою на 4 взноса. Въ Кіевѣ у В. М. Кирѣева, книжный магазинъ уг. Крещатика и Фундуклѣевской ул. и Кіоски. Въ Ростовѣ-на-Дону: Газетное Агентство и во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель П. К. Селиверстовъ.

Дозв. ценз. Спб., 30 ноября 1895 г. Печатня Е. Евдокимова, Троицк. ул. 18.

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ПАЛОМНИКА

въ 1896 году.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1895 года «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» вступилъ въ одинадцатый годъ своего существованія. «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ», составляющій первый въ Россіи опытъ иллюстрированнаго изданія съ религіознонравственнымъ содержаніемъ, продолжалъ, по своимъ качествамъ, занимать первое мѣсто въ ряду подобныхъ изданій. Серьезность, занимательность и разнообразіе статей по всѣмъ предметамъ духовнаго вѣдѣнія и назиданія, въ общедоступномъ и безупречномъ литературномъ изложеніи, и разнообразіе и изящество художественной стороны изданія, будутъ по прежнему составлять неизмѣнную заботу.

Для незнакомыхъ еще съ нашимъ изданіемъ, считаемъ необходимымъ пояснить, что оно содержитъ въ себѣ описаніе святынь Россіи и православнаго Востока, историческіе и біографическіе очерки изъ жизни Церкви и многочисленныхъ церковныхъ дѣятелей ея во всѣ времена существованія Церкви Божіей на землѣ, житія святыхъ угодниковъ Божіихъ, повѣствованія изъ церковно-религіозной области, путешествія ко святымъ мѣстамъ и обителямъ, объясненія праздниковъ и богослужебныхъ дѣйствій, назидательныя размышленія и проч. и проч.

Такой составъ журнала и книжекъ, сопровождаемый многочисленными рисунками, дѣлаетъ пригоднымъ «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» для всѣхъ чтителей святынь и любителей религіознонравственнаго чтенія, для каждаго христіанскаго семейства, для учащагося поколѣнія обоего пола, для общежитій, казармъ, богадѣленъ, пріютовъ больницъ, рабочихъ центровъ и тюремъ, для внѣ-церковныхъ собесѣдованій пастырей со своими прихожанами и т. п.

«РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» будетъ издаваться въ наступающемъ 1896 году на прежнихъ основаніяхъ и состоятъ изъ 52 выпусковъ, по два листа въ каждомъ со многими рисунками, и 4 книгъ особыхъ приложеній, заключающихъ въ себѣ каждая не менѣе 15-ти печатныхъ листовъ. Между прочими статьями, заготовленными нами для этихъ книгъ, будутъ помѣщены:

1) Св. Григорій Богословъ, его жизнь и избранныя творенія. Сочиненіе это, къ которому приложено до 37 словъ, стихотвореній и писемъ великаго Отца Церкви, составлено подъ редакціею преосвященнаго Никанора, епископа архангельскаго и холмогорскаго, и

2) О Крестѣ Господнемъ, противъ раскольниковъ, кронштадтскаго протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. Въ этомъ произведеніи доблестный пастырь, славные подвиги котораго составляютъ предметъ благоговѣйнаго удивленія всего христіанскаго міра, является съ новой стороны—въ качествѣ ученаго мыслителя и изслѣдователя. Мы счастливы, что можемъ представить нашимъ читателямъ этотъ серьезный и цѣнный трудъ.

Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ читателямъ безплатную премію, въ высокохудожественномъ исполненіи одной изъ лучшихъ нашихъ мастерскихъ.

Подписная цѣна въ годъ **ШЕСТЬ** рублей. Допускается разсрочка.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій просп., 13.

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

Завѣдывающимъ мукомольнымъ отдѣломъ Всероссійской Сельскохозяйственной Выставки въ Москвѣ 1895 года, назначенъ членъ распорядительнаго Комитета Д. А. Манефельдъ, редакторъ-издатель журнала „**Мельникъ**“.

ОБЪ ИЗДАНІИ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАГО И ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА
И САМООБРАЗОВАНІЯ
МИРЪ БОЖІЙ.

V-й годъ изданія.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца

въ размѣрѣ 22—25 печатныхъ листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ не подростковъ 14—15 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, при чемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. Оригинальная: «По новому пути», романъ Д. Мамина (Сибиряка); «Матросикъ», разсказъ К. Станюковича; «Въ водоворотѣ», разсказъ изъ времени великой французской революціи, Ю. Безродной; «Мишурисъ», разсказъ И. Потапенко; «У чугунной доски», разсказъ Н. Гарина; «Изъ сибирской жизни», разсказъ В. Сѣрошевскаго; «Богомолье» изъ народной жизни, И. Савихина; «Конокрадъ», разсказъ А. Яблоновскаго; разсказы гг. Вербицкой, Добротворскаго, Чирикова и др. Переводная: «Подъ игомъ», романъ И. Базова, переводъ съ болгарскаго; «Злой духъ», романъ Іонаса Ли, переводъ съ норвежскаго; романъ съ англійскаго, переводъ А. Анненской; «Въ садахъ Клавдія», легенда Вильденбруха, переводъ съ нѣмецкаго К. Веселовской; «За Атлантическимъ океаномъ», путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки но Америкѣ, Кживицкаго, переводъ съ польскаго, и пр.

Отдѣлъ II. Научныя сочиненія и статьи. Оригинальныя: «Шекспиръ и Бѣлинскій», проф. Н. Стороженко; «Писемскій» Ив. Иванова; «Герой современной легенды» Ив. Иванова; «Люди и факты новой европейской культуры» «В. Г. Короленко (Основныя идеи его произведеній)», критическій этюдъ М. Плотникова; «Рескинъ и его ученіе» Д. Коропчевскаго; «Очерки по исторіи русской культуры», ч. II, П. Милюкова; «Сво-

бодна-ли человѣческая личность?» пр.-доц. Г. Челпанова; «Цѣнность жизни», пр.-доц. Г. Челпанова; «Экономическіе этюды», пр.-доц. М. Туганъ-Барановскаго; «Изъ жизни нѣмецкихъ рабочихъ». Л. Давыдовой; «Народные клубы на Западѣ», Л. Давыдовой; «Мои воспоминанія (1856—1862), И. Красноперова; «Изъ записокъ изслѣдователя», Ф. Щербины; «Гарантіи Правосудія» Гр. Джаншіева; «Сила тяжести и давленіе какъ условіе существованія животныхъ», проф. А. Никольскаго. Переводныя: «Вольфгангъ Гете», съ англійскаго, Даудена, пер. А. Анненской: «Развитіе профессій», очерки Спенсера, пер. Т. Криль; «Исторія цивилизаціи», Дюкудрэ, ч. II. Средніе и новые вѣка, съ рисунками въ текстѣ, пер. подъ редакціею и съ примѣчаніями Д. Коропчевскаго: «Основныя идеи зоологіи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина, Эдмона Пэріе, съ многочисленными рисунками и портретами въ текстѣ, пер. проф. А. Никольскаго и К. Пятницкаго; «Прошлое, настоящее и будущее вселенной», космологическія письма, Г. Клейна, переводъ К. Пятницкаго; «Наши тайные друзья и враги», популярныя лекціи по бактеріологіи Фарадея Франкланда, перев. А. М—ой; «Изъ исторіи современныхъ суевѣрій», Моллока, компиляція Э. Пименовой.

Отдѣлъ III. Разныя разности. «На Родинѣ и заграницей»; главнѣйшія событія изъ русской и иностранной жизни; новости изъ міра науки и литературы, въ видѣ оригинальныхъ и переводныхъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій.

Отдѣлъ IV. Критическія замѣтки. Очерки выдающихся произведеній текущей литературы.

Отдѣлъ V. Библіографія. Обзоръ новыхъ книгъ составляется спеціалистами по каждой отрасли наукъ. Въ виду цѣлей самообразованія преслѣдуемыхъ журналомъ, предполагается довести отдѣлъ этотъ до возможной полноты, съ тѣмъ, чтобы по каждому отдѣлу литературы и науки давать обзоръ новыхъ сочиненій, съ указаніемъ литературы по данному вопросу. Размѣръ отдѣла остается прежнимъ, т. е. не менѣе двухъ съ половиною листовъ убористой печати.—Новости иностранной литературы, входящія въ этотъ отдѣлъ какъ самостоятельная часть, составляются по библіографіи иностранныхъ изданій, давая сжатыя указанія о важнѣйшихъ, появляющихся за границей, новыхъ книгахъ по литературѣ, культурѣ, исторіи, библіографіи, географіи, этнографіи, естествознанію философіи, психологіи соціологіи и искусству.

Открыта подписка на 1896 годъ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой—7 руб., безъ доставки — 6 руб., за границу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ 4 р. и остальные 3 р. къ 1-му іюля; черезъ казначеевъ же допускается плата и въ три срока: при подпискѣ—3 р., къ 1-му мая—2 р., къ 1-му августа—2 руб. Полугодовой подписки нѣтъ. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 5 проц. съ каждаго экземпляра. Разсрочка подписной платы при подпискѣ черезъ книжные магазины не допускается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Продаются оставшіеся экземпляры за 1893 и 1894 г.; за 1892 г. всѣ экземпляры распроданы. Цѣна съ пересылкой 6 руб. за 1893 г. и 7 руб. за 1894 г.

Изд. А. Давыдова. Ред. В. Острогорскій.

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№

Подписная цѣна: 6 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой (за полгода 4 рубля).

Полные экземпляры «Ремесленной Газеты» со всѣми приложеніями за 1886 г. по 10 руб., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893 1894 и 1895 г. (безъ книгъ) по 5 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

«Ремесленная Газета» рекомендована г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ **К. А. Казначеевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ПРИАМУРСКІЯ ВѢДОМОСТИ

НА 1895 ГОДЪ.

(Второй годъ изданія)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Газета посвящена исключительно интересамъ Приамурскаго края и будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

Высочайшія повелѣнія, узаконенія и распоряженія, относящіяся до управленія Приамурскимъ краемъ и Военнымъ Округомъ, Циркуляры Министровъ. Распоряженія Приамурскаго Генералъ-Губернатора, приказы и приказанія Командующаго войсками Приамурскаго военнаго Округа и Войскового Наказнаго Атамана Приамурскихъ казачьихъ войскъ. Объявленія присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ лицъ и казенныхъ учрежденій. Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства. Перепечатки изъ другихъ газетъ, хроника, статьи и свѣдѣнія, касающіяся мѣстныхъ интересовъ края, матеріалы по исторіи, географіи, этнографіи, статистикѣ, археологіи, топографіи и пр. Приамурскаго края. Метеорологическій бюллютень хабаровской метеор. станціи. Частныя объявленія.

При нѣкоторыхъ номерахъ газеты будутъ прилагаться: Труды Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой { для обяз. подп. въ годъ 5 р.; » необяз. » » » 7 »; » » » на 1/ г. 4 »

Подписка принимается исключительно въ Хабаровскѣ, въ Редакціи «Приамурскихъ Вѣдомостей».

Редакція покорнѣйше проситъ всѣ учрежденія, части войскъ и лицъ, имѣющихъ надобность съ нею сноситься, направлять всю денежную и другую корреспонденцію исключительно въ адресъ: Хабаровскъ, Редакція «Приамурскихъ Вѣдомостей».

Доз. цензурою. СПБ., 19 декабря 1895 г. Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

БЛАГОВѢСТЪ

Декабрь

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

Окружное патріаршее и сvнодальное посланіе Константинопольской церкви по поводу папской энциклики о соединеніи церквей.

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 15-го декабря 1895 года.
Цензоръ Протоіерей **А. Автономовъ.**

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

ОКРУЖНОЕ ПАТРІАРШЕЕ И СѴНОДАЛЬНОЕ ПОСЛАНІЕ

къ священнѣйшимъ и боголюбезнѣйшимъ во Христѣ братіямъ митрополитамъ и епископамъ, священному и благоговѣйному ихъ клиру и всей благочестивой православной паствѣ святѣйшаго апостольскаго и патріаршаго Константинопольскаго престола.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.
Іисусъ Христосъ вчера и днесь тойже, и во вѣки. Въ наученія странна и различна не прилагайтеся.

(*Евр. 13, 7—9*).

1. Глубокою скорбью и великою печалью объемлется сердце каждаго благочестиваго православнаго человѣка, искренно ревнующаго о славѣ Божіей, когда онъ видитъ, какъ ненавистникъ добра, человѣкоубійца искони, завидуя нашему спасенію, не перестаетъ сѣять на нивѣ Господней разные плевелы, чтобы заглушить пшеницу. Отъ него и прежде произрастали въ Церкви Божіей еретическіе плевелы, которые многоразлично вредили и продолжаютъ вредить спасенію во Христѣ человѣческаго рода, и которые, какъ худые ростки и гнилые члены, справедливо отсѣкаются отъ здороваго тѣла православной каѳолической Церкви Христовой. Въ послѣдующія же времена врагъ отторгъ отъ православной Христовой Церкви и цѣлые народы Запада, внушивъ епископамъ Рима духъ чрезмѣрнаго тщеславія, породившаго разныя незаконныя и противныя Евангелію новшества. Но этого мало: римскіе папы всячески усиливаются при удобномъ случаѣ вовлечь въ свои заблужденія и каѳолическую, непоколебимо на Востокѣ пребывающую въ отцепреданной православной вѣрѣ Христову Церковь, неразумно преслѣдуя измышленное ими единеніе.

2. Такъ, нынѣшній папа римскій его блаженство Левъ XIII, по случаю своего епископскаго юбилея, издалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года окружное посланіе къ государямъ и народамъ всего

міра, въ которомъ, между прочимъ, призываетъ и нашу православную соборную и апостольскую Христову Церковь къ единенію съ папскимъ престоломъ, понимая это единеніе такъ, что оно можетъ осуществиться только чрезъ признаніе папы высшимъ архіереемъ, высочайшимъ духовнымъ и свѣтскимъ главою всей Церкви, единымъ намѣстникомъ Христа на землѣ и раздаятелемъ всякой благодати.

3. Конечно, каждый христіанинъ долженъ желать единенія церквей; особливо же весь православный міръ, одушевляемый духомъ истиннаго благочестія, согласно божественной цѣли учрежденія Богочеловѣкомъ Христомъ Спасителемъ святой Церкви, пламенно желаетъ единенія церквей въ одномъ правилѣ вѣры, на основаніи апостольскаго и отеческаго ученія, *сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Еф. 2, 20). Посему и молимся мы постоянно на общихъ ко Господу моленіяхъ: *разсѣянныя собери, заблуждшія на путь правый обрати*, на тотъ путь, который одинъ ведетъ къ Животу всяческихъ, Единородному Сыну и Слову Божію Господу нашему Іисусу Христу (Іоан. 14, 6). Согласно священному сему желанію наша православная Христова Церковь всегда охотно готова отозваться на всякое предложеніе о соединеніи, если бы только римскій епископъ разъ навсегда отвергъ всѣ допущенныя въ его церкви многочисленныя и разнообразныя, противныя Евангелію, новшества, вызвавшія печальное раздѣленіе церквей Востока и Запада, возвратился бы къ основоположеніямъ святыхъ седми Вселенскихъ Соборовъ, которые, какъ собиравшіеся подъ водительствомъ Святаго Духа изъ представителей всѣхъ святыхъ Божіихъ церквей для опредѣленія православнаго ученія вѣры противъ еретиковъ, имѣютъ всеобщее и вѣчное значеніе въ Христовой Церкви. На это постоянно и въ сочиненіяхъ и въ окружныхъ посланіяхъ указывалось папской церкви и со всею обстоятельностью выяснялось, что до тѣхъ поръ, пока она остается при своихъ новшествахъ,—православная же Церковь слѣдуетъ божественнымъ и апостольскимъ преданіямъ и установленіямъ девяти первыхъ вѣковъ христіанства, въ теченіе которыхъ и церкви Запада еще исповѣдывали одну общую вѣру и пребывали въ единеніи съ церквами Востока,—всякая рѣчь о соединеніи будетъ пустой и тщетной. Посему и молчали мы доселѣ и не обращали вниманія на папскую энциклику, считая безполезнымъ говорить къ тѣмъ, которые не хотятъ насъ слушать. Однако, съ нѣкотораго времени папская церковь, совершенно оставивъ путь убѣжденія и разсужденій,

начала, къ общему изумленію и недоумѣнію, привлекать въ свои сѣти болѣе простыхъ православныхъ христіанъ чрезъ посредство „лукавыхъ дѣлателей“, видъ апостоловъ Христовыхъ на себя принимающихъ (2 Кор. 11, 13), посылаетъ на Востокъ своихъ духовныхъ лицъ, носящихъ одежду православныхъ іереевъ, и замышляетъ многія другія коварныя мѣры для достиженія своихъ прозелитскихъ цѣлей. Вслѣдствіе сего мы сочли священнымъ своимъ долгомъ издать это патріаршее и сунодальное окружное посланіе, чтобы оградить отъ опасности православную вѣру и благочестіе, зная, что „охраненіе истинныхъ каноновъ составляетъ долгъ всякаго ревностнаго христіанина, въ особенности же тѣхъ, кто поставленъ Провидѣніемъ управлять другими“ *).

4. Священное и искреннѣйшее желаніе святой соборной и православной апостольской Церкви Христовой—чтобы, какъ выше было сказано, отдѣлившіяся отъ нея церкви опять соединились съ ней въ одномъ правилѣ вѣры; безъ таковаго единенія въ вѣрѣ не можетъ быть и вожделѣннаго единенія церквей. Если же это такъ, то мы поистинѣ недоумѣваемъ, какъ блаженнѣйшій папа Левъ XIII, признающій и самъ означенную истину, допускаетъ явное себѣ самому противорѣчіе, съ одной стороны, заявляя, что истинное единеніе заключается въ единствѣ вѣры, съ другой,—что каждая церковь и послѣ соединенія можетъ сохранять свои догматическія и каноническія опредѣленія, хотя бы эти послѣднія и отличались отъ опредѣленій папской церкви, какъ это видно изъ позднѣйшей энциклики самого папы, отъ 30 ноября 1894 г. Но какое это будетъ единеніе, когда въ одной и той же церкви одинъ станетъ вѣровать, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, другой,—что Духъ Святый исходитъ отъ Отца *и Сына*, одинъ будетъ крестить въ три погруженія, другой—обливать, одинъ—употреблять квасный хлѣбъ въ таинствѣ божественной Евхаристіи, другой—опрѣсноки, одинъ будетъ преподавать народу и чашу, другой—только святый хлѣбъ и т. п. Что побуждаетъ папу допускать такое разногласіе, уваженіе ли къ евангельскимъ истинамъ святой Церкви Христовой, косвенная ли съ его стороны уступка и признаніе этихъ истинъ или что другое, сказать не можемъ.

5. Какъ бы, однако, ни было, для осуществленія благочестиваго желанія единенія церквей, первѣе всего, необходимо опредѣлить одно общее начало и основаніе. Такимъ непоколебимымъ

---

*) Посл. Фот. 3, § 10.

общимъ началомъ и основаніемъ можетъ быть не что иное, какъ ученіе Евангелія и седми святыхъ Вселенскихъ Соборовъ. Обращаясь, затѣмъ, къ этому ученію, общему восточнымъ и западнымъ церквамъ до ихъ раздѣленія, мы должны чистосердечно изслѣдовать, чтобы узнать истину, во что вѣровала тогда и на Востокѣ и на Западѣ единая святая соборная и апостольская православная Христова Церковь, и это содержать во всей чистотѣ и неизмѣнности. Все же, что въ позднѣйшія времена прибавлено или убавлено, священный и всенепремѣнный долгъ каждаго — если только онъ искренно ищетъ славы Божіей больше, чѣмъ славы собственной — исправлять таковое въ духѣ благочестія, потому что тяжкое осужденіе пріиметъ предъ судищемъ нелицепріятнаго Судіи Христа тотъ, кто по тщеславію упорно пребываетъ въ извращеніи истины. Говоря это, мы отнюдь не имѣемъ въ виду разностей, касающихся устава священныхъ чинопослѣдованій и пѣснопѣній или священныхъ одеждъ и т. п., каковыя разности, имѣвшія мѣсто и въ древности, нисколько не вредятъ существу и единству вѣры; но мы имѣемъ въ виду тѣ существенныя разности, которыя касаются богопреданныхъ догматовъ вѣры и богоустановленнаго каноническаго строя церковнаго управленія. „Если отступленія не касаются вѣры, говоритъ святитель Фотій, или какого нибудь общаго соборнаго опредѣленія, напримѣръ, когда одни держатся такихъ порядковъ и обычаевъ, другіе—иныхъ, то, правильно разсуждая, должно признать, что и тѣ, которые хранятъ извѣстный обычай, не дѣлаютъ ничего несправедливаго, и тѣ, которые не имѣютъ его, не погрѣшаютъ“ *).

6. Ради священной цѣли единенія восточная православная каѳолическая Христова Церковь готова всецѣло принять, если бы что оказалось ею поврежденнымъ или оставленнымъ изъ того, что до девятаго вѣка согласно исповѣдывалось церквами Востока и Запада; и если, на основаніи ученія божественныхъ отцовъ и богособранныхъ Вселенскихъ Соборовъ, западные докажутъ намъ, что до девятаго вѣка Римская церковь—тогда еще православная—читала символъ вѣры съ прибавкой, или употребляла опрѣсноки, или держалась ученія о чистилищѣ, употребляла обливаніе вмѣсто погруженія, учила о непорочномъ зачатіи Приснодѣвы, о свѣтской власти, непогрѣшимости и главенствѣ римскаго епископа,—мы ничего тогда сказать не имѣемъ. Если же, наоборотъ, съ ясностію окажется, какъ и

*) Посл. Фот. 3, § 6.

сами любящіе истину изъ латинянъ признаютъ, что восточная и православная каѳолическая Христова Церковь содержитъ тѣ самые древле-преданные догматы, которые нѣкогда исповѣдывались одинаково и на Востокѣ и на Западѣ, и что Римская церковь повредила эти догматы разными нововведеніями, тогда и для младенцевъ станетъ яснымъ, что самый естественный путь къ единенію есть возвращеніе Римской церкви къ древнимъ догматамъ и древнему устройству церковнаго управленія. Ибо вѣра отнюдь не измѣняется временемъ или обстоятельствами, но остается всегда и вездѣ одною и тою же: *едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте во единѣмъ упованіи званія вашего; единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ* (Ефес. 4, 4—6).

7. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ вѣровала и опредѣлила согласно съ евангельскими изреченіями, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Но на Западѣ съ XX уже вѣка сталъ мало по малу подвергаться порчѣ священный сѵмволъ вѣры, составленный и утвержденный Вселенскими Соборами, и самочинно стало распространяться ученіе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Безъ сомнѣнія, папа Левъ XIII хорошо знаетъ, что православный его предшественникъ и соименный ему защитникъ истинной вѣры, Левъ III на соборѣ 809 года отвергъ и осудилъ эту незаконную и противную Евангелію прибавку „и отъ Сына“ (filioque), при чемъ велѣлъ начертать на двухъ серебряныхъ доскахъ—по гречески и по латыни—подлинный, безъ всякихъ прибавленій, священный сѵмволъ вѣры перваго и втораго Вселенскихъ Соборовъ, съ такою надписью haec Leo posui amore et cautela fidei orthodoxae *). Безъ сомнѣнія, знаетъ онъ также, что

---

*) См. Анастасія пресв. и библіот. въ Римѣ: Vita Leonis III—въ жизнеописаніяхъ папъ. Святитель Фотій, вспоминая объ этой достопамятной дѣятельности православнаго римскаго папы Льва III противъ неправомыслящихъ, говоритъ въ посланіи къ митрополиту Аквилейскому: «оставляю бывшихъ раньше, но вотъ Левъ, епископъ римскій, тотъ, который былъ въ древности, и другой позднѣйшій показали себя единомысленными съ каѳолической апостольской Церковью, бывшими до нихъ святыми епископами и апостольскими установленіями. Первый оказалъ большое содѣйствіе святому четвертому Вселенскому Собору, чрезъ посланныхъ имъ представителей и чрезъ свое посланіе, въ которомъ были обличены Несторій и Евтихій; въ немъ же и о Духѣ Святомъ возвѣстилъ, согласно съ бывшими раньше соборными опредѣленіями, что Онъ исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына. Точно также равенъ сему по вѣрѣ, какъ и по имени, и другой—позднѣйшій Левъ. Онъ, пламенный ревнитель благочестія, для того, чтобы наше чистое ученіе благочестія не потерпѣло какого вреда и порчи отъ варварскаго языка, повелѣлъ на Западѣ славословить Святую Троицу и учить о Ней на первоначальномъ языкѣ—греческомъ. И онъ не ограничился только

только въ X или въ началѣ XI в. эта незаконная и противная Евангелію прибавка къ священному сѵмволу вѣры была принята, наконецъ, и въ Римѣ; и слѣдовательно, Римская церковь, упорствующая въ своихъ новоизмышленіяхъ и не хотящая обратиться къ ученію Вселенскихъ Соборовъ, подлежитъ всецѣло суду предъ единой святой соборной и апостольской Христовой Церковію, которая твердо держится отеческаго ученія и вѣрно хранитъ во всемъ преданный ей залогъ вѣры, повинуясь апостольской заповѣди: *доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ, живущимъ въ насъ* (2 Тим. 1, 14), *уклоняяся скверныхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума, о немже нѣцыи хвалящеся, о вѣрѣ погрѣшиша* (1 Тим. 6, 20).

8. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ совершала крещеніе чрезъ три погруженія въ водѣ; папа Пелагій называетъ троекратное погруженіе установленіемъ Господнимъ, и еще въ XIII вѣкѣ совершалось на Западѣ крещеніе чрезъ три погруженія: объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ древнихъ храмахъ Италіи священныя крещальни. Но въ позднѣйшія времена введено было въ папской церкви кропленіе и обливаніе, и это нововведеніе она содержитъ доселѣ, еще болѣе расширяя вырытую ею пропасть раздѣленія. Мы же, православные, пребывая вѣрными апостольскому преданію и церковной практикѣ седми Вселенскихъ Соборовъ, „вступили въ подвигъ за общее достояніе, за отеческое сокровище здравой вѣры“ *).

9. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ, по примѣру Спасителя нашего, болѣе тысячи лѣтъ на Востокѣ и Западѣ совершала божественную Евхаристію на квасномъ хлѣбѣ, какъ признаютъ это и уважающіе истину западные богословы. Но папская церковь съ XI вѣка ввела у себя новшество—употребленіе въ таинствѣ божественной Евхаристіи *опрѣсноковъ*.

словомъ и приказаніемъ, но сдѣлавъ двѣ доски, какъ бы два столпа, начерталъ на нихъ (сѵмволъ вѣры) и поставилъ на виду у всѣхъ, прибивъ къ церковнымъ дверямъ, чтобы каждому можно было легко и безошибочно научиться благочестію и не было бы никакой возможности тайной порчѣ и нововведеніямъ извращать христіанскую истину и вводить Сына, кромѣ Отца, какъ вторую причину исходящаго отъ Отца Духа, равночестнаго съ рожденнымъ отъ Отца Сыномъ. И не только сіи два святые мужа, просіявшіе на Западѣ, сохраняли вѣру древле-преданную: Церковь имѣетъ немалый сонмъ и другихъ провозвѣстниковъ истины на Западѣ» (Фот. посл. 5, § 3).

*) Василія Великаго, посл. 243 (къ италійскимъ и галльскимъ епископамъ).

10. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ приняла, что честные Дары освящаются послѣ молитвы призыванія Святаго Духа чрезъ благословеніе іерейское, какъ свидѣтельствуютъ и древне-римскія и галльскія чинопослѣдованія. Но впослѣдствіи папская церковь ввела новшество и здѣсь, самочинно усвоивъ мнѣніе объ освященіи честныхъ Даровъ при возглашеніи словъ Господа: *пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое* и *пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя* (Матѳ. 26, 26—28).

11. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ, слѣдуя заповѣди Господа: *пійте отъ нея вси*, преподавала причастіе всѣмъ изъ святой чаши. Но папская церковь съ IX вѣка и впослѣдствіи ввела новшество и здѣсь, лишивъ мірянъ святой чаши, вопреки установленію Господа, всеобщей практикѣ древней Церкви и яснымъ запрещеніямъ многихъ древнихъ православныхъ епископовъ Рима.

12. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ, слѣдуя богодухновенному ученію Священнаго Писанія и идущему издревле апостольскому преданію, призываетъ милость Божію и молится объ отпущеніи согрѣшеній и упокоеніи усопшихъ о Господѣ *). Папская же церьковь, въ лицѣ папы, какъ нѣкоего единственнаго своего законодателя, съ XII в. и далѣе, измыслила множество новыхъ ученій: объ огнѣ чистилища, преизбыточествующихъ заслугахъ Святыхъ, раздаяніи ихъ грѣшникамъ и проч., допустивъ также ученіе о совершенномъ воздаяніи праведнымъ до общаго воскресенія и суда.

13. Единая святая соборная и апостольская Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ учитъ объ одномъ только чистомъ и непорочномъ, отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы, сверхъестественномъ зачатіи Единороднаго Сына и Слова Божія. Папская же церковь, лишь сорокъ лѣтъ тому назадъ, ввела новый догматъ о непорочномъ зачатіи Богородицы и Приснодѣвы Маріи, догматъ неизвѣстный древней Церкви, вызывавшій не разъ сильное опроверженіе даже со стороны выдающихся латинскихъ богослововъ.

14. Оставляя безъ вниманія эти образовавшіяся на Западѣ важныя и существенныя относительно вѣры разности между двумя церквами, его блаженство выставляетъ въ своей энцикликѣ важнѣйшею и будто бы единственною причиной раздѣленія вопросъ

*) Матѳ. 26, 31. Евр. 11, 39. 2 Тим. 4, 8; 2 Маккав. 12, 48.

о главенствѣ римскаго епископа, при чемъ отсылаетъ насъ къ источникамъ, чтобы мы изслѣдовали, какъ думали наши предки и что завѣщали намъ первыя времена христіанства. Но, обращаясь къ отцамъ Церкви и Вселенскимъ Соборамъ первыхъ девяти вѣковъ, мы вполнѣ удостовѣряемся, что на епископа римскаго никогда не смотрѣли въ Церкви какъ на высшую власть и непогрѣшимаго главу, ибо каждый епископъ есть глава и предстоятель своей частной церкви, подчиняющійся только *соборнымъ* опредѣленіямъ и рѣшеніямъ Церкви *вселенской*, какъ единственно непогрѣшимымъ, и, какъ показываетъ исторія церковная, епископъ римскій не составлялъ изъ этого правила исключенія. Единый же вѣчный Начальникъ и безсмертный Глава Церкви есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ибо *Той есть Глава тѣлу Церкве* (Кол. 1. 18). Онъ сказалъ божественнымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ при вознесеніи Своемъ на небеса: *се, Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20). А апостолъ Петръ, котораго πаписты произвольно выставляютъ основателемъ римской церкви и первымъ ея епископомъ, опираясь на „Псевдоклиментинахъ", апокрифическомъ произведеніи второго вѣка, въ Священномъ Писаніи изображается участвующимъ въ разсужденіяхъ на апостольскомъ соборѣ въ Іерусалимѣ какъ равный съ равными; въ другой разъ онъ рѣзко обличается апостоломъ Павломъ, какъ это видно изъ посланія къ Галатамъ (2, 11—15). И то самое евангельское мѣсто, на которое ссылается римскій папа: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою* (Матѳ. 16, 18), какъ извѣстно, можетъ быть, и самимъ папистамъ, въ первые вѣка Церкви и преданіе, и всѣ безъ исключенія божественные и святые отцы изъясняли совершенно иначе и въ православномъ духѣ, толкуя оное въ переносномъ смыслѣ, что положенный въ основу непоколебимый камень, на коемъ Господь основалъ Свою Церковь, которой и врата адовы не одолѣютъ, есть *правое* Петрово *исповѣданіе* Господа: „Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго" (Матѳ. 16, 16). На этомъ исповѣданіи и вѣрѣ зиждется спасительная Евангельская проповѣдь всѣхъ апостоловъ и ихъ преемниковъ. Вотъ почему восхищенный на небеса апостолъ Павелъ, какъ бы изъясняя это изреченіе Господа, богодухновенно говоритъ: *по благодати Божіей, даннѣй мнѣ, яко премудръ архитектонъ основаніе положихъ, инъ же назидаетъ... основанія бо иного никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Коринѳ. 3, 10—11). Въ другомъ мѣстѣ основаніемъ назданныхъ во Христѣ вѣрующихъ, которые

суть члены Тѣла Христова, или Церкви (Колос. 1, 24), онъ называетъ всѣхъ вообще апостоловъ и пророковъ: *тѣмже убо ктому нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и присніи Богу, наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Ефес. 2, 19—20). Но если таково богодухновенное апостольское ученіе объ основаніи и Главѣ Церкви Божіей, то вполнѣ естественно, что и святые отцы, твердо державшіеся преданій апостольскихъ, не могли учить о высшемъ главенствѣ апостола Петра и епископовъ римскихъ и давать какое либо иное, совершенно неизвѣстное въ Церкви, противное истинѣ и православію, толкованіе вышеприведенному евангельскому мѣсту, равно не могли сами собою измыслить страннаго догмата о высшихъ преимуществахъ римскаго епископа, какъ преемника будто бы апостола Петра, тѣмъ болѣе, что апостолъ Петръ вовсе не былъ основателемъ Римской церкви: исторія ничего не знаетъ объ апостольской дѣятельности его въ Римѣ. Скорѣе церковь Римская основана была апостоломъ языковъ Павломъ, чрезъ его учениковъ; по крайней мѣрѣ апостольское служеніе его въ Римѣ опредѣленно извѣстно *).

15. Божественные отцы, уважая епископа Рима, какъ епископа главнаго въ имперіи города, признавали за нимъ преимущества чести предъ всѣми прочими епископами, но при этомъ смотрѣли на него просто какъ на перваго между ними епископа, т. е. перваго между равными. Эти преимущества впослѣдствіи усвоены были и епископу Константинополя, когда этотъ городъ сдѣлался столицей римскаго государства, какъ свидѣтельствуетъ 28 правило четвертаго Вселенскаго Халкидонскаго собора: „тожде самое постановляемъ и опредѣляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкве тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества, поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима“. Изъ этого правила ясно, что епископъ Рима равенъ съ епископомъ Константинопольской церкви и съ епископами прочихъ церквей, но ни въ одномъ правилѣ и ни у кого изъ отцевъ нѣтъ даже ни малѣйшаго намека, что римскій папа есть единый глава всей Церкви, непогрѣшимый су-

---

*) Дѣян. 28, 15; Рим. 1, 9; 15, 15; 16 гл.; Филип. 1, 13.

дія епископовъ другихъ независимыхъ и автокефальныхъ церквей, преемникъ апостола Петра и намѣстникъ Христа на землѣ.

16. Каждая въ отдѣльности автокефальная церковь на Востокѣ и Западѣ была совершенно независима и самостоятельна во времена седми Вселенскихъ Соборовъ *). Какъ епископы автокефальныхъ церквей Востока, такъ и епископы Африки, Испаніи, Галліи, Германіи, Британіи управляли своими церквами чрезъ собственные помѣстные соборы; никакого права вмѣшательства римскій епископъ, который и самъ обязанъ былъ подчиняться соборнымъ рѣшеніямъ, не имѣлъ. А когда возникали важные вопросы, требовавшіе рѣшенія всей Церкви, созывался соборъ *вселенскій*, который одинъ всегда былъ и остается высшею въ Церкви властію. Таково древнее церковное устройство. По отношенію другъ къ другу епископы были независимы и, каждый въ своей области, совершенно самостоятельны, подчиняясь только соборнымъ постановленіямъ; на соборахъ они присутствовали какъ равные между собою. Никто изъ нихъ никогда не издавалъ единоличныхъ постановленій для всей Церкви. Если же иногда нѣкоторые честолюбивые епископы римскіе заявляли гордыя притязанія на неизвѣстное въ Церкви главенство, таковые встрѣчали надлежащее обличеніе и осужденіе. Итакъ, рѣшительнымъ и явнымъ заблужденіемъ оказывается то, на что ссылается Левъ XIII, говоря въ своей энцикликѣ, будто до времени великаго Фотія имя римскаго престола было свято для всѣхъ народовъ христіанскаго міра, и Востокъ подобно Западу единодушно и безпрекословно подчинялся римскому епископу, какъ законному—будто бы—преемнику апостола Петра и намѣстнику Іисуса Христа на землѣ.

17. Въ теченіе девяти вѣковъ Вселенскихъ Соборовъ восточная православная Церковь никогда не признавала надменныхъ притязаній римскихъ епископовъ на главенство, слѣдовательно, и не

---

*) Здѣсь вполнѣ приложимы слѣдующія два апостольскія правила: «епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго изъ нихъ, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи, и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего не творитъ безъ разсужденіи всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе, и прославится Богъ о Господѣ во Святомъ Духѣ, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ» (Пр. 34; срав. перв. Всел. Соб. прав. 6 и 7, втор. Вс. Соб. пр. 2 и 3, третьяго—прав. 8, четверт. пр. 6, 36 и 39, и Антіох. пр. 9).

«Епископъ да не дерзаетъ внѣ предѣловъ своея епархіи творити рукоположенія въ градѣхъ и въ селѣхъ, ему не подчиненныхъ. Аще же обличенъ будетъ, яко сотвори сіе безъ согласія имѣющихъ въ подчиненіи грады оные или села: да будетъ изверженъ и онъ, и поставленный отъ него» (пр. 35).

подчинялась ему, какъ это ясно показываетъ церковная исторія. Независимость Востока отъ Запада съ полною ясностью открывается изъ слѣдующихъ немногихъ, но знаменательныхъ словъ Василія Великаго, которыя написалъ онъ въ посланіи къ святому Евсевію, епископу Самосатскому. „Люди надменнаго нрава, когда имъ уступаютъ, дѣлаются еще большими презрителями. Если умилосердится надъ нами Господь, то чего еще намъ желать сверхъ этого? А если пребудетъ на насъ гнѣвъ Божій, какая будетъ намъ помощь отъ западной гордости? Они и не знаютъ дѣла, какъ оно есть, и не хотятъ его узнать: но предубѣжденные ложными подозрѣніями тоже теперь дѣлаютъ, что прежде дѣлали касательно Маркелла“ (239). Вышеупомянутый Фотій, святый іерархъ Константинопольскій и свѣтило, защищая во второй половинѣ IX вѣка независимость Константинопольской церкви и провидя предстоящее извращеніе церковнаго строя на Западѣ и отпаденіе Запада отъ православнаго Востока, пытался сначала мирнымъ путемъ предотвратить опасность. Но епископъ римскій Николай своимъ, вопреки священымъ канонамъ, вмѣшательствомъ въ дѣла Востока и рѣшительной попыткой подчинить себѣ Константинопольскую церковь, впервые довелъ дѣло до печальнаго разрыва между церквами. Первыя сѣмена такихъ безмѣрно-властолюбивыхъ притязаній папства были посѣяны въ „Псевдоклиментинахъ“, ко времени же упомянутаго Николая совершенно были воздѣланы въ такъ называемыхъ „Лжеисидоровыхъ декреталіяхъ“, которыя содержатъ въ себѣ собраніе частію подложныхъ, частію вымышленныхъ царскихъ указовъ и посланій древнихъ римскихъ епископовъ и въ которыхъ, вопреки исторической истинѣ и установившемуся церковному строю, проводилась мысль, будто христіанская древность признавала за римскими епископами верховную власть надъ всей Церковью.

18. Съ душевною скорбію излагаемъ все это, поелику папская церковь, хотя и признаетъ уже порчу и подложность тѣхъ декреталій, на которыхъ основываются неограниченныя ея притязанія, однако не только не возвращается къ канонамъ и опредѣленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, но и въ исходѣ вотъ уже XIX столѣтія, продолжая расширять существующую пропасть раздѣленія, открыто, къ удивленію всего христіанскаго міра, провозгласила непогрѣшимость римскаго епископа, Православная восточная и каѳолическая Христова Церковь, кромѣ неизреченно воплотившагося Сына и Слова Божія, никого другого не знаетъ, кто бы пребылъ на землѣ непогрѣшимымъ. Самъ апостолъ Петръ, преемникомъ котораго мнитъ

себя папа, трижды отрекся отъ Господа; онъ же былъ обличаемъ апостоломъ Павломъ, какъ не право поступавшій въ отношеніи къ истинѣ Евангельской (Гал, 2, 11). Затѣмъ, папа Либерій въ IѴ вѣкѣ подписалъ аріанскій сѵмволъ, также Зосима въ Ѵ вѣкѣ одобрилъ еретическое исповѣданіе вѣры, отвергавшее первородный грѣхъ; Вигилій въ ѴI вѣкѣ былъ осужденъ за неправославіе на пятомъ Вселенскомъ Соборѣ; Гонорій, впавшій въ моноѳелитство, осужденъ былъ въ ѴII вѣкѣ на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ какъ еретикъ, и послѣдующіе папы приняли и подтвердили его осужденіе.

19. Имѣя все это и подобное предъ глазами, народы Запада, постепенно начавшіе развиваться благодаря распространенію наукъ, стали открыто свидѣтельствовать противъ папскихъ нововведеній и требовать—какъ это было въ XѴ вѣкѣ, на соборахъ Констанцкомъ и Базельскомъ,—возвращенія къ церковному устройству первыхъ вѣковъ, въ каковомъ устройствѣ благодатію Божіею пребываютъ и всегда будутъ пребывать православныя церкви на Востокѣ и Сѣверѣ, которыя уже однѣ составляютъ теперь единую святую соборную и апостольскую Христову Церковь, столпъ и утвержденіе истины. Тоже самое сдѣлали въ XѴII вѣкѣ ученые галликанскіе богословы и въ XѴIII вѣкѣ епископы въ Германіи. Въ нынѣшнемъ же вѣкѣ науки и критики все христіанское сознаніе, въ лицѣ знаменитыхъ духовныхъ лицъ и богослововъ Германіи, возмутилось противъ папства въ 1870 г., по поводу Ватиканскаго собора, провозгласившаго новый догматъ о папской непогрѣшимости. Слѣдствіемъ этого движенія является образованіе особыхъ религіозныхъ обществъ „старокатоликовъ", отвергшихъ папство и совершенно порвавшихъ съ нимъ связи.

20. Напрасно, поэтому, отсылаетъ насъ римскій епископъ къ историческимъ свидѣтельствамъ, чтобы изслѣдовать, какъ вѣровали наши предки и что завѣщали намъ первыя времена христіанства. Въ памятникахъ исторіи мы, православные, находимъ указанія на всѣ тѣ древнія и богопреданныя установленія, которыхъ мы и доселѣ заботливо держимся, но отнюдь не на тѣ новшества, какія породили позднѣйшія времена суемудрія на Западѣ и какія усвоила себѣ и содержитъ донынѣ папская церковь. Итакъ, православная восточная Церковь справедливо хвалится о Христѣ, что она есть Церковь седми Вселенскихъ Соборовъ и девяти первыхъ вѣковъ христіанства, слѣдовательно, единая святая соборная и апостольская Церковь, столпъ и утвержденіе истины. Римская же церковь есть церковь новшествъ, подложныхъ отеческихъ твореній и извращен-

наго толкованія Священнаго Писанія и опредѣленій святыхъ соборовъ. Посему она достойно и праведно объявлена и объявляется отдѣленной на все то время, пока пребудетъ въ своемъ заблужденіи. „Лучше война похвальная, говоритъ святый Григорій Назіанзинъ, нежели миръ, отдѣляющій отъ Бога“.

21. Таковы важныя и произвольныя нововведенія папской церкви относительно вѣры и устройства церковнаго управленія, о которыхъ, очевидно, съ намѣреніемъ умалчиваетъ папская энциклика. Но эти нововведенія, касающіяся существенныхъ положеній вѣроученія и управленія церковнаго и явно стоящія въ противорѣчіи со всѣмъ церковнымъ строемъ девяти первыхъ вѣковъ, дѣлаютъ невозможнымъ желанное единеніе между церквами. Невыразимою скорбью наполняется сердце каждаго благочестиваго православнаго человѣка, когда онъ видитъ, что папская церковь продолжаетъ по прежнему надменно отстаивать свои новшества и нисколько не хочетъ содѣйствовать священной цѣли единенія отверженіемъ этихъ производящихъ раздѣленіе новшествъ и возвращеніемъ къ древнему устройству единой святой соборной и апостольской Христовой Церкви, часть которой и она нѣкогда составляла.

22. Но что сказать о томъ, что пишетъ римскій первосвященникъ, обращаясь къ досточтимымъ славянскимъ народамъ? Никто, конечно, никогда не отрицалъ, что большинство славянскихъ народовъ удостоилось благодати спасенія благодаря апостольскимъ трудамъ и добродѣтели святыхъ Кирилла и Меѳодія. Но исторія свидѣтельствуетъ, что эти апостолы славянства—греки, вышедшіе изъ Ѳессалоники во время великаго Фотія и близкіе друзья этого божественнаго отца,—были посланы для обращенія въ христіанство славянскихъ племенъ не изъ Рима, а изъ Константинополя, гдѣ они и образованіе получили, уединившись въ монастырѣ святаго Полихронія. Поэтому совершенно неосновательными являются громкія заявленія въ энцикликѣ римскаго папы, будто между іерархами римской церкви и славянскими народами существовала прежде какая-то близкая связь и взаимоотношеніе. Впрочемъ, если бы его блаженство и не зналъ этого, исторія всетаки ясно свидѣтельствуетъ, что святые апостолы славянъ гораздо больше зла претерпѣли въ своей дѣятельности отъ всякихъ ограниченій и противодѣйствія со стороны римскихъ епископовъ, больше жестокости испытали отъ преслѣдованій со стороны франкскихъ католическихъ епископовъ, чѣмъ отъ самихъ

язычниковъ славянскихъ странъ. Его блаженству хорошо извѣстно, что когда святый Меѳодій отошелъ къ Господу, двѣсти наиболѣе достойныхъ его учениковъ, послѣ продолжительной и тяжкой борьбы съ противодѣйствіемъ римскихъ папъ, изгнаны были изъ Моравіи и съ помощью военной силы выведены за ея предѣлы, откуда потомъ разсѣялись по Болгаріи и по другимъ мѣстамъ. Съ изгнаніемъ же образованнаго славянскаго клира былъ вытѣсненъ изъ употребленія уставъ Восточной церкви, а затѣмъ и славянскій языкъ, такъ что съ теченіемъ времени изгладился въ тѣхъ странахъ всякій слѣдъ православія, и все это—при открытомъ содѣйствіи римскихъ епископовъ, средствами и способами, совсѣмъ неприличными священному епископскому сану. Но благодатію Божіей невредимо сохраненныя отъ всѣхъ этихъ озлобленій православныя славянскія церкви, возлюбленныя дщери православнаго Востока, и особенно великая и славная церковь, богоспасаемой Россіи, соблюли и до конца вѣковъ будутъ блюсти православную вѣру, являя собою свѣтлый примѣръ свободы во Христѣ. Напрасно, поэтому, папская энциклика обѣщаетъ славянскимъ церквамъ благоденствіе и великую славу. По милости Божіей онѣ обладаютъ сими благами, твердо пребывая въ отеческомъ православіи и хвалясь имъ о Христѣ.

23. При такомъ положеніи дѣла, въ виду неоспоримыхъ свидѣтельствъ церковной исторіи, долгомъ считаемъ обратиться съ своимъ словомъ къ народамъ Запада, которые, въ невѣдѣніи истины и вѣрнаго свидѣтельства исторіи о церковныхъ событіяхъ прошлаго, легко поддаются обману и слѣдуютъ незаконнымъ, противо-евангельскимъ нововведеніямъ папства, отторгнутые и пребывающіе внѣ единой святой соборной и апостольской Церкви Христовой, которая есть *Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), въ которой нѣкогда блистали благочестіемъ и правою вѣрой славные ихъ предки, въ теченіе цѣлыхъ девяти вѣковъ оставаясь вѣрными и достойными членами ея, послушно слѣдовавшими и подчинявшимися постановленіямъ богособранныхъ Вселенскихъ Соборовъ.

24. Христолюбивые народы славныхъ странъ Запада! Мы радуемся, видя вашу ревность о Христѣ, проистекающую изъ правильнаго убѣжденія, что безъ вѣры во Христа „невозможно угодити Богу“ (Евр. 11, 6). Но всякому благоразумному человѣку извѣстно, что спасительная во Христа вѣра, прежде всего, должна быть вполнѣ правою и согласною съ Священнымъ Писаніемъ и Апостольскимъ Преданіемъ, на которыхъ зиждется ученіе боже-

ственныхъ отцовъ и седми святыхъ богособранныхъ Вселенскихъ Соборовъ. Извѣстно, далѣе, что и святая Церковь, хранящая въ своихъ нѣдрахъ, какъ бы нѣкое божественное завѣщаніе, эту спасительную, единую, правую и чистую вѣру въ томъ видѣ, какъ она съ самаго начала преподана и богоносными отцами въ теченіе девяти первыхъ вѣковъ богодухновенно раскрыта и изложена, сама также есть едина и всегда одна и та же, не подверженная никакимъ измѣненіямъ въ зависимости отъ текущаго времени. Ибо евангельскія истины отнюдь не допускаютъ измѣненія или постепеннаго совершенствованія, какъ это бываетъ съ различными философскими ученіями: *Іисусъ Христосъ вчера и днесь той же, и во вѣки* (Евр. 13, 8). Поэтому жившій въ половинѣ V вѣка святый Викентій, вскормленный млекомъ отеческаго благочестія въ Галліи, въ монастырѣ Лиринскомъ, мудро и въ духѣ православія опредѣляетъ истинную каѳоличность вѣры и Церкви, въ слѣдующихъ словахъ: „въ каѳолической Церкви въ особенности слѣдуетъ намъ заботливо содержать то, во что вѣрили повсюду, во что вѣрили всегда, во что вѣрили всѣ. Ибо это именно и есть въ истинномъ и въ собственнемъ смыслѣ каѳолическое (на каковой смыслъ указываетъ и самое значеніе слова), которое обнимаетъ все почти всецѣло. Но это будетъ въ томъ случаѣ, если мы послѣдуемъ всеобщности, древности и общему согласію“ *). Но, какъ было сказано, Западная церковь, съ девятаго вѣка и послѣ, ввела у себя чрезъ папство разныя еретическія ученія и новшества, и такимъ образомъ отдѣлилась и удалилась отъ истинной и православной Христовой Церкви. Посему необходимо вамъ обратиться и прійти опять къ древнему и неповрежденному церковному ученію, чтобы достигнуть вѣчнаго спасенія во Христѣ. Вы хорошо это поймете, если внимательно размыслите о томъ, что заповѣдуетъ восхищенный на небеса апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ, говоря: *тѣмъ же, братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Ѳес. 2, 15); еще и въ посланіи къ Галатамъ пишетъ

---

*) In ipsa item catholica Ecclesia magnopere curandum est, ut teneamus, quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est. Hoc est enim vere proprieque Catholicum (quod ipsa vis nominus ratioque declarat), quod omnia fere universaliter comprehendit. Sed hoc fiet si sequimur universalitatem, antiquitatem consensionem (Vicentii Lirinensis Commonitorium pro catholicae fidei antiquitate e universalitate cap. III, сравн. cap. VIII и XIV).

тотъ же божественный Апостолъ: *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся отъ зававшаго вы благодатію Христовою во ино благовѣствованіе, еже нѣсть ино, точію нѣцыи суть смущающіи вы и хотящіи превратити благовѣствованіе Христово* (Гал, 1, 6—7). Но удаляйтесь отъ этихъ превратителей истины Евангельской: *таковіи бо Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву: иже благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. 16, 18). Возвратитесь, наконецъ, въ нѣдра единой святой соборной и апостольской Церкви Божіей, которая состоитъ изъ множества отдѣльныхъ, по всему православному міру богонасажденныхъ, какъ виноградъ благопроизрастающихъ, неразрывно между собою единствомъ общей спасительной вѣры во Христа, союзомъ мира и духомъ соединенныхъ святыхъ Божіихъ церквей, чтобы и вамъ достигнуть вожделѣннаго во Христѣ спасенія. И прославится тогда въ насъ преславное и препѣтое имя пострадавшаго за спасеніе міра Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

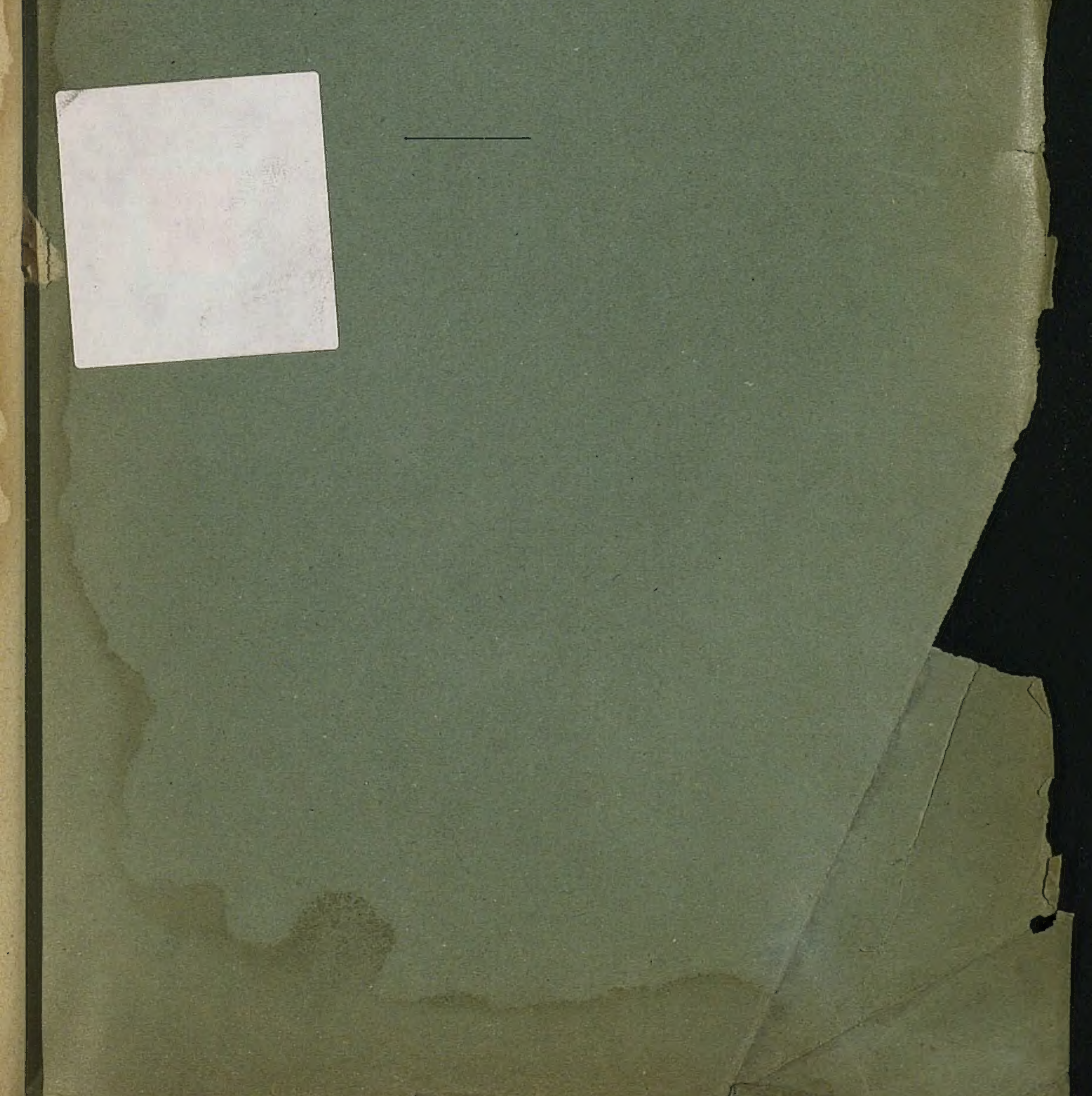
25. Мы же, благодатію и милостію всеблагаго Бога сподобившіеся пребыть членами тѣла Христова, т. е. единой святой соборной и апостольской Церкви Его, будемъ твердо держаться апостолами и святыми отцами преданнаго благочестія. Будемъ всѣ бодрствовать и беречься тѣхъ лжеапостоловъ, которые приходятъ къ намъ въ одеждахъ овчихъ, чтобы прельщать простыхъ и неопытныхъ нашихъ братій разными коварными обѣщаніями! Они все для себя считаютъ позволеннымъ и говорятъ о единеніи церквей, только бы склонить насъ къ признанію того, что папа римскій есть непогрѣшимый глава и неограниченный повелитель всей Церкви, единый на землѣ намѣстникъ Христа и источникъ всякой благодати. Особенно же мы, благодатію и милостію Божіею поставленные епископами, пастырями и учителями святыхъ Божіихъ церквей, будемъ *внимать себѣ и всему стаду, въ немъ же* насъ *Духъ Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею* (Дѣян. 20, 28), ибо мы дадимъ отвѣтъ. Посему будемъ увѣщевать другъ друга и назидать одинъ другого (1 Ѳесс. 5, 11). *Богъ же всякія благодати, призвавый насъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Іисусѣ... той да совершитъ* насъ, *да утвердитъ, да укрѣпитъ, да оснуетъ* (1 Петр. 5, 10) и дастъ просвѣщеніе свѣтомъ благодати Его и познанія истины всѣмъ, которые—далеко внѣ единой святой соборной и православной паствы словесныхъ Его овецъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Константинопольская патріархія, мѣсяцъ августъ, годъ спасенія 1895-й.

Посланіе подписали: *Константинопольскій патріархъ Анѳимъ, митрополиты: Кизическій Никодимъ, Никомидійскій Филоѳей, Никейскій Іеронимъ, Прузійскій Наѳанаилъ, Смирнскій Василій, Филадельфійскій Стефанъ, Лемносскій Аѳанасій, Дирражійскій Виссаріанъ, Велеградскій Дороѳей, Елассонскій Никодимъ, Карпаѳскій и Кассійскій Софроній и Елевѳерупольскій Діонисій.*

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ.** Декабрь 1895 г.

Содержаніе: Окружное патріаршее и сѵнодальное посланіе Константинопольской церкви по поводу папской энциклики о соединеніи церквей.

Открыта подписка на 1896 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ приложеніи «БЛАГОВѢСТЪ» помѣщаются статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль**.

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за 1/4 5 р.

Адресъ Редакціи и Конторы „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18.

Издатели: А. В. Васильева. Е. А. Евдокимовъ. В. С. Драгомірецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 декабря 1895 года.